

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/97

ISSN 0131 - 2812

Дело и эра Дэн Сяопина

Россия-Китай: перспективы
отношений

Экономика Китая в 1996 году

Перспективы объединения Кореи

3-4 978

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/97

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

ЖУРНАЛУ "ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА" - 25 ЛЕТ

Поздравление Президиума Российской академии наук.....	3
Поздравление Академиздатцентра "Наука".....	3
ПДВ - 25 лет	4

РЕГИОН

<i>М.Титаренко, А.Григорьев.</i> Дело и эра Дэн Сяопина.....	8
<i>В.Павлятенко.</i> Японские взгляды на экономическую безопас- ность (окончание).....	14

РОССИЯ - КИТАЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ ОТНОШЕНИЙ

<i>Г.Карасин.</i> Россия - Китай: партнерство, развернутое на стратегическую перспективу.....	25
<i>Ли Фэнлинь.</i> Исторический выбор народов двух стран.....	33
<i>В.Лихачев.</i> О стратегическом партнерстве между Китаем.....	37
<i>А.Яковлев.</i> Доверительное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие.....	41
<i>В.Кистанов.</i> Япония и перспектива российско-китайского стратегического партнерства.....	48

3093.

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>К.Кокарев.</i> Традиционная политическая культура Китая и современность	57
--	----

ЭКОНОМИКА

<i>В.Портяков.</i> Экономика Китая в 1996 г.: не все так хорошо или не все так плохо?	68
<i>О.Борох.</i> О некоторых тенденциях развития китайской экономической мысли.....	75
<i>И.Шевель.</i> Реформа налоговой системы КНР	89
<i>П.Мозиас.</i> Привлечение иностранного капитала в акционерной форме: опыт КНР (окончание)	102

ИСТОРИЯ

<i>Ю.Гарушнянц.</i> Борьба за признание независимости Монголии.....	112
---	-----

РУССКИЕ В КИТАЕ

<i>Е.Таскина.</i> Синологи и краеведы Харбина.....	124
--	-----

РЕЛИГИЯ

<i>В.Малявин.</i> Феномен синкретических религий в Китае (окончание)	130
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Р.Савельев.</i> Перспективы объединения Кореи: взгляд из России	142
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Г.Ганшин.</i> А.Д.Барнетт. Китайский Дальний Запад: четыре десятилетия перемен.....	146
<i>Н.Тебин.</i> Маркарян С.Б., Молодякова Э.В. Японское общество: книга перемен.....	152
<i>И.Коркунов.</i> В.П.Курбатов. Актуальные проблемы КНР: демография, агросфера, экология.....	156
Наши юбиляры.....	159

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам.главного редактора), О.Н. Борох, Ю.М. Гарушнянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, П.М. Иванов, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, В.В. Малявин, П.А. Минакир, В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (отв. секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Журналу “Проблемы Дальнего Востока” — 25 лет

Директору Института Дальнего Востока РАН
М.Л.Титаренко
Главному редактору журнала “Проблемы Дальнего Востока”
А.М.Григорьеву

От имени Президиума Российской академии наук сердечно поздравляю редколлегию журнала и коллектив Института Дальнего Востока в связи с 25-летием выхода первого номера журнала “Проблемы Дальнего Востока”.

Журнал всегда выполнял важное предназначение в освещении изучения актуальных проблем стран Дальнего Востока и в объединении лучших сил специалистов-дальневосточников России и зарубежья.

Желаю всем доброго здоровья, благополучия и дальнейших творческих достижений.

Вице-президент РАН, академик

В.Н.Кудрявцев

Коллективу редакции журнала “Проблемы Дальнего Востока”

Дорогие коллеги!

Многочисленный коллектив редакторов, полиграфистов и книгораспространителей Академического научно-издательского, производственно-полиграфического и книгораспространительского центра Российской академии наук “Издательство “Наука” сердечно и горячо поздравляет Вас со знаменательной датой в жизни вашего журнала - 25-летием со дня его создания.

Мы высоко ценим Ваш вклад в развитие гуманитарной науки, в исследование проблем востоковедения, в популяризацию достижений отечественной фундаментальной науки.

Благодаря усилиям редакции и дружной работе авторского коллектива, за истекшие четверть века журнал стал значительным явлением в научном мире.

Желаем всем Вам новых творческих успехов в Вашем нелегком, но благородном деле.

Генеральный директор Академиздатцентра “Наука”,
советник президента РАН, профессор

В.И.Васильев

В марте 1972 г. вышел в свет первый номер журнала Института Дальнего Востока "Проблемы Дальнего Востока". С тех пор в отечественных библиографических указателях появилась аббревиатура "ПДВ". В соответствии с профилем Института главной задачей издания в то время было освещение различных аспектов жизни современного Китая.

Журнал начал выходить в обстановке острой идеологической и политической конфронтации между руководством КПСС и КПК, и это обстоятельство не могло не наложить отпечаток на содержание и стиль его публикаций, на оценки в них различных сторон китайской действительности, курса китайского руководства внутри страны и на международной арене. Вместе с тем, и в те времена редколлегия и редакция журнала в подборе статей и материалов руководствовались стремлением найти то, что соединяет, а не разъединяет наши страны, отражает традиции и чувства дружбы и добрососедства между народами СССР и Китая.

Несмотря на издержки полемики и скованность существовавшими политическими и идеологическими рамками, материалы, помещавшиеся в журнале, доносили до читателя большую по объему фактическую информацию об основных политических и идеологических процессах, о состоянии экономики, уровне жизни в КНР, оперативно фиксировали важнейшие события политической жизни страны, политики китайского руководства на международной арене. Многие публикации журнала, посвященные центральной теме тех лет - причины, содержание и последствия "культурной революции", характер созданного в ее итоге политического режима - не утратили своего значения и в наше время. То же можно сказать и о ряде исследовательских статей по истории КПК и КНР, о культуре Китая, о серии публикаций - политических портретов видных руководителей КПК и НОАК, деятелей культуры Китая.

С продвижением к нормализации отношений между нашими странами публикации в журнале стали приобретать менее идеологизированный и все более взвешенный и объективный характер. Во второй половине 80-х годов с началом "периода перестройки" и сменой руководства ИДВ на первый план в публикациях журнала по Китаю выдвигается освещение опыта реформ и материалы, отражающие поиск путей нормализации советско-китайских отношений. По мере развития в институте исследований современных проблем Японии и государств Корейского полуострова все более существенное место на страницах журнала занимает освещение соответствующей тематики. В целом, к концу 80-х - началу 90-х годов журнал уверенно занял отведенную ему "нишу" - место ведущего академического издания, освещающего современные проблемы стран зарубежного Дальнего Востока.

В начале 90-х годов в обстановке резких перемен в общественно-политической ситуации и открывшейся полосы экономических трудностей на-

учных учреждений и их изданий журнал, выпускавшийся тогда издательством "Прогресс", пережил краткий трудный период в своей жизни. Был изменен его привычный читателю формат, уменьшился объем, перестало на некоторое время выходить издание на английском языке.

С начала 1993 г. благодаря поддержке руководства РАН, принявшего решение о переводе журнала в издательство "Наука" и финансировании его выпуска, поддержке Отделения экономики РАН и повседневной помощи дирекции ИДВ, журнал восстановил и, как показало время, укрепил свое положение ведущего отечественного научного и общественно-политического издания, ориентированного на освещение современных процессов в регионе Дальнего Востока и АТР.

В связи с 25-летием журнала и предстоящим обсуждением итогов и перспектив его работы на совместном заседании Ученого Совета ИДВ, редколлегии и редакции ПДВ поступили письма от Президиума РАН, руководителей ведущих востоковедных центров Российской академии, вузов востоковедного профиля, от журналов "Восток" и "Новая и новейшая история", от соответствующих подразделений МИД РФ, а также от ряда наших постоянных подписчиков - научных центров и читателей за рубежом, в том числе в Китае, Японии, Республике Корея. Во многих из них наряду с поздравлениями и добрыми пожеланиями, высказаны оценки работы журнала в целом или отдельных его рубрик, публикаций, в том числе и критические, хотя преобладают, видимо, в связи с юбилеем, оценки позитивные. Ниже в кратких заметках о пути, пройденном журналом за последние годы, о решенных и нерешенных проблемах оценки проделанной работы опираются в значительной мере на отзывы наших читателей.

Обновленной редакции и редколлегии в известной мере удалось реализовать намерение сделать ПДВ трибуной всех отечественных специалистов-ученых и практиков, занимающихся современными проблемами Дальнего Востока. На страницах ПДВ в последние годы наряду с учеными ИДВ - учредителя журнала - постоянно выступают специалисты других институтов РАН, сотрудники научных центров ДВО РАН, востоковедных центров университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, сотрудники МИД и других министерств и ведомств России. К работе журнала удалось привлечь и зарубежных авторов - ученых Китая, США, Японии, ФРГ, Франции, Республики Корея, что придало ПДВ в значительной мере характер международного издания.

Изменения в содержании и направленности публикаций журнала определялись новой обстановкой и новыми задачами, вставшими перед отечественными специалистами-дальневосточниками. Опираясь на решения и рекомендации руководства РАН, Ученого Совета ИДВ, на ориентиры целевых научных программ, предусматривавших участие востоковедов, редакция стремилась формировать портфель журнала с учетом прежде всего актуальных социально-экономических и внешнеполитических проблем России, для решения которых в ее новой геополитической ситуации особое значение приобрело дальневосточное направление - развитие политических, экономических, научных и культурных связей со странами АТР. Особое внимание журнал уделял освещению различных подходов, направленных на поиск путей обеспечения военно-политической стабильности и безопасности в регионе в целом, в субрегионе Северо-Восточной Азии. Исключительная важность для решения экономических проблем страны развития ее дальневосточных районов, острота сложившейся здесь ситуации побудила редакцию открыть специальную рубрику "Российский Дальний Восток". Ее наполнение в значительной мере обеспечивается специалистами научных центров этого региона. Это дает возможность заинтересованным специалистам - ученым и практикам - в центре

и за пределами России получить представление о взглядах самих дальневосточников на комплекс проблем региона, на пути их решения.

Одно из ведущих мест в журнале по-прежнему занимает освещение вопросов внутренней и внешней политики Китая, в особенности опыта и динамики экономических реформ в стране и, конечно, состояния и перспектив российско-китайских отношений. Большой интерес наших читателей вызвали выступления в журнале по проблемам теории и практики экономических реформ в КНР и по вопросам советско-китайских отношений ряда ведущих китайских экономистов и политологов, русистов и специалистов в области российско-китайских культурных связей. Надеясь, что по достоинству будет оценена и статья в настоящем юбилейном номере журнала посла КНР в РФ Ли Фэнлиня, который любезно согласился выступить в заочном круглом столе, посвященном вопросу о перспективах российско-китайских отношений. По общему признанию, существенный вклад в освещение в журнале вопросов внутренней, внешней и внешнеэкономической политики Китая и российско-китайских связей внесли практические работники - сотрудники учреждений МИД РФ в Москве и в Китае.

Читатели отмечают значительно возросший уровень освещения в журнале политики России в отношении государств Кореяского полуострова и положения в этих государствах, выражают удовлетворение публикациями об опыте экономического строительства и политических преобразований на Тайване, опыте совершенствования и новых направлениях структурной перестройки экономики Японии. Вместе с тем ряд специалистов считают, что некоторые статьи по вопросам экономики Японии и "малых драконов" Восточной Азии перегружены фактическими данными, приводимыми без необходимых обобщений и выводов о применимости тех или иных аспектов их опыта к условиям России. Высказывается и пожелание увидеть на страницах журнала статьи, содержащие анализ и прогноз общих тенденций социально-политического и экономического развития стран Восточной Азии с учетом новейших явлений в экономике крупнейших стран этого региона и динамике их внешнеэкономических связей.

Наши постоянные читатели из Института истории партии при ЦК КПК пишут что журнал, по их мнению, занимает достойное и в то же время особое место среди других зарубежных изданий такого рода, благодаря составу авторов, собственному стилю, новизне подходов ко многим освещаемым проблемам. Сообщается также, что с переводами наиболее интересных статей журнала по Китаю оперативно знакомятся научные круги КНР. В то же время в письме отмечается, что в последние годы в журнале, особенно в рубрике "История", почти нет обобщающих статей по тематике истории КПК, китайской политике Коминтерна, вопросам новейшей истории Китая. Высказывается и пожелание шире использовать форму "круглых столов", ввести рубрику "дискуссии и обсуждения".

Многие отечественные историки-китаеведы отмечают удачу введения рубрики "Документы. Архивы" и ее наполнение - серию публикаций рассекреченных в последние годы документов РЦХИДНИ, ЦХСД, РГВА и Архива Президента РФ. Признанием удаchi этой рубрики можно считать и то обстоятельство, что основные публикации, появившиеся в ее рамках, были переведены в КНР, в Японии и на Тайване. Вместе с тем следует согласиться с авторами упомянутого выше письма из КНР: от публикации и комментирования отдельных групп новых документов следует переходить к освещению новых или обновленных концептуальных подходов к проблемам новейшей истории Китая и других стран Восточной Азии. Принимая это пожелание журналу, мы адресуем его и исследователям, работающим в этой области. Журнал готов предоставить свои страницы для концептуальных разработок сторонников

самых разных подходов. Возможно, плодотворным здесь окажется соединение усилий ученых разных стран и научных школ.

Приятно отметить, что, как видно явствует из письма директора Института Востоковедения РАН профессора Р.Б.Рыбакова, не остались незамеченными усилия редакции вовлечь в авторский актив журнала даровитых молодых ученых и (добавим от себя) молодых специалистов-практиков, особенно существенно отметить, что многие их публикации посвящены новой тематике и выполнены на высоком профессиональном уровне.

Хотя в последние годы и русское, и английское издания сохраняют стабильные и "приличные" по нынешним временам тиражи, редакция ищет пути расширения читательской аудитории. В нашей парадоксальной ситуации, когда увеличение тиража ведет не к удешевлению, а к удорожанию издания, очень полезным для расширения круга читателей представляется предложение наших коллег из журналов "Восток" и "Новая и новейшая история" наладить регулярное сотрудничество между журналами, в частности, путем информирования читательской аудитории каждого из них о материалах друг друга в форме публикации их перечней и (или) аналитических обзоров.

Выражая от имени редакции благодарность за поздравления, пожелания и замечания всем организациям и лицам, нашедшим время, чтобы написать нам, хочу заверить наших читателей, что редакция и редколлегия ясно сознают, как много еще не сделано и предстоит сделать.

С точки зрения авторского актива журнала, пожалуй, самый большой пробел - это, практически, отсутствие авторов из бывших республик СССР - ныне государств СНГ, с которыми ранее у журнала были прочные связи. Нет необходимости разъяснять причины нынешнего положения. Надо искать пути его исправления. Журнал всегда открыт для наших коллег из стран СНГ.

В числе замыслов, которые не удалось реализовать, следует отметить планы значительного расширения отдела рецензий за счет обзоров или хотя бы заметок о наиболее значимых книгах китайских и других зарубежных авторов по современным проблемам стран зарубежного и российского дальнего Востока. Здесь сказывается острая нехватка научных сил и средств. С этим связан и ряд других нерешенных проблем и трудностей журнала, в целом общих для большинства академических изданий в нынешней крайне трудной обстановке, в которой оказалась отечественная наука, в том числе и ее востоковедение.

В заключение хотелось бы высказать слова искренней благодарности нашим авторам, которые, откликаясь на просьбы редакции, а часто - по своей инициативе все вместе вносят решающий вклад в работу журнала, рассматривая его как общую трибуну и общее дело специалистов по проблемам Дальнего Востока. Не будет преувеличением назвать их вклад бескорыстным служением науке, в том числе и в буквальном смысле, учитывая символические размеры наших гонораров.

Сегодня один из путей выживания нашей науки, сохранения и передачи ее лучших традиций будущим и, будем надеяться, более счастливым поколениям ученых-востоковедов - это объединение усилий. Одну из своих "сверхзадач" наш журнал видит именно в этом. Как высокую оценку нашей работы в этом отношении (пожалуй, даже завышенную в связи с юбилеем) и как поручение на будущее мы воспринимаем слова из письма в адрес журнала от имени Президиума РАН: "Журнал всегда выполнял важное предназначение в освещении изучения актуальных проблем стран Дальнего Востока и в объединении лучших сил специалистов-дальневосточников России и Зарубежья".

Дело и эра Дэн Сяопина

© 1997

М.Титаренко, А.Григорьев

19 февраля 1997 г. остановилось сердце Дэн Сяопина - признанного политического лидера Китая последнего двадцатилетия. В последующие дни электронные и другие средства массовой информации передавали траурные сообщения из Пекина, соболезнования руководителей разных стран по случаю его кончины в адрес китайского руководства и семьи усопшего. Крупнейшие газеты мира помещали интервью с видными политическими деятелями, дипломатами и учеными, статьи ведущих обозревателей, китаеведов, посвященные жизни и деятельности Дэн Сяопина и интересующей всех проблеме - куда пойдет Китай после его ухода.

На политических деятелей даже в траурные дни не распространяется известное "о мертвых - или хорошо, или ничего". В мировых средствах массовой информации, особенно на Западе, на Тайване и в Японии, даже в эти дни было высказано немало известных нареканий в адрес его жесткой линии в отношении политической либерализации, инакомыслящих и т.п. Но все-таки главным и общим для всех в оценке его деятельности, в том числе в оценках политических лидеров и экспертов, не приемлющих политических взглядов Дэн Сяопина, настроенно или даже враждебно относящихся к Китаю, было признание его громадного, решающего вклада в разработку и осуществление политики реформ. По общему признанию эти реформы обеспечили невиданные темпы экономического роста огромной по территории и населению страны, привели к удвоению уровня доходов подавляющего большинства ее населения, достижению уже к середине 90-х годов планировавшегося на конец столетия учетверения ВВП Китая по сравнению с 1980 г., впечатляющих объемов внешней торговли, валютных резервов и зарубежных инвестиций, вывели страну на ведущие позиции по многим видам производства и укрепили ее положение в мире в целом.

Этот рывок Китая в XXI век был осуществлен под руководством Дэн Сяопина - инициатора и "архитектора" реформ - за относительно краткий по историческим меркам период с конца 70-х годов, который стал венцом дарованной ему Небом долгой земной и политической жизни.

Дэн Сяопину было почти 75 лет, когда он, утвердившись в качестве политического лидера страны, начал подготовку партии и общественного мне-

ния страны к переменам, поиск путей радикальных социально-экономических преобразований Китая под лозунгами "раскрепощения сознания" и "практика - критерий истины". Факт сам по себе поразительный, свидетельствующий о его способности, несмотря на солидные годы, трезво взглянуть на опыт прошлого и вырваться из его оков, на что способны немногие и в более молодом возрасте. Вскоре он стал общепризнанным руководителем страны и начал осторожное, но целеустремленное осуществление реформ на практике, увлекая за собой значительную часть различных эшелонов китайского руководства (тогда самого старого по возрасту во всем мире), умело умножая число своих сторонников, привлекая к руководству страной более молодых, образованных и преданных делу реформ работников.

Умело маневрируя, иногда отступая и идя на компромиссы перед лицом сложной обстановки в партии и в армии, на кадры которых наложили глубокий отпечаток коллизии предшествующих лет, в том числе длительные периоды индокринации в духе маоизма, Дэн не останавливался перед принятием радикальных политических и кадровых решений в тех случаях, когда уступки угрожали общему замыслу и продвижению реформ.

Сложные, подчас трагические, эпизоды и перипетии осуществления дэновской политики реформ достаточно полно освещены в отечественной и зарубежной литературе. В этих кратких заметках - дани памяти великого лидера и реформатора Китая - хотелось бы остановиться лишь на некоторых чертах его политической биографии, его личности и стиля деятельности, наиболее важных особенностях его подхода к реформированию экономики такой громадной страны как Китай, находившейся ко времени его прихода к власти в состоянии острого кризиса.

Дэн Сяопин был прирожденный лидер. Еще в 1922 г. в возрасте 18 лет он выдвинулся в руководство одной из первых коммунистических организаций китайской молодежи, созданной во Франции, где работали и учились тогда многие будущие видные деятели КПК, в том числе Чжоу Эньлай, с которым он тесно сотрудничал впоследствии, особенно в годы КНР. Дар Дэна как политического организатора был замечен и во время его краткого пребывания в СССР в конце 1925 - первой половине 1926 г. В характеристике партийной организации Коммунистического университета трудящихся Востока (где он учился под фамилией Дозоров), подготовленной в связи с намечавшимся его переводом из кандидатов в члены ВКП(б), особо отмечались его большие способности и успехи в организационной работе. В 23 года в августе 1927 г. - в переломный момент в жизни Компартии Китая - он занял ответственный пост в ее руководстве и с тех пор неизменно входил в круг высших руководящих работников партии и ее армии. В сложнейших, в том числе и личных ситуациях, он проявлял стойкость и хладнокровие. Трижды - первый раз в середине 30-х годов - за близость к Мао Цзэдуну, а затем дважды в годы "культурной революции" по указанию и с согласия Мао его снимали "со всех постов в партии и вне ее", но это не сломило его волю и характер.

К тому времени, когда он стал бесспорным лидером страны, Дэн Сяопин накопил уникальный опыт. В годы антияпонской и гражданской войн в Китае он был политкомиссаром ряда крупнейших военных соединений армии КПК. На заключительном этапе гражданской войны армия центральной равнины, названная позднее 2-ой полевой армией НОАК (командарм - Лю Бочэн) или, как ее тогда называли "армия Лю-Дэна", в 1948 г. провела одну из крупнейших боевых операций - хуайхайскую, предрешивших исход войны с Гоминьданом, а в 1949 г. - после форсирования Янцзы - овладела Нанкином, Шанхаем, а затем провинциями Юго-Западного Китая, где в первые годы после создания КНР Дэн Сяопин, заняв посты первого секретаря Юго-Западного бюро ЦК КПК и председателя военно-административного комитета, занимал

ся всеми сторонами жизни территории с населением, превышавшим по численности население многих стран Европы.

В 1952 г. он становится заместителем председателя Государственного административного совета (позднее - Госсовета КНР), т.е. центрального правительства Китая, в 1953-1954 гг. - совмещает этот пост с постом министра финансов. С 1954 г. начинается его работа в руководящих органах ЦК партии: он назначается секретарем ЦК и - одновременно - заведующим орготделом. В 1955 г. он избирается в политбюро ЦК, а в 1956 г. на VIII съезде КПК избирается в члены высшего "внутреннего круга" руководства КНР - в Постоянный комитет Политбюро ЦК и Генеральным секретарем секретариата ЦК. В 1957 и 1960 годах Дэн Сяопин - второе лицо в делегациях КПК, выезжавших в Москву во главе, соответственно, с Мао Цзэдуном и Лю Шаоци.

Подобно подавляющему большинству высших руководителей КНР Дэн Сяопин, по его собственным словам, разделял ответственность за курс "большого скачка". Но вскоре в числе первых осознал его пагубность и с присущей ему энергией включился в выправление допущенных ошибок. Тогда в начале 60-х годов при его личном участии были разработаны документы, определившие содержание антикризисных мер в городе и деревне, с его одобрения в сельском хозяйстве были опробованы различные формы подворного подряда, напоминавшие первые шаги, с которых начиналась экономическая реформа в китайской деревне в конце 70-х - начале 80-х годов. Тогда же, как известно, он высказался за практически-прагматический подход к решению экономических проблем, заявив "не важно, черная или белая кошка, лишь бы ловила мышей".

В первой половине 60-х годов - к началу "культурной революции" Дэн вместе с Лю Шаоци курирует важнейшие вопросы жизни партии и одновременно занимается проблемами государственного управления. В это время он несколько раз замещает премьера Госсовета Чжоу Эньляя во время его зарубежных поездок, а в начале 1966 г. становится заместителем премьера Госсовета и заместителем председателя Государственного комитета обороны.

Возвращенный при поддержке Чжоу в 1973 г. накануне своего 70-летия в руководящие эшелоны КНР после долгой - почти 7-летней - "опалы", вместившей униительные "митинги борьбы", домашние аресты и ссылку в пров. Цзянси на тяжелую физическую работу, Дэн занимает пост заместителя Чжоу Эньляя по Госсовету а вскоре и должность начальника генштаба НОАК. С конца 1974 г., когда тяжелая болезнь Чжоу стала прогрессировать, Дэн практически исполнял обязанности Премьера Госсовета. В этот относительно короткий период - до нового "снятия со всех постов" в начале 1976 г. - Дэн ясно видел глубину кризиса во всех областях жизни Китая в результате "культурной революции" и левацких экспериментов ее выдвинутцев. Несмотря на сковывающие рамки господствовавших маоистских установок и следовавшие одна за другой политические кампании, он при поддержке Чжоу Эньляя разработал и частично провел в жизнь меры по стабилизации положения в промышленности, в сфере науки и образования, добился включения лозунга "четыре модернизации" в программные документы страны. От последней опалы до нового возвращения в руководство - теперь уже в качестве лидера - на историческом III пленуме ЦК КПК в конце 1978 г. оставалось еще три потерянных для реформ трудных года, вместивших смерть Мао, арест "банды четырех" и расчистку путей для утверждения нового "руководящего ядра" во главе с Дэном.

С началом реформ в 80-е годы в полной мере проявились талант Дэна как лидера, особенности его мышления и личности. Харизма Дэна Сяопина сложилась уже к середине 80-х, когда в результате реформ в деревне за крайне короткий период страна ощутила заметное повышение уровня жизни,

освободилась от разрушительных политических кампаний и левацкого догматизма. Авторитет Дэн Сяопина в глазах всех слоев населения затмил и превзошел авторитет не только Мао, но и пользовавшегося глубокой симпатией в Китае Чжоу Эньлая. Несомненно, Дэн знал об этом. Но он решительно и твердо противился всяким попыткам создавать новый культ личности, его собственный культ.

Его личный стиль политических выступлений с высоких трибун, манера общения с представителями зарубежных стран, были лишены аффектации и демонстративных эффектов. Встречавшихся с ним поражала глубина знания предмета бесед, острота реакции, сочетавшиеся с простотой манеры изложения и умения оставаться самим собой в любой обстановке, с любым гостем будь то английская королева или Генри Киссинджер.

Он был прост в быту и в привычках, на официальных встречах в стране и в поездках за границу всегда носил сунъятсеновский френч. Но свой простой образ жизни не позволял рекламировать в поисках дешевой популярности.

Выступая за социальную справедливость, осуждая и принимая суровые меры против коррупции и коррупционеров, он был чужд популизма и популистских жестов, отчетливо понимая, что рыночный социализм не может быть царством упрощенно понимаемого всеобщего равенства в доходах.

Его особо ценное качество как лидера проявилось в умении найти и выдвинуть на ключевые посты управления страной талантливых людей, способных решать актуальные проблемы, проводить в жизнь замыслы и планы политики реформ. На это могут сказать, что он был вынужден пересмотреть два крупнейших решения в этой области - выдвижение на посты Генеральных секретарей ЦК КПК Ху Яобана и Чжао Цзыяна. Причины этих "пересмотров" и их оценка - особая тема, требующая специального рассмотрения. Здесь достаточно будет сказать, что и Ху Яобан и Чжао Цзыян, занимая эти посты (а последний сначала 80-х гг. пост Премьера Госсовета), сыграли громадную позитивную роль в разработке и осуществлении политики реформ в крайне важные периоды их развертывания. Наконец, именами Ху и Чжао не ограничивается круг его "выдвиженцев". При Дэне в руководящие партийно-государственные органы пришла целая плеяда - новое поколение руководителей, показавших на практике приверженность идее реформ и умение их проводить.

Дэн был чужд фаворитизма и умел поставить заслоны этой болезни всех авторитарных режимов. Его связывали со старшим поколением лидеров страны, партии, армии и многолетняя общность судеб и - со многими - личные отношения. Он считал необходимым учитывать их мнение, даже если он не вполне его разделял. И это вносило в его стиль принятия решений элемент "здорового консерватизма", страховало от чрезмерно резких поворотов, обеспечивало поддержку его курса со стороны слоев населения, которым были близки настроения и взгляды дореформенной эпохи. Но главным для него были деловые качества руководителей, их отношение к реформам. И в моменты, когда решалась судьба реформ, он жестко ставил вопрос: "кто против реформ - тот должен уйти".

В статье в связи с кончиной Дэна видный американский синолог Майкл Оксенберг, работавший в Совете безопасности при президенте США и неоднократно присутствовавший на встречах с китайским лидером, писал: "Мало лидеров в своем видении мира могут сравниться с Дэном". Дэн Сяопин был оптимистом в том, что касалось перспектив страны и возможности мирного развития в глобальном масштабе, утверждая, что мир и развитие, включение Китая в широкие международные связи - неперемнное условие решения проблем Китая. Но он не питал иллюзий ни в отношении своей страны,

ни в отношении окружающего мира. Он ясно видел, что место и новая роль Китая в мире будут определяться не благими пожеланиями и декларациями о приверженности иноземным системам ценностей, а реальными успехами в экономическом развитии, повышении уровня жизни населения, решении насущных внутренних проблем. Он неоднократно подчеркивал, что политическая стабильность, прочность экономики и обороноспособности страны, а не декларации о приверженности демократии будут определять реальное отношение к Китаю на международной арене его соседей и крупнейших держав.

Известная особенность комплекса реформ в Китае - крен на социально-экономические преобразования при ограниченных изменениях в политической области, постепенность и избирательность сфер введения рыночных отношений и методов, при сохранении контролирующей и направляющей роли государства в определении приоритетов и решении проблем структурной перестройки экономики, осуществлении конверсии, направлении потоков инвестиционных факторов на разных этапах политики реформ и открытости внешнему миру, в этом подходе, избранном и направляемом Дэн Сяопином, четко просматривается понимание того фундаментального факта, что реформирование и структурная перестройка экономики такого типа как экономика Китая (которую в терминах концепции академика Ю.В. Яременко можно было бы определить как многоуровневую экономику, испытывающую дефицит ресурсов высокого качества), ее трансформация в рыночную экономику должны на первых этапах преобразований осуществляться в значительной мере нерыночными методами, при сохранении высокой роли государства. Понимание этого проявилось в Китае и в дозированной, избирательной "открывании" отдельных отраслей экономики страны внешнему миру. Именно в этом, а не только в практике реформ отдельных звеньев народного хозяйства состоит, на наш взгляд, главное значение опыта китайских реформ, глубина и прозрачность стратегии реформ Дэн Сяопина.

В последнее время эффективность такого подхода начинает получать, к сожалению, запоздалое признание и в нашей печати. В статье обозревателей "Независимой газеты", написанной по случаю кончины Дэна, отмечается, что он "сумел с блеском провести масштабный экономический эксперимент, подтвердивший высокую эффективность для развивающихся стран авторитарно-рыночной модели". И из той же статьи: "Дэн не был профессиональным ученым-экономистом. Тем не менее его достижения в разработке оригинальной экономической идеологии позволяют поставить его в ряд с Джоном Кейнсом или Мильтоном Фридманом...". Эти позитивные оценки, вместе с тем содержат досадные неточности и знаменательны как "проговорки" (по Фрейду). Во-первых, реформы в Китае - не "масштабный эксперимент", а продуманная политика, учитывающая политические, социальные и экономические реалии страны. Эксперименты до начала и в ходе реформ в масштабе Китая проводились в рамках отдельных предприятий, городов, отраслей и провинций. Во-вторых, подход, о котором идет речь, отвечает условиям отнюдь не только развивающихся стран, а стран со структурной экономики определенного типа. И, наконец, в готовности поставить Дэна в ряд с известными учеными-экономистами просматривается необоримое стремление "наших" встать в "их" ряды, заполучить от Запада палочку-выручалочку в виде готовой экономической концепции или инструкции.

Это счастье Китая, что в кризисной ситуации его лидером стал не провинциальный функционер с непомерными личными амбициями, и не "ученый-экономист", готовый в эксперименте над большой страной проверить свою или применить заимствованную теорию, а практический политик с огромным опытом управления государством, знавший и чувствовавший свою

страну, ее возможности. Дэн Сяопин никогда не стремился быть "лучшим немцем" или "лучшим американцем". Он стремился быть "лучшим китайцем" и именно в этом качестве был дважды признан "человеком года", потому что мир не мог не признать громадных успехов его политики в его родной стране.

Дэн Сяопин оставил своим преемникам богатое наследие - страну, находящуюся на подъеме. Он оставил свой опыт и заветы, важнейшие принципы его собственной деятельности - "раскрепощать сознание", "искать истину в фактах", учитывать национальную специфику, - умело пользуясь которыми, это наследие можно не только сохранить, но и приумножить, решить оставшиеся нерешенными и возникающие новые проблемы, связанные с вхождением Китая в новый этап реформ, в постиндустриальную эпоху.

Историческое значение его деятельности и его наследия состоит и в том, что при всех возможных колебаниях и зигзагах в проведении политики реформ в дальнейшем инициированные Дэном процессы трансформации Китая, главные тенденции в модернизации страны теперь уже необратимы. Именно поэтому уход Дэн Сяопина не приведет, как в случае с другими харизматическими лидерами, к радикальным переменам в политике страны. Дэн заблаговременно подготовил экономические, политические и идеологические условия - основу продолжения начатого им курса реформ. В этом смысле эра Дэн Сяопина не кончается с его смертью.

Дэн Сяопин, отдавший в свое время дань конфронтационной политике Мао на международной арене, в том числе в отношении СССР, в конце 70-х - в 80-е годы с присущей ему смелостью и дальновидностью пошел на пересмотр политики Китая в отношении Японии и США, предложил в советско-китайских отношениях руководствоваться формулой: "закрывать прошлое, открывать будущее". Эта позиция Дэн Сяопина - весьма важный для нас элемент его политического наследия. Как отмечается в телеграмме соболезнования, направленной Президентом России Б.Ельциным в адрес руководства КНР, "имя Дэн Сяопина в России непосредственно связывают с очищением отношений между нашими странами от наслоений прошлого, с их поступательным продвижением от полной нормализации к равноправному доверительному партнерству, направленному на стратегическое взаимодействие в XXI веке".

В эти дни хотелось бы отметить, что Институт Дальнего Востока РАН и его журнал "Проблемы Дальнего Востока" прилагали максимум усилий для нормализации двусторонних отношений и углубления взаимопонимания между нашими народами, для освещения в нашей стране и за рубежом опыта реформ в Китае, вклада Дэн Сяопина в разработку и проведение политики реформ. Увековечиванию памяти о великом сыне китайского народа в нашей стране служит и издание в прошлом году подготовленного силами сотрудников института перевода его биографии "Мой отец Дэн Сяопин", написанной его дочерью Дэн Жун.

Выражаем надежду, что эти заметки донесут слова соболезнования и наши теплые чувства и до читателей нашего журнала в Китае.

Японские взгляды на экономическую безопасность

© 1997

В. Павлятенко

(Окончание, начало в ПДВ № 1 1997 г.)

Экономическая безопасность Японии не ограничивается лишь энергетической и продовольственной безопасностью, ее рамки значительно шире. В частности важным элементом этой безопасности является само социально-экономическое развитие страны, которое создает реальные предпосылки, средства и инструменты для реализации стратегии комплексной безопасности, а так же формирует атмосферу психологической сопротивляемости и готовности противостоять на национальном уровне любым видам угроз национальной безопасности. В этом плане обращает на себя внимание серия проектов и планов социально-экономического преобразования Японии, выдвинутых руководством страны и ее лидерами в послевоенный период.

Как отмечали некоторые исследователи в СССР (России), Японии и на Западе, среди японских премьер-министров в послевоенный период стало "традицией" выдвигать программу развития государства, созвучную чаяниям и потребностям народа в соответствующий исторический период с тем, чтобы заручиться поддержкой населения в проведении политического и экономического курса и тем самым укрепить свои политические позиции и позиции Либерально-демократической партии (ЛДП), которую они все представляли. Не оспаривая этого вывода, вместе с тем представляется необходимо обратить внимание и на другую сторону проблемы - каковы были указанные планы, степень их реализации (полная, частичная или абсолютный провал), содержался ли в них потенциал обеспечения экономической безопасности и национальной безопасности в целом. Именно такой подход к оценке этих планов был бы более корректным, и именно с этой точки зрения следует рассматривать и план премьер-министра Х.Икэда "Удвоение национального дохода" (1961- 1970 гг.), план премьер-министра Э.Сато "План социального и экономического развития (1967-1971 гг.)", нацеленный на достижение сбалансированного и устойчивого экономического и социального развития.

"План реконструкции японского архипелага. План Танака" (1972- 1985 гг.)

План Танака предлагал комплекс государственных мероприятий, рассчитанных на решение большого круга внутризэкономических проблем Японии в течение 12 - 15 лет. Главными целями этого плана были следующие:

1. Реструктуризация на национальном уровне размещения производительных сил и развитие отсталых районов. "Разгрузка" перенаселенных промышленных центров "солнечной" Японии (Тихоокеанское побережье) и активизация промышленного строительства в малоосвоенных районах "теневого" Японии (побережье Японского моря), северо-востоке Хонсю, Хоккайдо, юге Кюсю и Сикоку. Стимулирование частного бизнеса, в том числе налоговыми и финансовыми мерами, для активизации его усилий в географических изменениях структуры промышленности, сложившейся в последние 100 лет.

2. Коренное улучшение инфраструктуры на национальном уровне с помощью реализации ряда крупномасштабных проектов, среди которых модернизация общенациональной системы электрифицированных скоростных железных дорог, расширение сети автострад, строительство стратегических мостов, соединяющих Хонсю и Сикоку, строительство новых морских портов и терминалов, создание сети нефтепроводов и нефтехранилищ, модернизация общенациональной системы связи и передачи информации.

3. Крупномасштабные изменения в отраслевой структуре промышленности - ускоренное развитие наукоемких и наиболее современных отраслей, включая такие как электроника, информатизация, авиа- и ракетостроение, химия высокомолекулярных соединений, биотехнология и др.

4. Комплексный подход к проблемам деревни с целью создания на национальном уровне высокопродуктивного сельского хозяйства.

План Танака был выдвинут с целью сохранения безопасных условий развития японской экономики в свете четко обозначившихся к тому времени тенденций спада высоких темпов экономического роста Японии, кардинально меняющихся международных условий функционирования мирового хозяйственного механизма. Автор плана подчеркивал: "Предлагаемая мною политика полной реконструкции страны принесет успех только в том случае, если она будет отвечать быстро меняющимся условиям мирового хозяйства. ... Мы должны пересмотреть наши принципы приоритетов производства и экспорта, выдвинув на первый план такие задачи, как повышение благосостояния народа, создание социальной инфраструктуры, повышение социального обеспечения..."¹.

"План жизненного цикла" (1975 г.)

"План жизненного цикла" (ПЖЦ) был подготовлен частным совещательным органом при премьер-министра Т.Мики - исследовательским комитетом новой экономической политики, и опубликован 26 июня 1975 г. ПЖЦ представлял собой среднесрочный план создания социальных механизмов, опирающихся на национальную экономику, который был призван обеспечить достойную жизнь каждому представителю нации. Основные положения ПЖЦ включали в себя:

1. Создание новых неформализованных институтов (введение системы учебных отпусков, широкое распространение системы отпусков для воспитания детей, введение системы длительных отпусков для работников со стажем более 15 лет); реформы системы образования (диверсификация пожизненного образования, введение новых правил приема на учебу, пересмотр системы школьного образования, ликвидация различий между университетами, изучение вопроса о введении "Закона о запрещении кадровой монополии") .

2. Создание предпосылок и условий для приобретения недвижимости широкими слоями населения, среди которых: меры стимулирования для приобретения собственного жилища, пересмотр закона о стимулировании накопления денежных средств (освобождение от налогообложения сумм кредита для строительства, введение системы накопления денежных взносов работодателя), создание экономических условий для роста жилищного строительства (введение системы

кредитования непредвиденных расходов, меры по сдерживанию стоимости жилья, льготные условия погашения кредита на строительство).

3. Создание системы социального обеспечения: пенсионное страхование, страхование здоровья, переориентация общественных отчислений на лечебно-профилактические мероприятия.

4. Создание общества "гарантированной старости": социально обоснованные сроки пенсионного возраста, установление минимальной доли работников преклонного возраста среди персонала, создание системы широких льгот для людей пенсионного возраста².

Оценивая приведенные выше планы с точки зрения рассматриваемой проблемы экономической безопасности Японии, следует подчеркнуть следующее. Несмотря на то, что ни в том, ни в другом плане напрямую не идет речи об обеспечении экономической безопасности страны, тем не менее составляющие их элементы - экономические в "Плане Танака" и социальные в ПЖЦ - представляют собой жизненно важные элементы обеспечения экономической безопасности страны.

"Традиция" представлять нации свои планы развития государства как лидерами ведущих партий, так и новыми главами государств сохраняется в Японии и по сей день, что свидетельствует о постоянно развивающемся процессе разработки стратегии государственного развития и национальной безопасности японскими политическими, деловыми и общественными кругами. Так, в 1994 г. была издана книга лидера одной из ведущих политических партий Японии (Синсинто), Итиро Одзава "План развития новой Японии", в которой излагаются взгляды автора на пути, формы и содержание политических и социально-экономических реформ, необходимых для становления Японии в качестве полноправной мировой державы³. Избранный в январе 1996 г. новым премьер-министром Японии Р.Хасимото на своей первой пресс-конференции заявил о намерении провести в японском обществе радикальные изменения, среди которых выделил: нормализацию экономической ситуации в Японии, переживающей период экономической депрессии, восстановление доверия в стране и за рубежом к японской финансовой системе. Таким образом новый премьер-министр в качестве первоочередных задач поставил решение проблем, которые имеют непосредственное отношение к обеспечению экономической безопасности Японии⁴.

Становление современной Японии в качестве одной из экономических сверхдержав во многом было обусловлено рациональной политикой обеспечения экономической безопасности. "Секретов" динамичного экономического развития страны немало, они разнородны по своему характеру. Однако, как представляется, главным "секретом" является комплексное общегосударственное планирование социально-экономического развития страны, которое обеспечивает условия и создает инструменты обеспечения устойчивого и сбалансированного развития - основ экономической безопасности Японии.

В послевоенный период в Японии было принято и реализовано в той или иной степени 11 пятилетних планов экономического развития. В марте 1996 г. истек срок реализации пятилетнего плана создания державы благосостояния, выработанного с учетом новой международной обстановки после окончания "холодной войны"⁵, а в ноябре 1995 г. кабинетом министров коалиционного правительства Т.Мураяма был принят 13 пятилетний план оживления экономики до 2000 г.⁶. Помимо этого было принято несколько долгосрочных планов экономического и социального развития. Главная отличительная и наиболее сильная черта всех планов - это их индикативный характер: разрабатываемые планы не являются законами, а по сути представляют собой государственные программы, ориентирующие и мобилизующие отдельные звенья национальной экономической структуры на выполнение этих программ в общенациональных интересах. Примечательно, что принципы планирования и социально-экономического развития и оборонного

строительства носят практически идентичный характер, что позволяет правительству страны выработать оптимальную стратегию обеспечения комплексной безопасности Японии. О прямой взаимосвязи и о их взаимовлиянии совершенно недвусмысленно говорил бывший премьер-министр Японии Я.Накасонэ в своем выступлении на Всемирном экономическом форуме в Давосе в феврале 1989 г.⁷

Как подчеркивалось выше, проблема обеспечения экономической безопасности Японии имеет внутренний и внешний аспекты. При этом внешний аспект проблемы имеет расширительное толкование, включая в себя как конкретные частные моменты, так и философски значимые понятия. С учетом ресурсной базы собственно Японии, стратегической целью руководства страны является обеспечение за счет импорта сырья стабильных условий функционирования японской экономики. В этой связи следует подчеркнуть, что японская сторона не ограничивается обеспечением благоприятных условий для импорта из отдельно взятой страны, а ставит своей целью вносить вклад в стабилизацию общей ситуации не только на региональном, но и на глобальном уровне. Как отмечал в этой связи известнейший японский экономист, бывший министр внешней торговли и промышленности С. Окита, путь к обеспечению безопасности японского общества заключается в том, чтобы "не создавать себе врагов в мире", чтобы всемерно развивать и углублять отношения дружбы, сотрудничества и партнерства со всеми странами⁸. Эта же мысль присутствовала в "Плане Танака": "Мы стремимся не только к спокойной и обеспеченной жизни для наших граждан, но и сохранению мира в Азии и соблюдению принципов равноправия и взаимного уважения между странами всего мира... Мы должны добиваться того, чтобы место экономики нашей страны в международном разделении труда было выгодным для всего мира..."⁹. Эти высказывания японских лидеров во многом были реализованы и продолжают реализовываться в японской дипломатической стратегии "по всем азимутам", являющейся составной частью стратегии обеспечения экономической и комплексной безопасности Японии. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в стратегии "по всем азимутам" есть свои приоритетные направления, одно из которых - Азиатско-тихоокеанский регион.

Политика Японии по обеспечению экономических интересов в Азиатско-тихоокеанском регионе

С точки зрения обеспечения экономической и комплексной безопасности Японии Азиатско-тихоокеанский регион играет исключительно важное значение не только в силу географического фактора, но и в равной мере в силу геоэкономических и военно-стратегических интересов страны.

За последние 30 лет АТР в целом пережил три волны экономического развития.

Первая - экономические успехи Японии в 60-е годы при ежегодных темпах прироста ВВП более чем на 10%, которые оказали стимулирующее влияние на развитие всей региональной экономики в целом.

Вторая - бурный экономический подъем в 70-е годы в "новых индустриальных странах" (НИС) за счет создания экспорториентированной модели развития с помощью иностранных капиталов и технологии, среди которых львиная доля принадлежала Японии. И в настоящее время темпы роста экономики НИС более чем в два раза превосходят аналогичные показатели развитых стран.

Третья - успешное развитие в 80-е годы экономик стран АСЕАН, обусловленное теми же факторами, которые действовали и в НИС. Вместе с тем новизна явления заключается в том, что наряду с японским капиталом в качестве стимулятора экономического роста АСЕАН выступает и капитал НИС, составляя в известном смысле конкуренцию Японии.

В недалеком будущем АТР предстоит пережить еще две волны экономического роста: бурное развития приморских и южных китайских провинций и перспективы формирования "большого Китая" (в составе КНР, Тайваня и Гонконга), а также экономический расцвет стран Индокитая в связи с их переходом на принципы рынка и открытости внешнему миру.

В "волнообразном" развитии региона существует одна жесткая закономерность - в основе всех последующих после первой волн лежат японские капиталы и технологии, которые на каждом последующем этапе дополняются соответственно ресурсами НИС, АСЕАН, Китая (в преобладающей степени зарубежных китайцев-хуацяо). Региональные эксперты назвали такую модель развития региона "строим летящих гусей", в котором "клин" возглавляет Япония.

Одним из главных результатов реализации "восточно-азиатской" модели развития стало расширяющееся взаимное сотрудничество региональных стран в сферах капиталовложений, торговли, обмена технологиями, что создает реальные предпосылки для формирования в АТР единого экономического пространства. Япония в этом процессе объективно играет лидирующую роль. Во-первых, повышение курса иены после 1985 г. привело к активизации перевода японских производственных мощностей в регион и соответственно расширению японского экспорта в АТР. Во-вторых, нарастает тенденция к снижению роли американского рынка для экспорта из АТР и повышению роли внутрирегионального рынка, прежде всего японского. Таким образом, в рамках "треугольника" США-Япония-АТР развивается процесс перераспределения ведущих ролей, суть которого сводится к постепенному снижению зависимости региональных стран от рынка США и к переориентации на японский рынок, что влечет за собой "естественное вытеснение" США из региона (пока только в экономической сфере).

На сегодняшний день официальная японская помощь развитию региональной экономики составляет более 50%, а США - 6%; японские прямые частные капиталовложения в экономику стран Восточной Азии составили 30%, а американские - 10%. Картина дополняется таким объективным фактом, как рост дефицита в торговле США не только с Японией, но и с рядом других государств АТР. По оценкам специалистов одного из ведущих японских исследовательских центров Номура, коэффициент эластичности темпов экономического роста семи восточно-азиатских стран за 1970-1979 гг. составил 1,2, а за 1983-1992 гг. - 0,3¹⁰.

Одна из характерных особенностей - повышение значимости японского рынка для производителей АТР и соответственно - рост объемов торговли Японии с региональными партнерами при одновременном свертывании объемов торговли Японии с США, а следовательно, и снижению ее зависимости от американского рынка. Согласно статистическим данным Министерства финансов Японии, торговля Японии со странами Восточной Азии за последние 10 лет более чем утроилась и ее объем в 1994 г. составил 243,4 млрд. долл., или 36,3% общего объема внешней торговли Японии (в 1985 г. - 24,7%). За тот же период японо-американская торговля лишь удвоилась достигнув в 1994 г. 180,2 млрд. долл., т.е. 26,9% внешнеторгового оборота Японии (в 1985 г. - 29,8%)¹¹.

Наиболее заметный структурный сдвиг произошел в японском экспорте. В 1994 г. японский экспорт в страны Восточной Азии составил 38,6% от общего объема, а в США - 29,7% (в 1985 г. соответственно 24,1 и 37,2%). С 1985 по 1994 г. японский экспорт в НИС увеличился с 22,5 млрд. долл. до 93,5 млрд. долл., а в страны АСЕАН - с 11,3 до 60,4 млрд. долл. По оценкам экспертов японского Центра тихоокеанских исследований Института Сакура, значительный рост торговли с регионом отражал стремление японских компаний к глобализации их деловых операций.

Импорт из НИС в указанное десятилетие утроился и составил в 1994 г. 31,1 млрд. долл.; для Китая аналогичные показатели составили соответственно в 1985 и 1994 гг. 6,5 и 27,6 млрд. долл. Доля готовой продукции в японском импорте составила в 1994 г. 55,2%, а по данным за 10 месяцев 1995 г. - почти 60%.

Однако следует подчеркнуть, что японский экспорт в регионе значительно превосходит импорт. Положительное сальдо торгового баланса Японии со странами Восточной Азии в 1994 г. составило 62,2 млрд. долл. (в 1985 г. - 9,2 млрд. долл.), 22,5 млрд. долл. из которых составили долю только стран АСЕАН¹².

Одна из особенностей сложившейся ситуации состоит в том, что проблему японского положительного сальдо в торговле с регионом, которая при отказе от ее решения может иметь нежелательные для Японии политические эффекты, разрешить труднее, нежели аналогичную проблему в отношениях с США. Некоторые специалисты полагают, что данная американско-японская проблема может быть в значительной мере разрешена за счет долгосрочной политики в отношении сильной иены. Однако в первом случае это вряд ли будет иметь необходимый эффект, поскольку японское положительное сальдо в торговле со странами Восточной Азии не уменьшилось даже при самом высоком курсе иены в 1995 г. Сильная иена, которая теоретически могла бы ослабить конкурентоспособность японских товаров за рубежом, не обязательно воздействует на экспорт Японии в этот регион, поскольку ее экспорт в основном состоит из комплектующих необходимых для производимой там продукции. По словам директора отдела стран Азии и Океании Института внутренних инвестиций и развития, который считается мозговым трестом Экспортно-импортного банка Японии, "вне зависимости от стоимости, потребители в Азии будут вынуждены покупать комплектующие в Японии, поскольку они нигде не смогут их приобрести".

Таким образом, результатом стратегии Японии в регионе, вырабатываемой с тщательным учетом особенностей каждого отдельного этапа развития всеобъемлющей ситуации в АТР (состояние развития экономик региональных государств, их внутривнутриполитическое положение и тенденции во внутренней и внешнеполитической и экономической стратегии), а так же собственных реальных и потенциальных возможностей, стало создание объективных условий реальной зависимости региональных стран от Японии в области их экономического развития. Этот очевидный факт является одним из краеугольных камней в политике Японии в АТР по укреплению ее собственных позиций и реализации национальных интересов.

Особенность японской стратегии на глобальном уровне и в АТР в частности состоит в тесном взаимодействии государства и частного капитала, основной формой завоевания рынков которого являются прямые инвестиции. При этом такое взаимодействие определяется в качестве одного из важнейших элементов внешнеполитической стратегии Японии¹³.

В результате жесткой конкурентной борьбы с американским частным капиталом к сегодняшнему дню в целом определились "зоны влияния" американского и японского капитала в регионе, а так же частного капитала НИС. Основным объектом инвестиционных интересов японских предпринимателей на современном этапе стали Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд и Китай. В 1994 г. доля АТР в общем объеме прямых инвестиций Японии составила 23,6% (в 1985 г. - 11,8%) или около 10 млрд. долл. Прямые инвестиции японского капитала в регионе в 1994 г. впервые за последние 11 лет превзошли аналогичные показатели по Западной Европе. По данным Министерства финансов Японии, по числу японских инвестиционных проектов в производственной сфере Восточная Азия опередила и США, где японский капитал инвестируется, главным образом, в технологические разработки.

Рост прямых инвестиций японских корпораций в их "зоне влияния" обусловлен рядом объективных причин: во-первых, ростом иены с начала

1993 г.; во-вторых, предоставлением странами АСЕАН льготных условий для прямых капиталовложений (в 1994 г. Индонезия, например, разрешила создание компаний со 100% иностранным капиталом); в третьих, изменениями в формах капиталовложений. Рыночные преобразования привели как к росту региональных экономик, так и расширению слоя представителей среднего класса и покупательной способности. В результате японские компании стали работать над созданием производственной системы, ориентированной на внутрирегиональное потребление. Этот шаг с учетом тенденций к созданию "зоны свободной торговли АСЕАН", направлен на сохранение конкурентоспособности за счет снижения стоимости производимой продукции. По оценкам экспертов Института внутренних инвестиций и развития, начиная с 1991 г. японские капиталовложения в регионе осуществляются для перенацеливания экспорториентированной региональной промышленности в большей мере на японский рынок, нежели на рынки третьих стран. Именно с этой целью в Японии в марте 1995 г. была принята программа "мер по дерегуляции", рассчитанная на оживление внутреннего рынка в течение 1995-1997 гг. и насчитывавшая 1797 конкретных мер. В марте 1996 г. кабинетом Р.Хасимото к ним было добавлено еще 569 конкретных мер¹⁴. Подобный подход является другой формой "привязки" региональных экономик к Японии, что также способствует укреплению позиций Японии в АТР в сфере экономики, а в перспективе - в политической области.

Таким образом, в Азиатско-тихоокеанском регионе складывается качественно новая обстановка, в которой "японский локомотив" становится основным с точки зрения динамики экономического развития региона. Значительность вклада Японии состоит в следующем: во-первых, с ее помощью и при ее активном участии в АТР запущен "самоциркулирующий экономический механизм", когда движение товаров и денег происходит между странами региона; во-вторых, в результате действия указанного механизма, экономика АТР в целом, которая отличалась уязвимостью извне, стала приобретать способность к быстрому восстановлению, к противостоянию внешним переменам, и в конечном итоге к самодостаточности. Все это, безусловно, с одной стороны укрепляет позиции Японии в регионе в качестве бесспорного лидера, а с другой - дает ей очевидные преимущества при формировании более стабильной и прогнозируемой ситуации в регионе, являющейся одной из основ экономической безопасности страны.

Важной стратегической установкой Японии в рамках обеспечения стабильной и прогнозируемой обстановки в АТР является создание многосторонних региональных структур экономического сотрудничества. Эта установка реализуется японской стороной с конца 60-х - начала 70-х годов в виде разработки в японских академических и общественных кругах концепции создания "Тихоокеанского сообщества". Идеи "сообщества" по сути были реализованы в конце 80-х годов в виде создания многостороннего механизма Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), статус которого сегодня поднялся до постоянных встреч глав государств АТР для обсуждения проблем экономического развития региона. Япония придает исключительно важную роль деятельности АТЭС, поскольку рассматривает его в качестве важного инструмента обеспечения экономической безопасности и создания условий для успешного экономического развития страны в XXI веке¹⁵.

Стратегия Японии по укреплению ее региональных позиций естественным образом приходит в столкновение с интересами США, которые в послевоенный период были безусловным и единственным лидером в АТР. Вместе с тем следует подчеркнуть, что по мере развития региональных государств и укрепления их экономической мощи в АТР стала "вызревать третья сила" в лице "регионального сообщества" в целом, наиболее активным звеном кото-

рого выступают страны АСЕАН и в известной мере государства НИС и Китай, который по всем объективным параметрам претендует на роль регионального лидера в XXI в. Характерная особенность нынешней ситуации состоит в попытках этой "третьей силы" реализовать конкретные мероприятия, которые, с одной стороны, будут вести к "росту глобальной значимости" региона в целом, а с другой - к дальнейшему ослаблению позиций США в АТР. Речь идет прежде всего о региональном предложении по созданию Восточно-азиатской экономической группировки (ВАЭГ) и ее "мягкого" варианта - Восточно-азиатского экономического сообщества (ВАЭС).

Концепция ВАЭС была выдвинута в 1991 г. премьер-министром Малайзии и была воспринята большинством экспертов по региональным проблемам как "ответ на формирование Североамериканского и Западноевропейского торговых блоков" и перспективы их влияния на ситуацию в АТР. Стратегической целью ВАЭС является создание "собственно регионального инструмента отстаивания интересов". Необходимость создания такого инструмента обусловливалась инициаторами концепции следующими положениями:

- во-первых, с целью формирования единого регионального фронта для отстаивания гарантий открытости международной торговли и ее либерализации;
- во-вторых, для координации экономической политики, в том числе и внешнеэкономической, с тем, чтобы ускорить процессы экономического развития каждого отдельного субъекта региона;
- в-третьих, для того, чтобы сконцентрировать усилия в борьбе против протекционистских тенденций в мире, развитие которых ставит в невыгодное положение развивающиеся экономики региона по отношению к развитым экономикам стран Северной Америки, Западной Европы и даже Латинской Америки.

Важным обстоятельством является то, что, по мнению составителей, ВАЭС будет совершенно нежизнеспособна без подключения к ней потенциала Японии, что и определяет ключевую роль последней в будущем сообществе. При этом подчеркивается, что лидирующая роль Японии обусловливается ее потенциалом как инвестора и емкого рынка.

Создание ВАЭС в АТР во многом приближает стратегическую цель Японии играть де-юре лидирующую роль в регионе. Набирающие динамику процессы экономической интеграции в Восточной Азии создают реальные предпосылки для формирования торгово-экономического сообщества, в рамках которого появятся перспективы использования иены в качестве основной валюты в торговых-финансовых операциях, а следовательно, создания иеновой зоны и снижения роли доллара со всеми вытекающими из этого последствиями.

Проблема подключения Японии к ВАЭС и активизация ее шагов по достижению стратегической цели в рамках этой региональной организации - общепризнанного лидерства в АТР, является исключительно сложной для японских политиков. С одной стороны, лестное предложение авторов концепции к Японии возглавить "истинно азиатское сообщество" находит поддержку среди ряда японских аналитиков, которые видят в ВАЭС инструмент укрепления позиций страны в треугольнике США - Западная Европа - Япония. С другой стороны, Токио не без оснований опасается, что его членство в ВАЭС "может взорвать" американско-японские отношения в целом, поскольку авторы концепции не включают США в это сообщество.

С момента выдвижения концепции и до сегодняшнего дня в политических и деловых кругах Японии нет единства мнений в отношении ВАЭС. Вместе с тем следует указать на одну особенность в позиции официального Токио. Если в 1991 г. его официальная реакция на жесткую концепцию ВАЭГ была отрицательной, то позднее позиция Японии в отношении "мягкой" концепции ВАЭС характеризовалась меньшей категоричностью. Более того, Япония однозначно высказалась в поддержку предложения Таиланда, согласо-

ванного с членами АСЕАН, создать в АСЕАН зону свободной торговли (ASEAN Free Trade Area - AFTA). По оценкам экспертов, в результате введения этой зоны японские компании получают мощный стимул для инвестиций в АСЕАН и появится возможность разрабатывать единую инвестиционную и торгово-сбытовую стратегию в рамках довольно емкого рынка. Следует подчеркнуть, что многие аналитики в Японии и в регионе в целом рассматривают создание зоны свободной торговли как "пролог" к реализации концепции ВАЭС.

* * *

Таким образом, на современном этапе в Восточной Азии развивается тенденция к созданию в любой форме субрегионального экономического образования, в котором для Японии отводится центральная лидирующая роль. Это обстоятельство отвечает долгосрочной стратегии Токио в АТР и создает солидную базу для реализации его национальных интересов в регионе в XXI в.

Главным препятствием к принятию Японией решения в отношении переориентации ее внешнеполитического и внешнеэкономического курса на АТР - опасения "нанести непоправимый ущерб" американско-японским отношениям. США остаются и будут оставаться в обозримой перспективе одним из основных торговых партнеров Японии, источником передовых технологий, одним из самых емких рынков товаров и инвестиций. В условиях отсутствия союзнических отношений с региональными государствами и с учетом изменения баланса сил в регионе после окончания "холодной войны", Соединенные Штаты будут продолжать оставаться единственным гарантом военно-политической безопасности Японии. Эти и другие обстоятельства будут решающим образом определять ее отношение к любым региональным концепциям экономического сотрудничества.

Вместе с тем остается фактом, что политическое руководство страны будет весьма внимательно изучать интеграционные процессы в Восточной Азии и следить за развитием североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) и западноевропейского экономического союза. С учетом нынешних тенденций в мировой торговле и экономике, нельзя исключать, что за определенной гранью усиления протекционизма в Северной Америке и Западной Европе, который будет угрожать жизненным интересам, Япония может принять решение о создании под своей эгидой жесткого экономического блока в Восточной Азии, даже несмотря на свою многоплановую объективную зависимость от США. Такой жесткий вариант развития региональной ситуации не исключен. Вместе с тем в близкой перспективе наиболее вероятным вариантом с учетом нынешнего внутривнутриполитического и внутриэкономического положения Японии будет стремление Токио к расширению экономического проникновения в Восточную Азию и дальнейшему укреплению там "постепенно, шаг за шагом" ее позиций.

В заключении следует отметить, что оценкам политики Японии в АТР, в том числе и экономической, можно придавать как позитивный, так и негативный оттенок, в зависимости от того, какую цель преследует тот или иной автор. Однако, как представляется, если рассматривать политику Японии в регионе и на глобальном уровне с позиций обеспечения национальной безопасности, прежде всего экономической, то для "идеологических маневрирования" пространства не остается. При беспристрастном и корректном анализе политики Японии становится очевидным, что за укреплением экономических позиций страны в том или ином регионе, за попытками укрепить национальную валюту и обеспечить гарантированные поставки сырья по возможно низким ценам, за продуманной и стратегически ориентированной инвестиционной политикой стоит стремление к главному - к достижению экономической безопасности, составляющей в целом интегрированную часть комплексной национальной безопасности.

Обеспечение национальной безопасности в целом - суверенное право любого государства в мире. Это касается и Японии. Вместе с тем необходимо подчеркнуть следующее. Обеспечение стабильных и безопасных условий экономического развития государства является залогом стабильности политической и военной линий того или иного государства в том или ином регионе. В этом процессе особое место занимают региональные лидеры, в частности Япония. Являясь общепризнанным региональным "экономическим локомотивом", Япония оказывает определяющее влияние на региональное экономическое развитие в целом. Поэтому гарантированная экономическая безопасность Японии является одной из основных предпосылок стабилизации общей ситуации в Азиатско-тихоокеанском регионе.

1. Танака К., Нихон рэтто кайдзо рон (План реконструкции японского архипелага), Токио, 1972. Цит. по: План Танака.- Специальный выпуск реферативного сборника "Проблемы современной Японии", М., 1973, с. 26
2. Райфу сайкуру кэйкаку-но найе: то кихонтэки кангаэката (План жизненного цикла).-см. "План жизненного цикла" премьер-министра Мики, Кризис 1973 - 1975 гг. и перспективы развития японской экономики, - "Проблемы современной Японии", Реферативный сборник, М., 1977, с. 82 - 113
3. Ozava I., Blueprint for a New Japan. The Rethinking of a Nation, Tokyo, 1995
4. The Japan Times, January 11, 1996
5. The Five Year Economic Plan - Sharing a Better Quality of Life around the Globe, Economic Planning Agency, Government of Japan, Tokyo, 1992, June
6. The Japan Times, 17.11.1995
7. Nakasone: Economic Security Means Military Security in Interrelated World, Mainichi Daily News, 23.02.1989
8. Окита С., Хаппо ябурэ-но кэйдзай сэнряку (Уязвимая экономическая стратегия), Токио, 1978, с. 25; см. так же: Мураками К., Нихон сэйдзон-но дзэкэн (Условия выживания Японии), Токио, 1977; Okita S., The Developing Economies and Japan. Lessons in Growth, University of Tokyo Press, Tokyo, 1980
9. Окита С., Хаппо ябурэ-но кэйдзай сэнряку, с. 26
10. За точку отсчета коэффициента берется темп экономического роста США равный 1%. Кистанов В.О., Япония в АТР. Анатомия экономических и политических отношений, М., 1995, с.98
11. Japan Almanac 1996, pp. 106-115
12. См. Japan Almanac 1992 - 1996; Trade and Industrial Development in Northeast Asia, Tokyo, 1995
13. Japan's International Contributions and the Role of its Economic Cooperation in the Post-Cold War Era - Keidanren Review, No. 149, April 1995, pp. 13-15
14. The Japan Times, 30.03.1996; см. так же: Japan Echo, Spring 1996, pp. 62-65
15. См.: Text of APEC minister's joint statement, - The Japan Times, 18.11. 1995; Full text of Osaka Declaration issued by the summit leaders, - The Japan Times. 20.11.1995

Россия и Китай: перспективы отношений

От редакции. Организованный редакцией журнала заочный круглый стол, посвященный этой актуальной проблеме, ставит целью углубленный обмен мнениями между политическими деятелями, практическими работниками и учеными России и Китая. Как известно, в апреле прошлого года во время визита российского президента Б.Н.Ельцина в Пекин, стороны оценивали задачи и перспективы развития двусторонних соглашений как курс на российско-китайское стратегическое партнерство, обращенное в XXI век. Отклики в мире на эти заявления значительно различаются, располагаясь в диапазоне от безоговорочного оптимизма до крайнего пессимизма и скептицизма. Кроме того, значительная часть выступлений и публикаций на эту тему носила весьма общий характер, особенно в том, что касалось анализа возможностей и пределов российско-китайского взаимодействия в различных областях двусторонних отношений.

Стремясь дать импульс дальнейшему изучению и освещению этой темы, редакция попыталась сфокусировать внимание участников дискуссии на обсуждении следующих вопросов:

- перспектива стратегического партнерства России и Китая - это реальность или благое пожелание;
- мотивы и цели такого партнерства, его пределы;
- объективные и субъективные факторы, благоприятствующие или препятствующие осуществлению стратегического партнерства;
- основные сферы партнерских отношений (экономическая, политико-дипломатическая, взаимодействие на международной арене в региональных и глобальных масштабах);
- место отношений стратегического партнерства во внешнеполитических концепциях России и КНР;
- возможная реакция на установление отношений стратегического партнерства между Россией и КНР со стороны США, стран НАТО, в АТР.

Предлагаемые ниже читателям материалы заочного круглого стола редакция рассматривает как серьезный вклад их авторов в изучение одной из жизненно важных проблем для нашей страны и нашего великого соседа Китая и приглашает всех заинтересованных экспертов-практиков и ученых, наших читателей продолжить ее обсуждение в любой форме - в форме собственных разработок и (или) откликов на публикуемые статьи.

В портфеле редакции имеется еще ряд материалов, присланных для настоящего круглого стола, которые будут опубликованы в следующем номере ПДВ.

Россия-Китай: партнерство, развернутое на стратегическую перспективу

© 1997

Г.Карасин

В апреле 1996 г., встретившись в Пекине в ходе очередного, третьего по счету российско-китайского саммита, Президент России Б.Н.Ельцин и Председатель КНР Цзян Цзэминь следующим образом охарактеризовали отношения наших стран: равноправное доверительное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие в XXI веке. В емкой форме был не только спрессован итог предшествующего периода взаимоотношений. Им была дана долгосрочная магистральная перспектива.

Новое качество российско-китайских отношений - закономерный итог их эволюции, свидетельство их исторической зрелости, освобождения от идеологических шор и догм. Партнерство наших двух держав не направлено против кого бы то ни было, какой-то группировки, не преследует задачу создания альянса или новых разделительных линий.

В нем не будет "ведущих" и "ведомых", "старших" и "младших", оно не будет подвержено изменчивой конъюнктуре. Москва и Пекин едины в том, что ни внутренние перемены, ни изменения на международной арене или в отношениях с другими странами не способны поколебать отношения России и Китая. Выбор сделан - стратегический выбор двух великих народов. "Стратегический", разумеется, не в военном смысле, а в смысле долгосрочности, устремленности в XXI век, перспективы.

Россия и Китай - за новый политический порядок на планете, за справедливый, демократический многополюсный мир, который служил бы не ареной противоборства, а стартовой площадкой для сотрудничества и взаимодействия, стабильности и развития.

Очень важно, что обе страны взаимно уважают выбор пути развития, избегают какого-либо вмешательства во внутренние дела друг друга. Можно с уверенностью говорить о сформировавшемся и в России, и в Китае широком консенсусе по вопросу всестороннего углубления и развития взаимоотношений наших стран. К этому нужно бережно относиться.

Мы заинтересованы в том, чтобы иметь в лице Китая сильного, уверенного в себе партнера. В свою очередь заинтересованность в сильной и стабильной России проявляет Китай. Наша цель - стабильные, долгосрочные, предсказуемые взаимоотношения, которые были бы выгодны и полезны для обеих сторон, всемерно способствовали решению внутренних задач в России и Китае и одновременно укрепляли бы их международные позиции.

Россия и Китай заняты сегодня формированием уникальной системы мер доверия, включающих взаимные обязательства не применять первыми ядерное оружие, не нацеливать стратегические ядерные ракеты друг на друга, предотвращать опасную военную деятельность, исходя из принципа военной транспарентности в 200-километровой приграничной полосе.

Подписанное в апреле 1996 г. в Шанхае руководителями России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе общей границы пяти стран является этапным для их отношений, поскольку означает новый уровень взаимопонимания, взаимного доверия в такой чувствительной для интересов каждого государства области как военная.

Документ является уникальным. Впервые страны азиатско-тихоокеанского региона берут на себя целый комплекс вполне конкретных обязательств военно-политической направленности. Соглашение содержит такие основополагающие положения, как неприменение силы или угрозы силой друг против друга, отказ от получения одностороннего военного превосходства, неиспользование войск, дислоцированных в районе границы как составной части всех вооруженных сил, для нападения на другую сторону.

Реализация этого документа окажет значительное позитивное влияние на всю ситуацию в азиатско-тихоокеанском регионе и не только в нем.

На выходе - соглашение о сокращении вооруженных сил и вооружений на границе, которое станет важнейшим показателем взаимного доверия, свидетельством того, что обе страны не намерены мыслить в отношении друг друга силовыми категориями, твердо встали на путь превращения российско-китайской границы в полосу мира и сотрудничества.

Важнейшая грань - пограничное урегулирование. Поворот к кардинальной стабилизации положения на границе протяженностью более 4 тыс. км был обеспечен подписанием Соглашения о границе с КНР на ее Восточной части от 16 мая 1991 года и Соглашением о границе на ее Западной части от 3 сентября 1994 года. Были сняты спорные вопросы прохождения границы. На сегодняшний день оба соглашения ратифицированы парламентами двух стран и вступили в силу. Таким образом, впервые в истории российско-китайская граница определена договорными документами на всем ее протяжении.

Особо хочу выделить Соглашение 1991 года. Оно уточняет линию границы на тех участках, где произошло ее отклонение от договорной, и определяет ее там, где она в двустороннем договорном порядке никогда не устанавливалась (последнее касается рек Амур и Уссури, где по старым договорам государственная принадлежность островов юридически не закреплялась). Ни о каких территориальных уступках речь не идет. С международно-правовой точки зрения, если линия прохождения границы не была определена до соглашения, то, соответственно, соглашение не может изменить того, чего не было. Там, где линия прохождения границы была определена де-юре до заключения Соглашения, но по тем или иным причинам отклонилась от договорной, Соглашение восстанавливает договорную линию. Кстати, есть немало свидетельств того, что подобные ошибки исправлялись и в прошлом. Так, в 1886 г. после совместной проверки границы были передвинуты в пределы России по ошибке сооруженные на китайской стороне российский военный пост и несколько жилых домов в местечке Савеловка на территории Приморья.

В настоящее время демаркация российско-китайской границы на ее Восточной части, ведущаяся в строгом соответствии с Соглашением 1991 года, вступила в завершающую стадию. Планируется закончить все работы в течение этого года. В этой связи хочется подчеркнуть, что делающиеся сейчас по-

пытка поставить под сомнение выполнение отдельных положений Соглашения 1991 года могут иметь самые серьезные последствия, включая подрыв его в целом и тем самым перечеркивание почти тридцатилетних переговорных усилий. Практическая реализация в ближайшие годы нового качества отношений между нашими странами будет во многом определять уровень российско-китайского торгового, экономического и научно-технического взаимодействия в XXI веке.

Динамика российско-китайского товарооборота показывает, что партнеры с обеих сторон сумели перестроить свою деятельность применительно к новым условиям ведения ВЭД. Важно то, что на высшем уровне четко определены перспективы и основные направления деятельности для предпринимателей, финансистов, деловых кругов на ближайшие несколько лет. На политическом уровне бизнесу даны необходимые сигналы и ориентиры.

В ходе визита в КНР в апреле 1996 года Президентом России Б.Н.Ельциным была поставлена задача уже в ближайшие десять лет увеличить объем российско-китайской торговли с нынешних 5-6 млрд. долларов до 20 млрд. в год. Эти же цифры назывались в ходе декабрьского (1996 г.) визита в Москву премьера Госсовета КНР Ли Пэна. Очевидно, что достижение этой цели должно предполагать не столько простое наращивание объемов взаимно поставляемых товаров, сколько качественное повышение уровня торгово-экономических отношений, совершенствование их форм, углубление производственной кооперации между предприятиями наших двух стран, развитие внешнеторговой инфраструктуры, повышение доли машинно-технической, высокотехнологичной и наукоемкой продукции в структуре товарооборота.

Китай - третий по значению торговый партнер России (после Германии и США среди стран дальнего зарубежья). Товарооборот в 1996 г. составит около 7 млрд. долл. (в 1995 г. - 5,5 млрд. долл.).

Отличительной чертой последних лет стал переход на расчеты в торговле преимущественно в СКВ с соответствующим сохранением наименее эффективной для России бартерной составляющей. Особенно резко сократилась доля бартера в российском экспорте - с 48,2% в 1993 г. до менее 10% в 1996 г.

Россия экспортирует в Китай удобрения и другие химические товары, черные и цветные металлы, минеральное топливо и масла, рыбу и морепродукты. Около 20% российского экспорта - машины и оборудование.

Структура российского импорта из КНР на протяжении последних лет остается практически неизменной. Ее основу составляют товары народного потребления и продукты питания (свыше 78% в 1996 г.).

Будущее российско-китайских торговых связей лежит в русле развития мировой торговли, основные объемы которой давно связаны не с межотраслевыми обменами, а внутриотраслевыми, то есть обменами в рамках производственных связей. Половина внешнеторгового оборота КНР (в 1995 г. - 47%, в первом полугодии 1996-го - 50,8%) приходится на операции, связанные с импортом сырья и полуфабрикатов, их переработкой внутри страны и последующим экспортом, то есть на операции в рамках производственных связей. Такого рода операции растут опережающими темпами по сравнению с ростом всего внешнеторгового оборота Китая. Это дает основание полагать, что весьма значительные резервы роста российско-китайского товарооборота кроются именно в сфере производственной кооперации. Наиболее перспективный путь - развитие производственного сотрудничества в энергетике, машиностроении, в частности, производстве станков и текстильного оборудования. Весьма продуктивными могут стать совместная разработка и изготовление авиационной техники нового поколения. Консорциум российских фирм

рассчитывает на участие в китайской "стройке века" - сооружении крупнейшего в мире гидротехнического комплекса "Три ущелья" ("Санься") на реке Янцзы. Хотя степень участия России определится лишь летом этого года, эксперты выражают уверенность в том, что нашим энергетикам удастся подключиться к поставкам оборудования для гигантской ГЭС, которые оцениваются в 3 млрд. долларов.

На территории Китая с техническим содействием России ведется сооружение четырех тепловых электростанций, ТЭЦ вблизи Пекина, реконструкция Цзинаньского металлургического комбината, Тайюаньского прокатного завода, ряда других объектов.

Большие надежды возлагаются и на другой многомиллиардный проект - прокладку газопровода из Восточной Сибири в Китай. Предполагаемая протяженность магистрали составит около 5,6 тысячи километров, а стоимость - порядка 10-12 млрд. долларов. Важное значение имеет и перспектива выхода российских поставщиков энергоносителей на рынок азиатско-тихоокеанского региона. Первоначально поставки российского газа в Китай могут составить около 20 млрд. куб. метров в год. Кроме газопровода в том же направлении планируется построить и нефтепровод, по которому будут транспортировать 25-30 млн. тонн нефти в год с перспективных месторождений в Иркутской области. Ожидается также, что летом 1997 года будут подписаны рамочный и генеральный контракты на сооружение в китайской провинции Цзянсу АЭС с российскими реакторами.

Не может быть названа удовлетворительной ситуация в области российско-китайского инвестиционного сотрудничества. Уровень российских предпринимательских инвестиций в китайскую экономику имеет тенденцию к снижению. В 1995 г. сумма фактически осуществленных прямых российских капиталовложений в Китае составила 22,9 млн. долл. по сравнению с 23,7 млн. долл. в 1994 г. и 40,9 млн. долл. в 1993 г. За первые шесть месяцев российские предприниматели вложили в КНР 8,96 млн. долл., что составило всего 0,04% всех зарубежных инвестиций в Китае.

В России российско-китайские предприятия создаются, как правило, в приграничных краях и областях в отраслях с быстрой оборачиваемостью капитала. По данным китайской статистики, в России насчитывается около 200 неторговых предприятий с участием китайского капитала с общим объемом уставного капитала 192 млн. долл. и капиталовложениями китайской стороны в 95,8 млн. долл.

Что тут можно предпринять?

Прежде всего, для привлечения китайских инвесторов в Россию нужно обеспечить им благоприятный инвестиционный климат. Необходимо ускорить принятие нового закона об иностранных инвестициях и закона о специальных экономических зонах РФ. Принятый в декабре 1995 года Закон о разделе продукции, регулирующий права зарубежных инвесторов в области добычи полезных ископаемых, к китайским предпринимателям пока не имеет отношения, поскольку свой интерес к многомиллионным проектам с большими сроками окупаемости они демонстрируют в очень осторожной форме. Тем не менее, этот интерес, безусловно, есть. Испытывая дефицит собственных ресурсов энергоносителей, Китай намерен к 2000 году существенно активизировать свою роль в освоении зарубежных месторождений углеводородного сырья. России в этих планах отводится одно из ведущих мест. Проявляется интерес Китая и к месторождениям других полезных ископаемых в России, в частности, залежам руд черных и цветных металлов.

Намечается рост интереса китайских бизнесменов к малым и средним (до 10 млн. долларов) инвестиционным проектам в России. Видимо, местным администрациям, в первую очередь, на Дальнем Востоке России, в Сибири, на Урале совместно с МВЭС и Торгово-промышленной палатой было бы полезно широко практиковать проведение инвестиционных бизнес-конференций для ознакомления потенциальных зарубежных инвесторов с перспективными проектами сотрудничества.

Следует также принять меры для стимулирования инвестиционной деятельности российских предпринимателей в Китае. Действующий ныне режим валютного контроля препятствует вывозу капитала не только в денежной, но и в товарной форме, поскольку налагает на российского экспортера обязательство в течение 180 дней либо вернуть деньги, либо ввезти в Россию товар. Параллельно следовало бы шире пропагандировать среди российских предпринимателей выгоды осуществления инвестиций в китайских специальных экономических зонах, зонах развития высоких технологий и особенно в свободных таможенных зонах.

Сфера приложения российских инвестиций в КНР очень велика. Многие проекты в энергетике, металлургии, машиностроении, транспорте, то есть именно в тех отраслях, где традиционно был силен Советский Союз, а теперь Россия, остаются не реализованным, поскольку китайская сторона готова к сотрудничеству либо на условиях совместных капиталовложений, либо на еще более жестких для российской стороны условиях BOT (build, operate, transfer), то есть, по сути, на условиях 100-процентных российских инвестиций.

К проблеме взаимных инвестиций тесно примыкает вопрос научно-технического сотрудничества. Высокая степень развития российской науки делает перспективным развитие связей в отраслях, определяющих направление и динамику научно-технического прогресса, например, в освоении космоса, авиации, биоинженерии, электронике, разработке программного обеспечения. Правда, промышленное освоение передовых российских научно-технических разработок, являющееся весомым резервом увеличения двустороннего товарооборота, также сталкивается с необходимостью либо вкладывать средства в Китае, либо привлекать китайские капиталовложения в Россию.

Пока же, видимо, в течение довольно длительного периода то, что называется "традиционной" торговлей, останется преобладающей формой российско-китайского экономического взаимодействия. И надо сказать, что резервы ее роста еще далеко не исчерпаны.

Значительным шагом вперед явилось бы совершенствование системы расчетов, в частности, замена бартерных операций на расчеты в национальных валютах путем установления корреспондентских связей между российскими и китайскими коммерческими банками. В последнее время в этой сфере наметились некоторые положительные сдвиги. В частности, достигнуты договоренности об открытии российскими банками корреспондентских счетов в Банке Китая, режим которых является более льготным по сравнению с предыдущим. С августа 1996 г. Банк России в одностороннем порядке разрешил российским уполномоченным банкам проводить на территории Российской Федерации операции по покупке и продаже наличных китайских юаней, что должно позитивно сказаться на развитии приграничных связей.

В 1995 г. ряд банков в приграничной полосе двух стран установил прямые корреспондентские отношения для обслуживания расчетов в рамках приграничных связей. Для кардинального решения проблемы расчетов необ-

ходима широкая, разветвленная банковская инфраструктура по обе стороны границы.

И российскую, и китайскую стороны продолжает беспокоить проблема выполнения участниками приграничной торговли своих контрактных обязательств. Велика еще доля нереализованных контрактов, число торговых споров.

На сегодня одна из важных задач - создание действенного механизма разрешения торговых споров, развертывание соответствующей сети арбитражных органов в приграничных районах. Многое будет зависеть от результативности сотрудничества ТПП России и Китайского комитета содействия развитию международной торговли в сфере арбитража. Первые шаги уже сделаны - в августе 1996 г. между ТПП России и ККСРМТ подписано соглашение, в котором определены основные принципы арбитражного рассмотрения коммерческих споров между российскими и китайскими участниками внешнеэкономической деятельности.

В связи с предстоящим присоединением России к ВТО на повестку дня выходит задача разработки правил осуществления приграничной торговли, отвечающих международным стандартам. Такая работа уже проделана в Китае. В частности, Госсоветом КНР с 1 апреля 1996 г. определен новый статус приграничной торговли. Теперь этот термин подразумевает торговые операции только двух видов: 1) торговые операции населения на специальных рынках в 20-километровой приграничной полосе; 2) операции, осуществляемые специально уполномоченными на то компаниями и предприятиями из приграничных уездов через определенные государством погранпереходы. Для операций первого вида установлен необлагаемый пошлинами и налогами минимум (около 125 долларов на одного человека в день). Операции второго вида в течение двух лет будут облагаться таможенными пошлинами и налогами по ставкам, составляющим половину от действующих.

Новые рамки для приграничной торговли, с одной стороны, придадут ей более цивилизованный вид, а с другой - предоставят приграничным регионам определенные льготы.

В последнее время развивалась и такая составная часть торгово-экономического сотрудничества, как экспорт в Россию китайской рабочей силы. В первом полугодии 1996 г. в России трудилось по контрактам 18,5 тысяч китайских рабочих.

Перспективным направлением является также сотрудничество на многосторонней основе в АТР, куда перемещается центр тяжести мирового экономического развития.

Естественной составляющей комплекса российско-китайских отношений является сотрудничество в военно-технической области. Развивая ВТС с Китаем, Россия исходит не только из нынешнего состояния своих отношений с Китаем, но и приоритетных интересов собственной безопасности, а также своих международных обязательств.

Такое взаимодействие выгодно и потому, что позволяет поддержать отечественную "оборонку" в трудный для экономики страны период перехода на рыночные рельсы, сохранить научный потенциал конструкторских бюро. Углубление сотрудничества ВПК двух стран открывает новые сферы деятельности, среди которых особое место занимает конверсия оборонных производств, актуальная для обеих сторон.

Представляется важным расширить транспортные возможности торговых партнеров наших двух стран. Для этого следует, в частности, продолжить работу по техническому переоснащению существующих погранпереходов - в

первую очередь Забайкальск-Маньчжурия, Гродеково-Суйфэньхэ и Благовещенск-Хэйхэ. Без их модернизации задача многократного увеличения товарооборота и грузопотока окажется невыполнимой даже с учетом широкого использования морского и авиационного транспорта. По мнению экспертов, назрела настоятельная потребность в активизации усилий по доводке железной дороги Махалино-Хуньчунь.

Эффективным способом стимулирования межрегионального торгово-экономического сотрудничества является задействование потенциала прямых дружественных (побратимских) отношений между субъектами Российской Федерации и провинциями и автономными районами КНР.

Отдельно стоит сказать о многостороннем экономическом сотрудничестве. Процессы региональной и трансрегиональной экономической интеграции, отличающие сегодняшнюю мировую экономику, все интенсивнее захватывают и Северо-Восточную Азию. Россия имеет уникальную возможность подключиться к этим процессам на начальном этапе и тем самым задать нужный для нее тон и в значительной мере определить вектор развития многосторонних хозяйственных связей. Это в первую очередь относится к Туманганскому проекту (река Туманная).

Основными направлениями сотрудничества здесь являются: развитие транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, в частности, транзитных перевозок китайских экспортно-импортных грузов через морские порты Южного Приморья (главным образом - Зарубино) и северокорейской СЭЗ Раджин-Сонбон; расширение региональных торговых связей на базе активного привлечения иностранных инвестиций; развитие экологически безопасной промышленности и туризма.

В конце октября 1996 года состоялась стыковка железнодорожного полотна на российско-китайской границе, что в недалекой перспективе позволит открыть третий на границе - железнодорожный переход Махалино-Хуньчунь, ведущий к порту Зарубино. В соответствии с распоряжением правительства России в поселке Зарубино ведется модернизация Хасанского морского коммерческого порта.

Осуществление этого проекта может сыграть позитивную роль в развитии Приморья как в плане повышения общего социально-экономического уровня региона, так и в укреплении значения Дальнего Востока в качестве "ворот" России в АТР.

Для беспокойства определенной части местного населения Приморья, которую пугают образом Китая, "рвущегося к морю через русские земли", и мнимой перспективой "утраты" значения российских дальневосточных портов в связи с выходом КНР на побережье Японского моря в ущерб интересам России, попросту нет оснований. Вопрос о строительстве Китаем порта, рассчитанного на Японское море, в устье реки Туманган, о чем сейчас часто поднимают вопрос в российских СМИ, не ставился и не обсуждался ни на одном заседании Комитета по управлению Туманганским проектом и не упоминается ни в одном документе проекта. Китайская сторона также подтверждает, что у нее нет намерений строить на р. Туманная порт, рассчитанный на выход в Японское море. Ведь прежде, чем войти в Японское море через реку Туманную, придется преодолеть 17 км акватории реки, контролируемой Россией и КНДР, а также наши территориальные воды шириной в 22 км. Отказалась китайская сторона и от планов углубления русла мелководной Туманной, убедившись в тщетности этой затеи.

Выводить "угрозу" из разницы экономических уровней и плотности населения в Китае и на Дальнем Востоке России - это явная ошибка, пропа-

гандистский трюк из конъюнктурных соображений или злой умысел. Более продуктивной была бы здравая мысль о создании мощного экономического потенциала и на наших дальневосточных рубежах, учитывая его явную "неадекватность" экономически процветающим и густонаселенным соседним странам.

Россия вступает в XXI век в условиях непростой экономической и демографической ситуации на Дальнем Востоке, и поэтому нам нужна спокойная стабильная граница с Китаем. Это - важное условие полноценного стратегического партнерства.

У России и Китая есть и всегда будут собственные национальные интересы, которые не во всем совпадают. Найденная руководителями двух стран формула отношений предполагает, что Россия и КНР будут активно развивать связи и сотрудничество с третьими странами. Наша цель - долгосрочные, стабильные, предсказуемые взаимоотношения, которые были бы выгодны и полезны для обеих сторон, способствовали бы решению внутренних задач России и Китая и одновременно укрепляли бы их международные позиции. Думаю, что иметь на обозримую перспективу подобные взаимоотношения с нашим крупнейшим соседом - задача не только вполне реальная и осуществимая, но и прямой императив, отвечающий долгосрочным национальным интересам двух стран.

Исторический выбор народов двух стран

Ли Фэнлинъ

1. Стратегическое партнерство России и Китая сегодня и в обозримом будущем - реальность или благое пожелание?

Созидание отношений партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие, между Китаем и Россией является и реальностью, и светлой надеждой. С одной стороны, это - исторический выбор народов двух стран, который зиждется на крепкой реальной основе и является естественным результатом стабильного развития отношений этих стран. Всестороннее углубление связей между КНР и Россией в последние годы в различных конкретных областях уже создало необходимые предпосылки для строительства отношений стратегического взаимодействия двух государств. Между ними уже начался процесс развертывания сотрудничества в духе стратегического взаимодействия.

С другой стороны, такие связи лишь делают первые шаги и, если рассматривать их с позиций дальних перспектив развития, обращенного в XXI век, то одновременно они являют собой и нашу светлую надежду.

2. Мотивы и цели созидания китайско-российских отношений партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие, а также пределы таких отношений.

Сущность отношений партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие, между Китаем и Россией выражается в следующем: "Добрососедство и дружба, равноправие и доверие, взаимовыгодное сотрудничество, совместное развитие". Главные же их цели заключаются:

- в стремлении к совместному развитию и укреплению обеих стран путем утверждения на долгие годы добрососедства и дружбы, а также равноправного, взаимовыгодного сотрудничества;

- в отстаивании независимости, суверенитета и национального достоинства каждой страны, в защите справедливых прав и интересов Китая и России на международной арене, в содействии установлению мира и стабильности во всем мире путем взаимной поддержки и согласованных усилий двух стран.

Содержание отношений партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие между Китаем и Россией совершенно ясное: это партнерские

отношения, не являющиеся союзом, это отношения взаимного сотрудничества, основанные на равноправии, доверии и не направленные против третьих стран. Можно сказать, что отсутствие союза и ненаправленность против третьих государств являются пределами этих отношений.

3. Объективные и субъективные факторы, благоприятствующие и затрудняющие осуществление отношений партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие, между Китаем и Россией.

Факторов, благоприятствующих проведению в жизнь отношений партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие, между КНР и Россией, очень много. Прежде всего, это географическая близость и традиционная дружба двух стран. Китай и Россия - соседи, которых соединяет общая пограничная линия протяженностью свыше 4 тысяч километров. Истоки обменов и дружбы народов двух государств берут свое начало в веках. Далее, между Китаем и Россией отсутствуют какие-либо политические проблемы, которые мешали бы развитию взаимоотношений. Связи между двумя странами больше не базируются на идеологическом фундаменте, в основном разрешена и пограничная проблема. В-третьих, экономика обеих стран отличается мощной взаимодополняемостью, и это, на мой взгляд, не нуждается в доказательстве. В-четвертых, и Китай, и Россия находятся в процессе перехода к рыночной экономике, и в этой сфере они могут осуществлять взаимные обмены и заимствовать опыт друг друга. И, наконец, в-пятых, сегодня, когда мир развивается в направлении к многополюсности, КНР и Россия, представляя собой самостоятельные полюсы, имеют много общего в понимании проблемы создания справедливого и рационального нового мирового порядка, их тесно связывает общая заинтересованность в отстаивании всеобщего мира и стабильности.

Что же касается неблагоприятных факторов, то они главным образом проявляются в том, что небольшая группа людей в России, исходя из каких-то своих целей и игнорируя общую ситуацию в отношениях между двумя нашими странами, постоянно выступает со статьями по вопросу о демаркационных работах на границе, о так называемой незаконной иммиграции из Китая, отравляя тем самым атмосферу отношений между двумя государствами. Ждут еще значительного повышения и развития наши торгово-экономические связи, которые призваны усилить и укрепить материальную базу отношений партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие.

4. Каковы главные сферы отношений партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие, между Китаем и Россией?

Во-первых, внедрен механизм обменов между двумя странами на высоких уровнях, наши руководители установили между собой прекрасные отношения взаимного доверия. Осуществлявшийся в последние годы непрерывный обмен визитами лидеров двух стран служит гарантией нашего сотрудничества в различных сферах, гарантией своевременного снятия проблем, возникающих в двусторонних отношениях, а также предоставляют возможность обмена мнениями и согласования позиций по международным вопросам. Госу-

дарственные руководители наших стран ежегодно проводят встречи, приведен в действие и механизм регулярных встреч глав правительств. Китай и Россия уже заключили соглашение об установлении линии горячей телефонной связи между Чжуннаньхаем и Кремлем, реализация данного соглашения позволит лидерам обеих стран своевременно обмениваться информацией и согласовывать позиции. Кроме того, в регулярное русло вступили контакты и сотрудничество парламентов, правительственных ведомств, армий и местных органов двух государств.

Во-вторых, существенно укрепилось доверие между нашими странами, в целом решен вопрос о границе. После многолетних переговоров в апреле прошлого года в Шанхае состоялось подписание знаменательного соглашения КНР с Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном об укреплении доверия в военной области в районе границы. В текущем году во время визита председателя Цзян Цзэминя в Россию руководители пяти упомянутых стран подпишут также соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Заключение этих соглашений имеет важное значение для укрепления безопасности и стабильности в пограничных районах и создает прекрасный пример для укрепления доверия и избежания конфликтов между другими странами мира.

В-третьих, торгово-экономические связи между двумя странами постепенно встают на рельсы сотрудничества, соответствующего международным стандартам в этой сфере. Благодаря усилиям обеих сторон, уже преодолено явление крупного спада в торговле между двумя странами, имевшее место в 1994 г., и, начиная с 1995 г., объем двусторонней торговли начал расти и в 1996 г. достиг 6,85 млрд. ам. долл., что на 25% больше, чем в предыдущем году. Официальное приведение в действие в 1996 г. механизма регулярных встреч премьер-министров КНР и России сыграет важную стимулирующую роль в сотрудничестве двух стран в конкретных областях. Уровень нашего торгово-экономического сотрудничества сейчас повышается, непрерывно растут масштабы хозяйственных связей, увеличивается число крупных объектов сотрудничества. В настоящее время стороны прилагают активные усилия и предпринимают различные эффективные меры, добиваясь осуществления цели, поставленной руководителями двух стран, чтобы до конца текущего столетия довести объем ежегодной торговли до 20 млрд. долл.

В-четвертых, китайская и российская стороны единодушно решили создать на нынешнем фундаменте дружественных неправительственных обменов, осуществляющихся по многим каналам и через многие организации, "Комитет китайско-российской дружбы, мира и развития", который будет действовать и в следующем столетии и носить характер комплексной общественной организации дружбы. Этот Комитет, работу которого будут направлять официальные инстанции, благодаря участию представителей различных слоев общества и в особенности благодаря обменам молодого поколения двух стран, внесет свой вклад в укрепление взаимопонимания и доверия между нашими народами, в укрепление их вечной дружбы.

В-пятых, активно разворачивается наше сотрудничество в международной сфере, причем используются многообразные формы и каналы. Это наполняет важным смыслом отношения партнерства, направленного на страте-

гическое взаимодействие, между КНР и Россией. Помимо взаимного ознакомления с точками зрения в ходе визитов и направления посланий, а также обмена информацией между руководством наших двух стран, министерства иностранных дел КНР и РФ создали механизм постоянных консультаций, проводя широкий обмен мнениями по вопросам стратегии международной безопасности, правам человека, регионального положения, а также по проблемам, касающимся некоторых горячих точек. Тесные контакты установились между представителями наших стран в международных организациях и в первую очередь в ООН и ее органах. Они своевременно обмениваются информацией и согласовывают позиции. На конференциях по правам человека, проводимых в рамках ООН, между нами в последние годы установилась прекрасная традиция взаимной поддержки и взаимного сотрудничества. В АТР Китай выступает за участие России в экономическом сотрудничестве в этом регионе, приветствует повышение роли России в делах АТР.

5. Возможная реакция США, НАТО и АТР на стратегические партнерские отношения между Китаем и Россией.

КНР и Россия являются глобальными великими державами; в то же время они - соседи. Успешное ведение дел в своих странах и поддержание между ними долговременных отношений добрососедства и дружбы - это само по себе уже представляет важный вклад в дело мира и развития в АТР и даже во всем мире. отношения партнерства, направленные на стратегическое взаимодействие, между КНР и Россией не являются союзническими отношениями, они не направлены против третьих стран и не мешают обоим государствам развивать отношения дружбы и сотрудничества с любыми третьими странами. Вот почему ни у одного государства нет оснований для какого-то беспокойства или для негативной реакции в связи с установлением между Китаем и Россией такого рода конструктивных отношений партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие.

О стратегическом партнерстве между Россией и Китаем

© 1997

В.Лихачев

1. Вопросы, предложенные для обсуждения, сформулированы так, как если бы стояла жесткая альтернатива "стратегическое партнерство между Россией и Китаем - реальность или только пожелание". Между тем, остается и третья возможность: "стратегическое партнерство" - как формула из области политической риторики, камуфлирующая значительно более сложную реальность. В последнем случае следует остерегаться того, чтобы эта формула не ввела в заблуждение-самообман самих ее создателей, как это уже было с тезисом о "стратегическом партнерстве" США и России, бывшим в ходу при министре иностранных дел А.Козыреве.

2. Что в принципе может стоять за идеей "стратегического партнерства"? Классическими примерами реализации этой идеи в последние десятилетия можно считать отношения США и стран ЕС или Японии. Стратегическое партнерство предполагает близость долгосрочных и среднесрочных стратегических целей, преодолевающую все частные расхождения, противоречия и споры. Имеет ли место такая близость в отношениях между Китаем и Россией?

3. Китай с его миллиардным населением и крепнущей экономикой прилегает к нашему Дальнему Востоку. Последний в геополитическом плане является самым уязвимым флангом России. Он слабо населен, инфраструктура его - откровенно хилая, а реформы 90-х ударили по нему с особой жесткостью, провоцируя отток и без того немногочисленных обитателей и перманентные угрозы энергетических кризисов. На этом фоне китайское демографическое давление на наши границы является объективным фактором дальневосточного расклада.

4. Современная военная доктрина России различает военную угрозу как возможность и намерение другого государства совершить акт агрессии против России и, с другой стороны, военную опасность как реальную способность совершить такую агрессию независимо от намерения сделать это в тот или иной момент или даже при отсутствии такого намерения. Надо иметь в виду, что из всех непосредственных соседей России пока что Китай является единственной страной, располагающей соответствующими военными возможностями. Это учитывается и в российской военной доктрине 1993 г.

5. Переходя далее к вопросу о китайских намерениях в отношении российского Дальнего Востока как таковых, я хотел бы обратить внимание на статью член-корр. РАН, зам. директора Института Дальнего Востока В.Мясникова "Новые китайцы в новой России" (журнал "Бизнес и политика", 1996, № 1), где, сопоставляя все растущее экономическое разрушение России и быстрый подъем Китая, автор пишет о близящемся "освоении экономического пространства СНГ и в первую очередь России китайскими предпринимателями ...по принципу воздействия на слабое звено мировой хозяйственной системы". Эксперт обращает внимание на ширящееся в художественной литературе и в быту современного Китая употребление понятия "Великая Северная целина" применительно к востоку России, находящееся в соответствии с многочисленными фактами самовольного проникновения китайцев на российские территории, а также поддерживаемое популяризацией в исторической литературе и в школе тезиса об отторжении русскими в прошлом обширных районов Сибири и Дальнего Востока у Китая. Как замечает В.Мясников, "чем бы ни занимались китайцы в России, особенно в ее дальневосточных областях, они преисполнены сознания, что они лишь временно мирятся с "исторической несправедливостью", выражающейся в принадлежности Приморья и Приамурья России".

6. Без какой бы то ни было прямой агрессии, общие геополитические тенденции 90-х годов состоят в постоянном, "тихой сапой" смещении российско-китайской границы к северу: достаточно напомнить многочисленные ее демаркационные исправления в пользу Китая или жалобы населения и властей Еврейской АО насчет того, как китайская сторона, воздерживаясь от расчистки, в соответствии с договоренностями, протоков Амура, тем самым постоянно сдвигает на север течение реки, а значит и границу.

7. "Стратегическое партнерство", где один из партнеров пребывает в затажном экономическом и военном упадке, а другой на подъеме, неизбежно приводит к такому распределению ролей, когда первый выступает ведомым, а второй - ведущим, по типу отношений в начале века между Германией и Австро-Венгрией. Спрашивается, чем обернется такая ситуация для ведомого, если он оказывается вынужденным ориентироваться на державу, чье население имеет к нему "исторические", "уходящие в века" претензии, не разрешимые частной корректировкой границ, но охватывающие, как указывает тот же В.Мясников, миллионы квадратных километров? Невозможно всерьез говорить о стратегическом партнерстве в условиях, когда реальные стратегические интересы Китая не являются наперед заданной независимой величиной, но во многом будут определяться прочностью российских позиций на Дальнем Востоке, унаследованных от Российской империи и СССР и представляющих, на китайский взгляд, вековую несправедливость.

8. В наши дни учащаются утверждения о том, что предстоящее расширение НАТО обязывает Россию к союзу с Китаем во избежание "зажатия ее в клещи". На эти несколько панические заявления надо сказать следующее. В той мере, в какой речь идет не просто о США, но о НАТО как о силе европейской и средиземноморской, сближение с Китаем само по себе не обеспечивает позиций России на ее западе. С другой же стороны, на Дальнем Востоке отношения США с Японией и их установки по тайваньскому вопросу де-

лают военное сближение их с Китаем практически нереальным после роспуска СССР, так что формирование антироссийского тихоокеанского блока само по себе маловероятно, независимо от "стратегического партнерства" с Китаем. Объективно интересы России здесь состояли бы в обращении экспансии Китая в сторону Тайваня, Сингапура и всей Юго-Восточной Азии с формированием устойчивого американо-китайского и японо-китайского противостояния, при закреплении за Россией роли "добраго соседа", то есть на деле "третьего радующегося". Можно называть это "стратегическим партнерством", только не надо обманывать самих себя: "канализация" китайской активности в южном направлении возможна лишь в случае прочности "российской дамбы" на севере. Вообще же в вопросе о союзниках России следовало бы принять за основу афоризм императора Александра III, утверждавшего, что надежных союзников у нее только два - ее армия и флот. Опыт XX века дал немало подтверждений этому тезису.

9. Иногда утверждают также, что Китай является естественным сподвижником России против исламской экспансии. Но политика Китая в отношении исламизма двусмысленна: подавляя "своих" исламистов в Синьцзяне, он постоянно сотрудничает с мусульманскими странами в оборонной области, поддерживал афганских моджахедов против СССР, разыгрывает пакистанскую карту против Индии и т.д. В отношении монгольских и тюркских народов, как исламистов, так и буддистов, проживающих по югу Сибири на приграничных территориях Китая и России, гораздо благоразумнее исходить из следующего положения. Сепаратистские движения в этом поясе, в том числе и под религиозными лозунгами, объективно могут быть направлены как против целостности Китая, так и против единства России. Поэтому в различных обстоятельствах они могут быть как инструментом китайской политики против России, так и подстраховкой России против Китая, но так же - и орудием "третьих сил", обращенным против любой из этих держав или против них обеих вместе. Тут все зависит от конкретной ситуации.

10. Начав за упокой, кончу за здравие. Все написанное не отменяет ни возможности совпадения позиций России и Китая по многим моментам международной политики, особенно там, где открывается шанс сообща выступить с "антигегемонистских" позиций, ни важности торговых и иных хозяйственных связей с этой державой, в частности, способных уменьшить обозначившуюся продовольственную зависимость России от Запада. Уязвимость нашего Дальнего Востока может быть преодолена лишь ускоренным экономическим развитием края, с созданием здесь значительного количества новых рабочих мест, совершенствованием инфраструктуры, изживанием здесь безработицы и привлечением сюда миграционных потоков, в частности, из ближнего зарубежья. Сотрудничество с китайским бизнесом может быть структурным компонентом хозяйственной политики развития края, направленной, в частности, и на его обживание русскими, на удержание его против Китая.

11. Но надо иметь в виду и другое обстоятельство. Потеря западных территорий СССР фактически превращает Дальний Восток в основное океанское "окно" России. В этом смысле старания министра иностранных дел Е.Примакова по интеграции России в круг стран АТР перспективны и своевременны. Но учитывая фактическое отсутствие интегративных политических

структур в АТР, где каждый - сам за себя, а Китай выступает в "тяжелом весе" потенциального гегемона, следует признать: односторонняя и демонстративная ориентация России на Китай скорее могла бы вызвать настороженность со стороны иных ее соседей по региону, как близких (Япония), так и более отдаленных и затруднить развитие с ними широких и диверсифицированных связей. Сотрудничество с Китаем должно нарастать как часть многообразных тихоокеанских отношений России, обретать постоянные противовесы в развитии иных партнерств и ориентировок: японских, корейских, южноазиатских. Японские я бы поставил на первое место, но об этом надо говорить специально.

12. Особенности мирового положения России сегодня определяются, с одной стороны, ее выходом, пусть ограниченным, на Тихий океан, а с другой стороны ее соседством с областями Средней Азии и Восточной Европы, включая ареал СНГ, отделяющими Россию от интегрированной Западной Европы и "коренной" средневосточной платформы ислама. Можно указать немало примет начинающейся экспансии тихоокеанских экономик в эти области (например, проект туркмено-тихоокеанского нефтепровода и т.д.). К таким проектам относится и обсуждавшаяся Ли Пэном с А. Лукашенко во время визита китайского руководителя в Белоруссию в конце 1996 г. идея модернизированной сквозной железной дорогой через всю Россию и Белоруссию, которая могла бы эффективно обслуживать китайский экспорт в Европу. Модернизация железнодорожных коммуникаций российского востока совершенно необходима для того, чтобы Россия могла реализовать свой огромный потенциал посредника в продвижении тихоокеанских экономик в более глубокие и более западные области континента. Здесь совершенно необходимо участие иностранного капитала. Но если бы дело дошло до реализации подобных замыслов, едва ли оптимальными для России вариантами стали бы некий русский аналог КВЖД или магистраль, усеянная чайнатаунами, берущими ее под контроль де-факто, в том числе и через посредство коррумпированных русских чиновников. На этом пути более оправданным решением было бы сотрудничество России с целым рядом государств, в том числе и тихоокеанских, долевые участия которых уравнивали бы друг друга.

Закончу утверждением: ни о каком стратегическом партнерстве Китая и России невозможно говорить всерьез, - а разве опять-таки в качестве пропагандистской риторики, - пока у России нет отчетливой геополитической стратегии, опирающейся на новое представление о позиции России в мировом геоэкономическом раскладе и о целях, подсказываемых этой позицией.

Доверительное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие

© 1997

А.Яковлев

Совершенно очевидный в последние годы процесс уравнивания западного и восточного направлений внешней политики России, встреченный заинтересованным пониманием в ряде стран Дальнего Востока, делает закономерными и то пристальное внимание, с которым в мире следят за ходом развития российско-китайских отношений, и те интенсивные усилия, которые мировая политология посвящает выработке прогнозов характера и последствий сближения двух великих держав. В этой связи весьма своевременной представляется инициатива редакции ПДВ по организации заочного круглого стола с участием российских и китайских экспертов.

Характеризуя цели двусторонних отношений, намеченные в ряде официальных документов России и КНР последних лет, прежде всего хочу обратить внимание на следующее. В совместной российско-китайской декларации от 25 апреля 1996 г. записано: Россия и Китай "провозглашают свою решимость развивать отношения равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке".

По смыслу этой декларации стратегическое взаимодействие сторон должно сложиться в XXI веке, который, как и все прочие века, состоит из ста лет. Срок весьма продолжительный, и всякое, даже самое невероятное, может случиться в мире, о чем убедительно свидетельствует, к примеру, весь XX век, особенно его последняя четверть. Словом, стратегическое взаимодействие - это и долгосрочная цель, и своеобразный ориентир для сторон на обозримое будущее.

Поэтому, рассуждая о конкретном наполнении и о наиболее актуальных и приоритетных направлениях развития российско-китайских отношений, целесообразно исходить из их нынешнего формата, характеризующегося как равноправное доверительное партнерство. В принципе этот формат открывает достаточный простор для продуктивного сотрудничества двух стран по самому широкому кругу вопросов двусторонних связей, а также по проблемам мировой и региональной (особенно азиатско-тихоокеанской) политики. Он, этот формат, наиболее перспективен в смысле подготовки сторон к более высокому типу взаимодействия при определенном стечении обстоятельств как внутреннего, так и по преимуществу внешнего порядка.

Очевидно, так можно ответить на первый конкретный вопрос редакции: "Стратегическое партнерство России и Китая сегодня и в обозримом будущем - реальность или благое пожелание?" Однако такой ответ едва ли является достаточно исчерпывающим. Дело в том, что будущее вырастает из явлений сегодняшней жизни, а в ней всегда есть элементы прошлого и грядущего. Зачатки стратегического взаимодействия можно усмотреть и в нынешнем российско-китайском

партнерстве, тем более в доверительном. Если учесть роль и вес России и Китая в международных делах, особенно в жизненных интересах друг друга, то любой характер отношений между ними (дружба, вражда, нейтралитет) имеет стратегический смысл для них самих и для внешнего мира. Разумеется, реальное стратегическое значение даже доверительного партнерства при разных масштабах и глубине практического сотрудничества далеко не одинаково. Количество, как известно, переходит в качество. В нынешнем российско-китайском партнерстве тенденция к количественному росту очевидна. Очевидно и стремление сторон обозначить различие характера своих нынешних и будущих отношений. Поэтому есть основания утверждать, что российско-китайское стратегическое взаимодействие сегодня - это отчасти реальность, но главным образом "благое пожелание" или, точнее говоря, - объективно наметившаяся перспектива, движение к которой, естественно, требует взаимных усилий и времени, учета не только глубинных тенденций во всей системе международных отношений, но и их изменчивой конъюнктуры, различий в понимании сторонами своих национально-государственных интересов и в выбираемых ими путях реализации этих интересов.

Второй вопрос редакции касается мотивов, целей и пределов стратегического партнерства или взаимодействия России и Китая.

Наиболее фундаментальные общие мотивы и цели сторон достаточно очевидны, несмотря на очень неодинаковое состояние дел в той и другой стране в различных сферах, на их далеко неодинаковое международное положение. Прежде всего Россию и Китай неумолимо сводит вместе, так сказать, единая историческая судьба. Современная индустриальная цивилизация катастрофически приблизилась к истощению сырьевого и экологического потенциалов планеты, зашла в тупик, сделав свое высшее достижение, высший уровень своего развития - западную модель потребительского общества - недоступными для подавляющего большинства человечества. При этом раскладка глобальных сил на рубеже XX-XXI столетий оказалась, к сожалению, такова, что Запад получил огромный силовой (в широком смысле) перевес над всем остальным миром и намерен продлить существование упомянутой модели только для себя и на возможно долгий срок. Сделать это можно лишь за счет всемерного ограничения производства и потребления (опять же в широком смысле) в странах относительно слабо развитой периферии мира, где проживают 4/5 населения Земли.

И Россия и КНР - наипервейшие объекты борьбы в стратегии выживания и процветания так называемого "золотого миллиарда", т.е. в основном населения стран Запада, особенно большой семерки. Россия, занимающая 1/7 часть суши и владеющая обширным континентальным шельфом, - колоссальная резервная кладовая сырья, которую большая семерка намерена закрепить за собой на будущее. Китай - потенциально крупнейший в мире потребитель быстро убывающих сырьевых ресурсов и разрушитель экологического потенциала планеты. Кроме того, Китай остается для Запада антагонистом в социальном плане. Наконец, и это наиболее существенно, Россия и Китай способны выступить как вдохновители и организаторы создания нового международного антигегемонистского, антизападного фронта, который объективно должен сформироваться, ибо характер и условия современного мирового развития диктуют это с неизмеримо большей силой, чем прежде, когда складывался антиимпериалистический фронт. Былую мощь и активность последнего питали идеи национальной независимости и социальной справедливости. Новый фронт - это ответ на небывало жесткий вызов времени, который поставил в повестку для вопрос о самом существовании, выживании большинства человечества, живущего за пределами сверхразвитой группы стран, объединяемых понятием "Запад".

Указанная выше совокупность объективных причин ставит и Россию и Китай в долгосрочную оппозицию Западу, независимо от того, хотят этого правя-

щие элиты двух держав или нет. Причем характер причин таков, что совершенно неизбежно нарастание чрезвычайной жесткости в отношениях РФ и КНР с Западом². И не следует обольщаться пока еще сравнительно умеренными проявлениями глубинного антагонизма в их отношениях, предопределенного состоянием и противоречиями современного мирового сообщества.

Будучи активно агрессивной силой, Запад по части организационной подготовки к решающим битвам за свои предельно эгоцентричные интересы явно опережает периферию, еще не оправившуюся от стресса, вызванного крахом социалистического содружества. Он крепит свое уже устоявшееся в борьбе с мировым коммунизмом единство, совершенствует механизм и формы своего коллективного диктата над периферией, наращивает масштабы и мощь своих военных блоков и союзов, неуклонно расширяет так называемые сферы их "ответственности".

Однако страны периферии, в число которых помимо России, Китая, Индии входит немало достаточно крупных и мощных государств, едва ли будут долго пребывать в состоянии пассивной обороны, избегать коллективных форм отпора нарастающему натиску кооперативно действующего Запада. Осознание необходимости единства перед лицом общей угрозы придет к ним непременно. Отношения по линии Юг-Юг для них, наконец, станут высокоприоритетными, имеющими решающее, связанное с выживанием их народов, стратегическое значение. В этой связи неопенимую стимулирующую роль призвана сыграть инициатива и пример великих держав периферии - России и Китая, а также Индии.

Первые шаги в этом плане уже сделаны: добрососедство в треугольнике восстановлено. Развитие сотрудничества в нем ускоряется и далеко не в последнюю очередь под воздействием разного рода недружественных, мягко выражаясь, акций гегемонистского Запада в отношении всех трех держав. Конечно, угрозы с его стороны пока весьма по-разному видятся и оцениваются в Москве и Пекине (и в Дели). Это естественно. Запад сейчас концентрирует усилия на добывании России, на "освоении" обширного постсоветского и постсоциалистического пространства. Напротив, к Китаю, в частности, он проявляет повышенный политический и торговый интерес, хотя время от времени прибегает к разным мерам давления, включая демонстрацию военной силы. И тем более знаменательно, что при столь существенно неодинаковой конъюнктуре в отношениях Запад-Россия и Запад-Китай у Москвы и Пекина возникла и окрепла решимость развивать всестороннее сотрудничество, поднимать уровень своего партнерства, которое по определению имеет стратегический смысл и значение.

Могут, однако, сказать, что у этого начавшегося российско-китайского политического сближения были и есть другие причины. К ним, например, относится стремление сторон к соразвитию, снятию обременительных для их экономики элементов прежней конфронтационности. Но ведь подобные причины существовали и прежде. Действительно существовали и сделали свое дело. Сначала СССР, а с 1992 г. Россия недвусмысленно проявили стремление к нормальным отношениям с Китаем, к добрососедству с ним. Однако стороны провозгласили решимость вести дело к стратегическому взаимодействию лишь в 1996 году! В первые годы существования РФ в ее позиции не было никаких, даже слабых, намеков на возможность такого поворота в отношениях с Китаем. Она прямо-таки рвалась в партнерские и даже союзнические объятия Запада и смотрела на КНР под углом зрения перспективы успешного братания с ним. Перспектива эта изначально была иллюзорной, ложной. К сожалению, сей прискорбный факт стал очевиден российской правящей элите лишь в середине 90-х годов.

Что касается Пекина, то там прозрение в отношении Запада наступило еще в начале 80-х годов, когда китайское руководство отказалось от стратегического антисоветского альянса с ним. Это, в частности, открыло путь к постепенному восстановлению отношений КНР с СССР. К концу десятилетия они были пол-

ностью нормализованы. Пекин сохранил активно конструктивную линию и в отношении "покончившей с социализмом" России - правопреемницы СССР, рассматривая эту линию по крайней мере как способ нейтрализации опасных для него прозападных пристрастий Москвы. Потенциальные угрозы, проистекавшие из них, могли бы оказаться на деле неизмеримо более серьезными, чем те, которые, по мнению китайской стороны, якобы породил пресловутый антикитайский сговор "социал-империализма" с империализмом.

Крах прозападных надежд и мечтаний Москвы, а главное совершенно откровенный курс большой семерки на истребление мощи России, который предельно полно избличает Запад как ее злейшего врага, с одной стороны, и все более глубокое осознание Пекином неизбежности в недалеком будущем агрессивной активизации Запада на китайском направлении, с другой, побудили две великие державы объявить миру о своем по сути дела вынужденном движении к стратегическому взаимодействию. Пока это можно рассматривать как своего рода предупреждение двух наиболее мощных держав периферии Западу, переживающему головокружение от успехов в холодной войне. Однако, если он будет упорствовать в стремлении утвердить новый миропорядок по своим эгоистическим рецептам, то вовсе не исключено, что его гегемонистскому коллективизму, его военно-блоковой стратегии периферия противопоставит достаточно тесный антигегемонистский коллективизм, в том числе и военно-политического плана³. В рамках объединенной периферии естественными будут и региональные и двусторонние оборонительные союзы. в каком-то виде возможно и оформление российско-китайского стратегического альянса, причем, скорее всего, как части более широкой военно-политической организации периферийных государств.

На вопрос редакции об объективных и субъективных факторах, благоприятствующих или препятствующих осуществлению стратегического партнерства, ответ частично дан при анализе фундаментальных причин (мотивов) сближения России и Китая. Но кроме них стимулируют движение сторон к стратегическому взаимодействию такие конкретные обстоятельства, как крайне слабая задействованность огромного российского промышленного и научно-технического потенциала и стремление Китая использовать его для ускоренного наращивания своей комплексной мощи, растущие инвестиционные возможности КНР и острейшая нужда РФ в притоке иностранных капиталов, сравнительная дешевизна российской техники, которая может быть использована на строящихся в Китае промышленных объектах и в процессе реконструкции базовых предприятий, сооруженных в 50-е годы при содействии СССР. Развитию российско-китайского партнерства благоприятствует и тот кардинальный факт, что соразвитие двух держав может быть на долгую перспективу обеспечено сырьевыми и энергетическими ресурсами Сибири и Дальнего Востока. Россию и Китай побуждает к более широкому взаимодействию их общая озабоченность резко возросшей наступательностью сил исламского фундаментализма, которые способны создать серьезные проблемы для безопасности общего "внутриконтинентального тыла" двух держав, что совершенно нежелательно особенно в условиях, когда нарастает давление с юга и запада на одну и со стороны Тихого океана на другую.

Объективно пока тормозят практическое развитие партнерства развал народного хозяйства России, утрата управляемости ее экономических и государственных структур из федерального центра, чрезмерная зависимость Москвы от международных экономических и политических организаций, в которых первую скрипку играют США. Разумеется, важно и то, что в российских правящих верхах все еще очень сильны позиции прозападных сил. Наконец, в немалой степени стопорит встречное движение сторон к более тесному политическому взаимодействию и пока еще весьма большая роль экономического сотрудничества с Западом в деле модернизации Китая. Правда, эту роль не следует преувеличивать. Известно, например, что в таком ключевом для Китая вопросе, как приток прямых

инвестиций из-за рубежа, лидирует вовсе не Запад. До 80% их притока обеспечивают Гонконг, Макао, Тайвань, Сингапур и китайские общины в Юго-Восточной Азии⁴. К числу тормозящих факторов в какой-то мере можно отнести и взаимное недоверие, накопившееся у сторон за долгие годы советско-китайского противостояния. Но это недоверие довольно быстро преодолевается, о чем свидетельствует и практическое завершение пограничного спора и соглашения о мерах доверия в районе совместной границы.

Набор конкретных факторов, действующих в противоположных направлениях, несомненно, будет с течением времени меняться. Некоторые из них, возможно, изменят нынешнее направление на обратное. Но все это будет происходить в мощном поле действия указанных выше фундаментальных причин возникновения российско-китайского доверительного партнерства, которые по всем данным будет чем дальше, тем меньше подвержены влиянию конъюнктуры в отношениях России и Китая с внешним миром. Разумеется, так будет лишь в случае, если обе державы (особенно Россия) превьше всего поставят задачу укрепления своего суверенитета, сохранения целостности своей государственной территории, будут делами подтверждать и укреплять свой статус и авторитет великих держав, превращая свое доверительное партнерства в действенный фактор развертывающейся борьбы народов периферии за демократический справедливый политический и экономический новый миропорядок, т.е. порядок, при котором решение обостряющихся глобальных проблем современности осуществляется на основе строгого соблюдения принципов мирного сосуществования государств и исключается диктат со стороны какой-либо сверхдержавы или какого-либо блока великих держав. Такой миропорядок может быть лишь следствием преодоления нынешнего силового диспаритета между Западом и периферией. Значение развития и углубления доверительного партнерства России и Китая в этом спасительном для человечества процессе трудно переоценить.

В связи с вопросом редакции о месте партнерства двух держав в их внешнеполитических доктринах следует подчеркнуть тот факт, что нацеленность сторон на стратегическое взаимодействие в XXI веке определилось совсем недавно. И чтобы это место более или менее четко закрепилось в доктринах, требуется время прежде всего для основательной обкатки, совершенствования, проверки эффективности формирующегося механизма развития доверительного партнерства. Вместе с тем, принципиальное отношение сторон к такому партнерству в определенной мере отражает его нынешнее высокое место в доктринальных основах их внешней политики. Обе они исходят из того, что грядущий мир будет многополюсным. В Информационном сообщении о государственном визите в КНР президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина концептуальное видение сторонами роли и целенаправленности их партнерства отражено следующим образом: "Исходя из понимания ответственности России и Китая как великих держав за судьбы мира, Стороны заявили о своей решимости активизировать практическое взаимодействие и партнерство в международных делах. Было выражено единое мнение, что такое взаимодействие и партнерство России и Китая особо важно (подчеркнуто мною - А.Я.) в период трудного перехода от двухполюсной структуры мира к многополюсной, когда продолжают действовать определенные деструктивные тенденции - рецидивы давления, политика силы, новые проявления блоковой политики.

С китайской стороны было заявлено, что Китай с пониманием относится к позиции России против расширения НАТО на Восток"⁵.

Конечно, в нынешней многовекторной внешней политике Китая место партнерства с Россией - несколько иное, чем роль этого партнерства в российской внешней политике, доктрина которой предусматривает сбалансированность ее западного и восточного направлений. Но не исключено, что в будущем изменения в положении двух держав перед лицом наступательной активности Запада урав-

няют место российского и китайского факторов во внешнеполитических доктринах соответственно Китая и России. Пока же нельзя не отметить, что на последней сессии ВСНП премьер Госсовета КНР Ли Пэн среди достижений страны в деле налаживания добрососедских связей с сопредельными государствами первым назвал установление качественно новых отношений с Россией⁶

И, наконец, последний вопрос редакции, касающийся возможной реакции внешнего мира на установление между Россией и Китаем "отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке".

США, Запад в целом при их вполне очевидной нацеленности на подчинение периферии своему диктату не могут реагировать на российско-китайское сближение иначе, как абсолютно негативно. Как в прошлом перспектива восстановления советско-китайского военно-политического союза, так и теперь перспектива успешного развития российско-китайского доверительного партнерства представляется западным стратегам великим кошмаром. Именно она, такая перспектива, более, чем-либо другое, ставит под вопрос реальность гегемонистских замыслов Запада. Поэтому он будет делать все мыслимое и неммыслимое, чтобы сорвать процесс движения России и Китая к стратегическому взаимодействию точно так же, как он сделал максимум возможного, чтобы превратить советско-китайский военно-политический союз в тотальную конфронтацию.

Но, думается, с высоты прошедших лет, отмеченных помимо всего прочего и быстрым нарастанием новых опаснейших тенденций в мировом развитии, и Москва и Пекин верно оценят печальный итог этой конфронтации. А главное ими будут учтены два в высшей степени многозначительных факта. Во-первых, это то, что Запад оказался враждебен, новой буржуазной России в не меньшей степени, чем Союзу Советских Социалистических Республик. Во-вторых, это начавшиеся на Западе и совпавшие по времени пропагандистские кампании по поводу якобы растущей российской и китайской угрозы человечеству. Если СССР будто бы угрожал "свободному миру" своей колоссальной военной мощью, то Россия, оказываясь, создает Западу еще большую угрозу распадом этой мощи: ведь именно для нейтрализации этой "еще большей угрозы" якобы и потребовалось расширение НАТО на восток. А нынешний Китай, утверждая на Западе, несет миру угрозу быстрым и масштабным ростом своей силы и укреплением оборонительного потенциала. При этом собственную поистине уникальную мощь, в том числе военную, Запад не считает потенциальным источником бедствий для всего остального мира.

Эти два факта, если их по достоинству оценят в Москве и Пекине, должны служить предупреждением о недопустимости для России и Китая ни под каким предлогом даже малейшего сознательного торможения получившего столь хороший старт их движения к стратегическому взаимодействию по самому широкому кругу вопросов двусторонних отношений и наиболее кардинальных проблем мировой и региональной политики.

Что касается стран периферии, то их отношение к этому движению в принципе может быть только положительным. Слишком уж велики были их геостратегические потери от распада СССР и гибели социалистического сотрудничества, чтобы они не поняли и не оценили должным образом историческое значение качественного сдвига в отношениях России и Китая для своих собственных судеб. Во всяком случае их позитивное отношение к повышению роли и Китая и России в международных делах достаточно очевидно. Это подтверждает реакция в арабском мире на дипломатическую и иную активность России на Ближнем Востоке, готовность многих стран периферии к восстановлению всестороннего сотрудничества с ней. Если говорить о Китае, то даже сопредельные ему азиатские страны, которые традиционно с опаской относились к любому существенному возвышению своего соседа-гиганта, начинают пересматривать прежнюю позицию. На эту

тенденцию обратил внимание, в частности, японский политолог Тосио Ватанабе, который еще в 1995 г. писал, что усиление КНР, формирование "китайской экономической сферы" (или "Большого Китая"), охватывающей континентальную часть Китая, Тайвань, Гонконг, Сингапур, зарубежные общины китайцев и имеющей целью дать ответ на вызов Запада, порождает "определенное чувство надежды и солидарности" у азиатских народов¹.

В целом в мировом сообществе, состоящем из двух подсистем - сверхразвитого центра и периферии, выражающих и его единство и его глубочайшую противоречивость, реакция на российско-китайское сближение не может не быть двойственной. И задача России и Китая состоит в том, чтобы в каждый данный момент верно соотносить значение и той и другой реакции для текущего планирования конкретных мер и шагов в рамках доверительного партнерства, не упуская при этом из вида требования долгосрочного стратегического подхода к своему партнерству, от действенности которого решающим образом зависят их собственные судьбы и в огромной мере всего человечества.

1 ПДВ. - 1996. - № 3. - С. 6.

2 "Начнется борьба за ресурс - сверхжестокая и сверхбескомпромиссная. Да она, по существу, уже и началась" (Н.Моисеев. Есть ли у России будущее? Попытка системного анализа проблемы выбора. - М., 1996. - С. 115). Россия и Китай, будучи главными и первоочередными объектами удара в западной стратегии выживания, не могут не оказаться в самом фокусе этой борьбы.

3 Возможно, кто-то из читателей к концепции о неизбежном формировании новой биполярности мирового сообщества, схематично изложенной в данной публикации, отнесется как к "рецептиву" устарелых стереотипов. Но, во-первых, пока никто, а главное сама жизнь, не опроверг их сколько-нибудь убедительно. Во-вторых, решительное претворение в жизнь постулатов пресловутого "нового политического мышления" сначала советским, а затем российским руководством отнюдь не обеспечило "мир на Земле и благоволение в человеках", зато утробило советскую сверхдержаву, стоявшую на пути Запада к глобальному всевластию, и поставило в тяжелейшее положение суверенную постсоциалистическую Россию, не говоря о многом другом. Именно практические результаты новомышленческой политики более всего подтверждают, что состояние и тенденции развития всей системы международных отношений по-прежнему определяются характером расстановки социально- и геополитических сил в мире, а не благими пожеланиями либо иллюзиями на счет якобы появившихся в наше время возможностей установления равноправного партнерства всех государств, основанного на некоем балансе их интересов, не связанным самым тесным образом с балансом их сил.

Объективной неизбежности биполяризации мира посвящена обширная научная литература, в том числе и отечественная. См., например, работу академика Н.Моисеева "Есть ли у России будущее? Попытка системного анализа проблемы выбора" (М., 1996. - 143 с.).

4 См. Japan Review of International Affairs. - Summer 1995.. - Vol. 9. - N 3. - P. 238.

5 ПДВ. - 1996. - № 3. - С. 3.

6 См. "Правда-5". - 1997. - 5 марта.

7 См. Japan Review of International Affairs. - Summer 1995. - Vol. 9, N 3.

Япония и перспектива российско-китайского стратегического партнерства

© 1997

В.Кистанов

В связи с вопросом о возможной реакции на партнерские отношения России и Китая их соседей в Восточной Азии несомненный интерес представляет реакция Японии на развитие российско-китайских отношений, находящая отражение в японской печати.

Для Японии состояние отношений между нашей страной (будь то Российская империя, Советский Союз или постсоветская Россия) и Китаем постоянно являлось первостепенным фактором, влияющим на позиции этой островной страны в жизненно важном для нее азиатско-тихоокеанском регионе (АТР) и прежде всего в Северо-Восточной Азии (СВА). Естественно, что все изменения и нюансы этих отношений тщательно отслеживаются и анализируются японскими политиками и экспертами.

В последние годы в японских средствах массовой информации отмечаются коренные сдвиги во взаимодействии России и Китая после нормализации межгосударственных связей, анализируются возможности их трансформации в так называемое конструктивное стратегическое партнерство. Большой резонанс в Японии вызвал прошедший в апреле 1996 г. визит в Китай президента Российской Федерации Б.Ельцина. Ведущая японская газета "Асахи симбун", оценивая в своем комментарии результаты визита, отмечала, что подписанное в Пекине совместная декларация определила двусторонние отношения между РФ и КНР как переход от "конструктивного партнерства" к "стратегическому партнерству, устремленному в XXI век", и тем самым "еще более ярко высветила дальнейшее сближение России и Китая". Газета рассматривает этот факт как движение в сторону нового строительства фактически "союзнических отношений".

Другая газета - "The Japan Times" давала более сдержанную оценку визита Б.Ельцина, подчеркивая, что результаты его поездки означали всего лишь тактическое улучшение в российско-китайских связях, но не явились крупным шагом в направлении "стратегического партнерства", о котором заявили лидеры двух держав².

При всех оттенках взглядов японских экспертов на степень продвинутости и прочности нынешнего российско-китайского партнерства общим для них является указание на то, что, во-первых, связи между Россией и Китаем становятся все более тесными, а, во-вторых, что в качестве главного побудительного мотива сближения двух стран вырисовывается стремление сдержи-

Кистанов Валерий Олегович, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Статья написана на основе материалов, собранных автором во время пребывания в Японии в 1996 г. по линии Японского фонда

вать на международной арене США, которые после окончания холодной войны остались единственной сверхдержавой в мире и откровенно стремятся упорочить свои глобальные позиции в этом новом качестве.

В японской печати нередко можно встретить указание на то, что в настоящее время в треугольнике США-Китай-Россия складывается новая схема взаимодействия: если в период холодной войны Китай и США объединяли свои усилия в сдерживании СССР, то после развала последнего уже Китай и Россия, ставшая преемницей Советского Союза, совместно выступают против Соединенных Штатов. Об этом, например, писал авторитетный еженедельник "Экономисутто"³.

По мнению японских наблюдателей, именно в такой схеме, а, скорее, в ее демонстрационном эффекте заинтересованы, каждая в силу своих причин, как российская, так и китайская сторона. Так, для России важной причиной развития партнерства с Китаем является разочарование в США и в Западе в целом, наступившее после периода "розовых" надежд на дивиденды от "нового политического мышления", и "общечеловеческие ценности", на волне рассуждений, о которых российские политики и их радикал-демократические идеологи надеялись одним махом "проскочить" в "цивилизованный мир". Кроме того, по мнению японских аналитиков, своим сближением с Китаем Россия хотела бы продемонстрировать Западу, что у нее имеются иные альтернативы на мировой политической сцене.

В свою очередь для Китая, как считают японцы, одним из главных регионов в пользу развития отношений с Россией является провозглашенный Пекином курс на "борьбу с гегемонизмом" в мировой политике - эвфемизм, который в настоящее время используется в Китае для характеристики политики Соединенных Штатов. Видимо, именно это имели ввиду авторы публикации в газете "Асахи симбун" особо подчеркивая, что в совместной декларации, опубликованной по итогам визита Б.Ельцина в Китай, содержатся слова о противодействии "гегемонизму"⁴. Как утверждает газета, именно китайская сторона настояла на том, чтобы включить в совместную декларацию положение о "противодействии гегемонизму и силовой политике", с чем согласились и представители России⁵.

Вместе с тем ряд японских аналитиков придерживается мнения, что наращивание военно-политического сотрудничества между Россией и Китаем может вызвать дестабилизацию в сфере международной безопасности в АТР, так как представляет угрозу для азиатских стран. Причем эту угрозу они усматривают прежде всего со стороны китайского участника стратегического партнерства. Так, "The Japan Times" пишет: "Несмотря на заверения Китая, которым вторит Россия, о том, что новые дружеские объятия являются партнерством, а не союзом, всякая военная модернизация (Китая - В.К.), обусловленная потеплением в отношениях между Пекином и Москвой, может рассматриваться в регионе как потенциальная угроза". По словам газеты, например, приобретение Китаем российских истребителей СУ-27 представляет собой угрозу для безопасности Тайваня⁶. Стремлением показать, что российско-китайское сближение усиливает гонку вооружений в АТР, проникнуты многие комментарии японской прессы. В редакционной статье влиятельной консервативной газеты "Санкэй симбун", говорится, например, что Россия, "находящаяся в состоянии хаоса великая страна, равная по научно-техническому потенциалу США", сотрудничает в деле развития восточно-азиатской державы, "на которую весь мир указывает как на военную угрозу". Сближение Китая с Россией, считает газета, еще более усилит его военную мощь и станет источником большого беспокойства для окружающих стран. В

статье резюмируется, что Россия фактически стала для Китая желанным "стратегическим партнером". Статья предостерегает, что в XXI веке Китай намерен стать богатым и сильным государством на основе повышения научно-технического потенциала, развития экономики и наращивания вооруженных сил, а поэтому, дескать, за ним надо пристально следить⁷. Комментируя цели России, газета полагает, что углубление связей России с Китаем, наряду с ее попытками налаживания отношений с КНДР, есть не что иное, как стремление укрепить свои позиции в Азии на фоне тенденции к игнорированию российской роли в этом регионе.

В то же время ряд японских исследователей указывает на то, что российско-китайское стратегическое партнерство имеет четкие пределы и не может стать самым приоритетным направлением внешнеполитической стратегии как России, так и Китая. В этом плане типичными являются аргументы японского посла в Чехии Миямото Нобуо, изложенные в статье "Как далеко может зайти китайско-российское стратегическое сотрудничество?", помещенной в журнале "Тью корон"⁸. Поскольку статья написана как бы на тему проводимого журналом "Проблемы Дальнего Востока" круглого стола, остановимся на ее содержании несколько подробнее.

В статье говорится, что после распада СССР такие страны, как США, Китай и Россия, находились в отношениях "конкурентного сотрудничества", то есть на одинаковом расстоянии друг от друга. Однако, задается вопросами Миямото, почему получилось так, что сейчас именно российско-китайские связи предполагается развить в стратегическое сотрудничество? Как далеко зайдет это сотрудничество? Какое в итоге влияние окажет оно на международное сообщество и Японию?

По мнению японского дипломата, главной причиной стремления России к сближению с Китаем является неизбежное расширение НАТО на Восток, рождающее у нее чувство бессилия и страха. Для России, у которой растет ощущение изоляции, вполне естественным является поиск стратегического партнера в целях сдерживания США и восполнения своей слабости по сравнению с ними. Кроме того, Китай представляет собой огромный рынок сбыта российского оружия, считает Миямото.

С другой стороны, автор статьи видит следующие причины, подталкивающие Китай к сближению с Россией. Во-первых, это уже упоминавшаяся политика противодействия гегемонизму. Под ним сейчас понимается силовая политика Вашингтона, проявляющаяся, в частности, в критике Китая по проблеме прав человека, в отношении к экспорту последним ядерных технологий и т.д. Во-вторых, расчет на то, что сокращение вооруженных сил, на северных границах Китая, что стало реальным в результате подписания в Шанхае Китаем, Россией, а также Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном соглашения о мерах доверия, даст Китаю возможность усилить вооруженные силы, противостоящие Тайваню. В-третьих, надежды на Россию как на стабильного поставщика нужного Китаю современного вооружения. В-четвертых, как полагает Миямото, в XXI веке Китай будет испытывать острую нехватку энергоресурсов и сможет восполнить ее за счет поставок из России.

Но главная причина нынешнего курса Китая на стратегическое партнерство с Россией, по мнению японского дипломата, заключается в том, что в XXI веке отношения Китая и США прогнозируются неустойчивыми и весьма противоречивыми, однако Китай будет не в состоянии самостоятельно противостоять Соединенным Штатам и поэтому хочет заручиться поддержкой со стороны России.

В случае, если США под флагом "общих ценностей" вознамерятся расширить НАТО на три балтийских государства, а затем и на Украину, рассуждает далее Миямото, то это до крайней степени ухудшит отношение России к Соединенным Штатам и в качестве ответной реакции Россия еще сильнее будет крениться в сторону Китая. Полагая, видимо, что такой ход событий не отвечает интересам других стран, японский посол призывает руководство НАТО обращать должное внимание на военные, политические и психологические аспекты возможных действий России, вызванных расширением НАТО (например, он советует предоставить России статус ассоциированного члена НАТО и вовлечь ее в диалог в рамках этой организации, не размещать в мирное время на территории новых членов НАТО иностранные войска и ядерное оружие и т.д.).

Вместе с тем, развивая свою мысль, если Китай прибегнет к военной силе для решения тайваньской проблемы, то США не останутся сторонним наблюдателем. В результате резко ухудшатся американо-китайские отношения. В ответ на это Китай еще сильнее будет склоняться в сторону России. Однако, учитывая огромную военную мощь США, Китай вряд ли дойдет до применения военной силы против Тайваня. Более того, поскольку для Китая экономические отношения с Западом, и прежде всего с США, являются исключительно важными, он будет проявлять определенную сдержанность.

Таким образом, резюмирует Миямото, Китай и Россия стремятся наладить стратегическое сотрудничество в целях создания противовеса единственной сверхдержаве - Соединенным Штатам. Однако, по его мнению, это сотрудничество вряд ли выльется, как это было когда-то, в реальный союз, враждебный США. Он считает, что стратегическое сотрудничество Китая и России ограничится рамками не столько военного, сколько ярко выраженного политико-психологического и экономического союза "второго или третьего разряда".

Вместе с тем в статье обращается внимание на то, что в последние годы Китай быстро наращивает экономическую мощь и осуществляет модернизацию вооруженных сил, вопреки протестам мирового сообщества проводил испытания ядерного оружия. К тому же для Китая характерна китаецентристская идеология. Поэтому, по мнению Миямото, нельзя исключить возможность того, что Пекин, опираясь на стратегическое сотрудничество с Россией, станет больше опираться на силу в оказании давления на Тайвань и другие азиатские страны, включая Японию. Вероятность этого подтверждается китайскими военными учениями в Тайваньском проливе в марте 1996 г., когда, как предполагает автор статьи в "Тью корон", между Китаем и Россией уже было достигнуто негласное соглашение о налаживании "стратегического партнерства, устремленного в XXI век". Следовательно, заключает Миямото, надо отдавать себе ясный отчет в том, что в течение следующих 50-100 лет Китай явится фактором огромного значения как для США и Японии, так и для других азиатских государств.

Японские аналитики, которые следят за развитием российско-китайского стратегического партнерства, довольно четко определяют его границы, внутренние противоречия и центробежные силы. Так, "Санкэй симбун" в статье под заголовком "Опасности китайско-российского "медового месяца" пишет, что в ходе визита Ельцина в Китай обе стороны усиленно старались произвести впечатление того, что между ними наступил "медовый месяц". При этом в сфере международной политики Россия откровенно разыгрывала "китайскую карту", а Китай - "российскую карту". Однако откладывание на

будущее решения таких важных проблем, как демаркация государственной границы и отвод войск из приграничной зоны, по мнению газеты, демонстрирует уязвимость российско-китайских отношений⁹. Можно отметить, что японские газеты на своих страницах публикуют высказывания и некоторых западных аналитиков о том, что подспудное осознание в России Китая как потенциальной угрозы может стать серьезным препятствием для реализации не на словах, а на деле российско-китайского стратегического партнерства. Например, в статье директора национальных программ безопасности в центре Никсона за мир и свободу Питера В. Родмана (Peter W. Rodman) в "The Japan Times" говорится, что "нынешнее сближение между Россией и Китаем так же, как и во времена Советского Союза, может наскочить на мель, на этот раз из-за страха русских перед растущей мощью Китая"¹⁰.

В целом база для долговременного и фундаментального сотрудничества между Россией и Китаем через "японскую призму" видится довольно узкой. Сближающие КНР и Россию факторы (противодействие НАТО, для одной стороны, и американскому гегемонизму - для другой, взаимная заинтересованность в сделках с оружием), как представляется, в значительной мере носят конъюнктурный характер. На этот счет "The Japan Times" в редакционной статье по итогам визита в КНР президента России писала: "Шоу солидарности, исполненное двумя президентами, вызвано чувством обиды, разделяемому ими, ощущению, что их странам отказывают в достойном месте на международной арене. Но посмотрите поближе на двух президентов: каждый глядит через плечо своего партнера, чтобы узреть кто наблюдает за этой демонстрацией вновь обретенной дружбы. Господин Ельцин "смотрит на Восток" в то время, как НАТО планирует собственную экспансию в восточном направлении вразрез с желаниями России. А господин Цзян Цзэминь расценивает партнерство с Россией как способ просигнализировать Соединенным Штатам, что он также имеет иные стратегические варианты. Обе угрозы, очищенные от дипломатических двойных словесных стандартов, чем они в сущности и являются, пустые"¹¹.

В подтверждение этой мысли в статье разбираются факторы, воздействующие на развитие стратегического партнерства России и Китая. Что касается продажи оружия Китаю, то в свете нынешних печальных реалий в экономике России Китай является для нее ценным клиентом. Однако в соответствии с традицией опоры на собственные силы Китай хотел бы покупать не столько сами системы оружия, сколько технологию его производства. Но Россия не желает продавать свое будущее. Предпочтение, отдаваемое Пекином бартеру, также охладило энтузиазм русских в отношении торговых сделок.

Как Китаю, так и России нужны рынки и капиталы, подчеркивается в статье. Объем торговли между двумя странами составил в 1995 г. 5,46 млрд. долл., но это - лишь одна десятая объема торговли Китая с США. Россия не может предложить Китаю ни потребительского рынка, ни технологий, в которых он нуждается в целях модернизации своей экономики. А будущее России зависит от доступа на международные рынки капиталов, в чем Китай не может оказать ей какую-либо помощь.

В сфере геополитики серьезным тормозом в развитии российско-китайского стратегического партнерства, по словам газеты, может стать Индия, которая, с одной стороны, издавна является противником Китая, а с другой - союзником России. "The Japan Times" указывает, что подозрительность Китая в отношении российско-индийской близости, не исключено, повредит российско-китайскому сближению. Не исключается и прямое соперни-

чество между двумя крупнейшими странами региона, каковыми являются Россия и Китай.

Одной из коренных причин слабости фундамента российско-китайского сближения, по мнению японской прессы, является незначительность экономической и политической роли России на азиатско-тихоокеанской сцене в целом. Так, "The Japan Times", отмечая снижение военной мощи России на Дальнем Востоке, вызванное в том числе бедственным состоянием Тихоокеанского флота, считает, что перед Москвой "стоит трудная задача трансформировать вековую политику военной экспансии в мирные коммерческие обмены". По утверждению газеты, эта задача осложняется тем, что Россия унижительно напоминает страну третьего мира: она поставляет сырьевые товары, такие как лес, нефть или газ в обмен на готовую продукцию Японии, Южной Кореи и Китая. Большая часть Сибири и российского Дальнего Востока мало что еще может предложить. Для того же, чтобы профинансировать крупномасштабные проекты, которые позволили бы поставлять ее природные богатства на рынки Восточной Азии, Москве нужно стать полноправным членом таких организаций, как форум Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Пекин поддержал идею членства России в этой организации, но Москве еще нужно заручиться согласием Токио¹².

Причудливая картина взаимодействия переплетающихся сил, интересов, сдержек и противовесов по мнению японских аналитиков вряд ли позволит на деле "выточить" ось Пекин-Москва. Однако они видят и некоторые геополитические факторы в АТР, которые будут подталкивать Москву и Пекин именно в этом направлении. Одним из главных среди них может стать японо-американский договор безопасности, который на саммите японского премьера Р.Хасимото и американского президента Б.Клинтон в Токио в апреле 1996 г. не только обрел "второе дыхание" после окончания холодной войны, но и определенным образом радикализировался. Это выразилось, если проводить аналогию с НАТО, в планах расширения договора на Запад, то есть в намерении распространить сферу его действия с районов, непосредственно примыкающих к Японии, на весь АТР.

Указанные планы соответствуют новой оборонной концепции Японии, в соответствии с которой главная военная угроза стране переместилась с северного направления (бывшая "советская угроза") на западное ("китайская угроза", а также "угроза, связанная с положением на Корейском полуострове").

Новый облик японо-американского договора безопасности вызвал сильную нервозность и большое беспокойство в Пекине, где подозревают (и не без оснований, хотя американские и японские официальные деятели это всячески отрицают), что теперь этот договор имеет своей целью в первую очередь сдерживание Китая, прежде всего в связи с ситуацией вокруг Тайваня. Но не только. Не случайно, например, американские представители, избегая прямых высказываний на тему о государственном суверенитете над островами Сенкаку, на которые претендуют Япония, Китай и Тайвань, подтвердили, что эти спорные острова входят в сферу действия договора безопасности¹³.

Следует признать, что проведенные буквально накануне упомянутого саммита китайские военные учения в Тайваньском проливе оказались той самой "дорогой ложкой к обеду", которая позволила США и Японии безболезненно укрепить и даже раздвинуть рамки (как географические, так и функциональные) их военного сотрудничества, начавшего ослабевать с конца 1995 г. в связи с обострением проблемы американских баз на Окинаве. В свою очередь новая концепция договора безопасности дает уже Китаю аргументы для оправдывания наращивания собственной военной мощи. Более того, "Санкэй

симбун" усматривает в российско-китайском сближении не что иное, как противодействие японо-американскому договору безопасности¹⁴. Такого же мнения придерживается и либеральная "Асахи симбун", которая пишет: "Нельзя отрицать, что укрепление китайско-российских отношений в значительной степени вызвано очередным пересмотром японо-американского договора безопасности"¹⁵.

Однако, видимо, было бы преждевременным говорить о том, что в АТР складывается новая разделительная линия, проходящая между японо-американским договором, с одной стороны, и российско-китайским стратегическим партнерством - с другой. К этому не готовы ни Китай, ни тем более Россия, да они и не имеют достаточно сильных стимулов для сближения, которые перевешивали бы их заинтересованность в развитии сотрудничества с США и Японией. Отношения в рамках "стратегического четырехугольника" США-Япония-Китай-Россия гораздо более сложны и запутаны, чем это может показаться на первый взгляд. В американских политологических кругах, например, бытует так называемая "теория пробки в бутылке", признаваемая и многими японскими аналитиками, по которой одна из функций японо-американского договора безопасности заключается в том, чтобы не дать вырваться на волю японскому "джину милитаризма". Эта функция не может не учитываться Китаем, который опасается возрождения японского милитаризма при выработке своей позиции в отношении этого договора.

Наряду с этим в настоящий момент и США, и Япония прилагают большие усилия к тому, чтобы выправить свои двусторонние отношения с Китаем, которые по ряду причин изрядно испортились. Именно эта задача ставится в центр внешнеполитической стратегии как второй администрации Б.Клинтон, так и второго кабинета Р.Хасимото. При этом японцы сильно опасаются, что Вашингтон может пойти на улучшение связей с Пекином не только в обход Токио, но и за счет японских интересов. Так, обозреватель газеты "Асахи симбун" Масару Хонда в статье под характерным заголовком "Опасный треугольник для Японии" не сомневается в том, что Китай уже заменил Японию в фокусе азиатской политики Вашингтона¹⁶.

Если же взглянуть через "японскую призму" на другой треугольник - Россия-Китай-Япония, то там также можно обнаружить любопытные нюансы. Например, "Санкэй симбун" в статье, посвященной первому в истории визиту в Россию начальника Управления национальной обороны Японии Хидэо Усуи в мае прошлого года, анализируя высказывания российских политиков и публикации российской печати, делает вывод, что в России рассматривают Китай как потенциальную угрозу и, исходя из ее предполагаемого нарастания, считают необходимым укреплять отношения с Японией¹⁷. В свою очередь "Ёмиури симбун" полагает, что в основе курса Японии на развитие связей с Россией в военной области лежат изменения в угрозах безопасности страны. Отмечая, что в связи с китайскими учениями в Тайваньском проливе в японских правящих кругах усиливается настороженность в отношении Китая, газета пишет, что в Японии просматривается стремление использовать "японо-российские добрые отношения" для сдерживания Китая¹⁸.

Вместе с тем совокупность военно-политических реалий в АТР делает очевидным тот факт, что на обозримую перспективу именно японо-американский договор безопасности останется той "осью", на которую будут "нанализываться" проблемы региональной безопасности. Во всяком случае многие страны Юго-Восточной Азии именно в этом договоре видят гарантию стабильности военно-политической ситуации в регионе, в том числе панацеею от гипотетической китайской военной экспансии в южном направлении, чего

они особенно страшатся. Не будет преувеличением сказать, что в настоящее время японо-американский договор безопасности с точки зрения этих стран выполняет в АТР ту же роль, что и НАТО в Европе. Если перефразировать применительно к этой роли известное высказывание о задачах НАТО, которые заключаются в том, чтобы “держат русских подальше, американцев поближе, а немцев под контролем”, то, с точки зрения большинства азиатских стран, оно, видимо, может звучать так: “держат китайцев (вместе с их русскими партнерами) подальше, американцев поближе, а японцев под контролем”.

Как бы то ни было, не приходится сомневаться, что японо-американский договор безопасности следует рассматривать как ту “печку”, от которой придется двигаться партнерам - России и Китаю - в их “стратегическом танце” на азиатско-тихоокеанской геополитической сцене.

Итак, взгляд через “японскую призму” на российско-китайское стратегическое партнерство позволяет сделать следующие выводы:

1. Роль России в АТР продолжает снижаться по мере того, как она теряет остатки своего военно-политического влияния в регионе, а о наращивании экономического не приходится говорить. В этих условиях курс на расширение и углубление отношений с Китаем является естественным и важным средством противодействия этой негативной для России тенденции.

2. Российско-китайское сближение, давая ли ему название “стратегического партнерства” или какое-либо другое, вызывает определенную настороженность в странах АТР, которые видят в нем дальнейшее усиление потенциальной китайской угрозы. Россия должна учитывать этот момент при выработке своей стратегии в Восточной Азии и, в частности, стараться в своем зачастую безоглядном стремлении заработать валюту на поставках вооружения в этот регион не нарушать сложившийся там баланс сил.

3. Сближение между Россией и Китаем в обозримой перспективе вряд ли выйдет на действительно стратегический уровень, поскольку подчинено решению главным образом тактических задач, а в истинно стратегическом плане отношения с Соединенными Штатами как для России, так и для Китая несравненно важнее, чем российско-китайское партнерство. Это прекрасно понимают на Западе, поэтому вряд ли оправданы расчеты на то, что с помощью стратегического партнерства с Китаем России удастся, например, оказать влияние на НАТО. Не следовало бы озадачивать мир и скоропалительным согласием на включение в лексикон российско-китайского диалога таких терминов, как “борьба с гегемонизмом”.

4. Исходя из усложняющейся на глазах системы отношений в треугольнике США-Китай-Япония, Россия не должна давать разыгрывать себя в качестве чьей-либо “карты”. Более того, чтобы в следующем столетии не оказаться вдруг “между двух огней” (если оправдается наиболее пессимистический, хотя и не такой уж редкий в прогнозах сценарий, по которому в XXI веке фронт новой холодной войны будет проходить между США и Китаем), России необходимо осуществлять политику равноприближенности (или равноудаленности) ко всем трем вершинам указанного треугольника, исходя прежде всего из собственных национальных интересов.

5. Надо более тщательно и продуманно подбирать определения к такой тонкой материи, как взаимодействие между Россией и Китаем. Если термин “конструктивное партнерство” можно просто считать дипломатическим канцеляризмом (разве бывает партнерство деструктивное?), то словосочетание “стратегическое партнерство”, независимо от словесного флера, которым его окутывают сами участники, всегда вызывает у третьих стран, оставшихся за

рамками такого партнерства, законный вопрос: а против кого, собственно, собираются "дружить" партнеры?

Самой же России особенно близка и понятна такая постановка вопроса в связи с проблемой НАТО. Логически рассуждая, нельзя исключить того, что аналогичный вопрос может возникнуть и в связи с наметившейся тенденцией расширения географических и функциональных рамок японо-американского договора безопасности, Китай, впрочем, этот вопрос уже задал. Ответ на него надо будет искать не в контрсиловой игре, опирающейся на российско-китайское стратегическое партнерство, а в налаживании системы подлинно коллективной безопасности в бассейне Тихого океана, зародышами которой могут послужить региональный форум АСЕАН, а в более отдаленной перспективе - организация АТЭС.

6. Наиболее эффективным средством повышения геополитического веса и экономического значения России в АТР является, как это ни банально звучит, быстрейшая внутривосточная стабилизация и ускоренное экономическое развитие, прежде всего ее дальневосточных регионов. Только это и способно сделать нашу страну равноправным и желанным для других стран партнером, будь то Китай, Япония, США или другие государства бассейна Тихого океана.

- 1 Асахи симбун. - 1996. - 26 апреля.
- 2 The Japan Times. -1996. - 30 апреля.
- 3 Экономисутто. - 1996. - 11 июня. - С. 67.
- 4 Асахи симбун. - 1996. - 26 апреля.
- 5 Там же.
- 6 The Japan Times. -1996. - 5 мая.
- 7 Санкэй симбун. - 1996. - 27 апреля.
- 8 Тюо корон. - 1996. - № 5. - С. 134-139.
- 9 Санкэй симбун. - 1996. - 27 апреля.
- 10 The Japan Times. -1996. - 9 марта.
- 11 Op.Cit. -1996. - 27 апреля.
- 12 Op. Cit. -1996. - 3 мая.
- 13 The Daily Yomiury. 1996. - 29 ноября.
- 14 Санкэй симбун. - 1996. - 24 апреля.
- 15 Асахи симбун. - 1996. - 26 апреля.
- 16 The Asahi Evening News. -1996. - 15 ноября.
- 17 Санкэй симбун. - 1996. - 30 апреля.
- 18 Ёмиури симбун. - 1996. - 30 апреля.

Государство и общество

Традиционная политическая культура Китая и современность

© 1997

К. Кокарев

Политическая культура является одной из важнейших характеристик политического режима, поскольку, концентрируя и отражая исторический опыт, представляет собой совокупность относительно устойчивых политических убеждений, ориентаций, образцов поведения и деятельности всех участников политического процесса в общества. Политическая культура занимает важное место и в развитии духовной культуры, находящейся в свою очередь в гармоническом единстве с культурой материальной.

На состояние и развитие политической культуры оказывают влияние уровень экономического развития общества, характер официальной идеологии, ее норм и установок, а также сложившиеся традиции и нормы политического поведения. Значение производственно-экономического фактора очевидно, поскольку он связан с эволюцией материальной и духовной культуры.

Что касается официальной политической идеологии, как формы политического сознания, то, видимо, не будет большим преувеличением, если назвать ее своеобразным фильтром, пропускающим в основном только те политические ориентации и нормы поведения, которые способствуют стабилизации и устойчивому функционированию данной политической системы.

Специфика конкретной политической культуры во многом определяется традициями в политическом поведении той или иной социальной общности. Именно традиции обеспечивают непрерывность политического процесса, в значительной мере способствуют сохранению и передаче новому поколению характерных и наиболее устойчивых элементов политической культуры¹.

Существование системы официальной идеологии и политических традиций обусловило появление понятий официальной и традиционной (массовой, доминирующей) политической культуры. В связи с этим возникает вопрос о степени их соответствия друг другу, об уровне тождественности исторически сложившегося политического опыта нации и реально существующих в данный момент государственной идеологии и моделей политического поведения². При этом распространено убеждение, что институты политической системы и само политическое поведение легче и быстрее поддаются пре-

Кокарев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник РИСИ.

образованиям (например в результате революционных действия или реформ), чем доминирующая политическая культура. Как верно отмечают А.Браун и Дж.Грэй, "можно коренным образом изменить политику и даже осуществить революционные перемены в отношениях собственности на средства производства или в политических институтах, но нельзя так же быстро трансформировать основополагающие ценности (главные компоненты политической культуры) основной массы населения"³.

Следует заметить, что революционные, реформаторские преобразования политической системы, изменение политического поведения в духе официальных идеологических установок не всегда соответствуют доминирующей политической культуре в той степени, которая обеспечивает стабильность существующего режима. В такой ситуации возможны два варианта развития событий: либо в интересах достижения эффективности политической социализации населения правящая элита корректирует официальные идеологические установки в сторону максимального учета компонентов и особенностей традиционной политической культуры, поступаясь при этом отдельными своими "принципами", либо в результате неизбежного кризиса дальнейшие политические изменения в стране будут определяться основными ориентациями доминирующей политической культуры. В этом заключается особое значение последней.

Можно сказать, что оптимальный вариант функционирования политического режима в немалой степени определяется способностью руководства рационально учитывать и использовать требования и особенности доминирующей политической культуры. В Европе подтверждением тому является опыт Великобритании, где при конституционной монархии уже более трехсот лет без кровавых революций и глубоких внутренних потрясений осуществляются государственное управление и реформы, при активном использовании исторически сложившихся норм и традиций, зачастую возведенных в ранг законов.

В этом контексте опыт Китая заслуживает не меньшего внимания, поскольку практика относительно устойчивого императорского правления в Поднебесной насчитывала более двух тысяч лет. очевидно, можно назвать целый ряд причин, лежащих в основе поразительного долголетия китайской государственности, но главное, видимо, заключается в особенностях культуры вообще и политической культуры в частности, присущих китайской нации, которая имеет свой неповторимый габитус, облик⁴. И здесь нельзя не согласиться с выводом о том, что и в политике "Китай равен только самому себе"⁵. Что же касается политической культуры, которую американский китаевед Люсьен Пай назвал "душой китайской политики", то она, на наш взгляд, в определенной мере помогает не только понять многие особенности развития Китая в прошлом, но и часто позволяет с большей уверенностью ориентироваться в нынешней политической жизни этой страны.

К числу важных и актуальных сегодня положений традиционной политической культуры относится поддержание порядка и стабильности в обществе, потребность в гармоническом единстве противоположностей, вертикальная иерархическая зависимость и горизонтальная взаимосвязь социальных структур, учет традиций и опыта прошлого. При этом все перечисленные положения в конечном итоге направлены на поддержание порядка и стабильности в обществе. Это - главное.

Для решения этой важной задачи традиционно упор делается, во-первых, на распространение одобренных канонов поведения и морали; во-вторых, на строгое выполнение функций и обязанностей ("ритуализация ро-

лей и образцов поведения”); в-третьих, на своевременное “уяснение положений” в соответствии с изменившейся обстановкой.

У числу главных канонов, обеспечивавших порядок и стабильность в традиционном обществе в Китае относятся, как известно, основополагающие принципы конфуцианской морали: почитание родителей (сяо) и преданность (чжун). При этом первый принцип определял отношение индивида к его семье, а второй - отношения в сферах, находящихся над родственно-семейными связями.

“Преданность”, согласно представлениям сторонников конфуцианского учения о государстве, выступает не в качестве противоположности “почитанию родителей” с ее склонностью к семейному эгоизму и замкнутости, а наоборот - производной от “сяо”. В результате указанные принципы находятся в гармоническом сочетании, дополняя друг друга⁶. При этом прочность одного компонента находилась в прямой зависимости от состояния другого. Так было в прошлом. А как дело обстоит в наши дни?

Надо сказать, что в жизни современного китайского общества указанные принципы не утратили своего значения и по-прежнему продолжают играть в нем заметную роль. Характерными в этом смысле являются результаты опроса жителей Сянгана (Гонконг), проводившегося в 1985 году. Заметим, кстати, что опросы китайцев, проживающих в Сянгане, имеют особенное значение потому, что снимают проблему идеологического давления при проведении социологических исследований. Вместе с тем, как жители Сянгана, так и КНР, несмотря на различие политических систем, являются наследниками собственно китайской, ханьской цивилизации. Опрос показал, что 87,6% респондентов считают именно “почитание родителей” самым важным компонентом отношений между людьми, который необходим для формирования здорового общества. Подавляющее большинство опрошенных (77,1%) посчитали необходимым даже законодательно утвердить наказание в отношении тех детей, которые пренебрегают родителями.

При этом 85,9% придерживаются мнения, что законом должна быть также оговорена обязанность детей заботиться о родителях, 85% выразили готовность добровольно оказывать финансовую помощь родителям, а 54,6% согласились с тем, что они должны жить с семьями детей (и это мнение прозвучало в условиях Сянгана с его довольно высокой плотностью населения). На вопрос о том, должны ли родители получать поддержку прежде всего от государства или от детей, в пользу государственной помощи высказались только 6,3%. Другие же посчитали это естественной обязанностью родственников, показав в итоге соотношение мнений 93:7. Характерно, что указанная пропорция по иным странам выглядела следующим образом: Индия - 62:38; США — 52:48; Япония - 45:55⁷.

Таким образом, ведущая конфуцианская ценностная ориентация в высокообразованном Сянгане, выступающем как часть конфуцианского ареала, и поныне пользуется серьезным авторитетом. Можно вполне согласиться с мнением, что ее влияние на территории КНР не менее, если не более, велико, ибо малоизменчивый во многом уклад жизни прежде всего многочисленного сельского населения материкового Китая при относительно пока еще слабом влиянии пороков и достоинств цивилизации западно-европейских стран делают там традиционные стереотипы мышления и оценки окружающей действительности достаточно устойчивыми. Реальность такой оценки подтверждается фактами. Так, в нынешнем Китае насчитывается 120 млн. человек в возрасте более 60 лет, из которых 60% содержатся за счет детей, свыше 28% - за счет

собственных доходов, 15% - за счет пенсий. При этом подавляющее большинство из них проживает вместе с детьми и только 7% живут отдельно⁸.

Конечно, здесь присутствуют и мотивы экономического порядка, но совершенно очевидна и роль традиционного фактора. Российские исследователи, например, полагают оправданными выводы о том, что национальное сознание китайцев в настоящее время по-прежнему "в очень большой мере имеет традиционную окраску"⁹.

Конфуцианская добродетель в части, символизирующей внутреннюю гармонию и установленный порядок в семейных отношениях, не может не отвечать интересам действующего политического режима по поддержанию стабильности в обществе. Немаловажен и экономический эффект "почитания родителей", вытекающий из традиционной обязанности молодых помогать родителям, престарелым родственникам. Органы власти, без сомнения, заинтересованы в том, чтобы немалую часть расходов, связанных с предоставлением населению социальных гарантий по старости и состоянию здоровья, взяли на себя родственники, исходя из предписаний ведущих канонов традиционной морали. Достаточно сказать, что даже для богатой Японии подобные растущие траты выливаются в немалые проблемы. В Китае же, как считают специалисты, дальнейшее повышение уровня жизни приведет к еще большему увеличению количества пожилых людей. Например, только за пять лет (с 1990 г.) их число возросло на 14%.

Неразрывно связанное с "почитанием родителей" понятие "преданности" власти, как отмечалось, также по-прежнему характерно для современных представителей китайской нации, ибо оно сопрягается с пониманием жизненной необходимости поддержания порядка и стабильности в государстве. Сошлемся еще раз на проведенный в Сянгане опрос. По мнению 79,9% респондентов, главным условием нормальной жизни и развития общества являются порядок и стабильность, гарантированные действующим политическим режимом. Поэтому среди китайцев далеко не все одобряют одну из основных ценностей западной демократии, состоящей в возможности открыто конфликтовать с теми или другими направлениями правительственной политики. Так, 53% опрошенных посчитали ненормальным явлением, что в последние годы отмечается увеличение количества жителей Сянгана, которые считают допустимым выступать против решений и деятельности органов власти¹⁰. Отсюда следует, что "преданность" политическому режиму, возможно, больше соответствует сегодня сознанию значительной части населения не только Сянгана, но и жителей КНР и Тайваня, ибо альтернативой ему, как понимают участвовавшие в опросе, является анархия, хаос, дикость и разрушение. Что касается граждан КНР, то свидетельства "десятилетней смуты" периода "культурной революции" сильнее всяких других аргументов доказывают целесообразность и необходимость поддержания порядка и стабильности в стране, привлекая для этого самый разнообразный арсенал средств и возможностей.

Характерно, что в ходе кампании "ста цветов" (1957), в разгар "культурной революции:" (1966-1976), демонстраций в июне 1989 г. на площади Тяньаньмынь в Пекине студенты в основной массе выступали не против социалистической системы, а против отдельных институтов власти, конкретных лиц и коррупции в аппарате управления государством¹¹.

Важное место в политической культуре Китая имеет традиционное требование строгого соблюдения каждым членом общества ролевых функций и должностных обязанностей, которые определяются системой иерархических отношений и моралью. Собственно, "ритуализация ролей и образцов поведе-

ния", неоконфуцианский лозунг "преодолеть себя, восстановить ритуал" (кэцзы фули) неразрывно связаны с каноническими принципами "сяо" и "чжун". Согласно конфуцианской морали, каждый должен соответствовать тому месту, которое он занимает в обществе: император должен быть императором, отец - отцом, сын - сыном, брат - братом и т.д. Все выполняют определенную роль, имеют "свое лицо".

Воспитание опирается в немалой степени на внушение недопустимости "потерять лицо", поводом для чего может явиться невыполнение ролевых функций в семье и обществе. Отсюда оправдан вывод, что степень ролевой стабильности определяет в свою очередь прочность социальных порядков и устойчивости политической системы в целом. Именно внутренний контроль-регулятор, как форма публичного принуждения, связанный с возможностью морального осуждения со стороны других людей и "потерей лица", является в итоге одним из сильных рычагов управления китайским обществом. Согласно мнению японских исследователей, китайская культура является "культурой стыда" в отличие от европейской "культуры вины"¹².

Функционально-ролевая стабильность в свою очередь связана с таким важным понятием современной политической жизни Китая как "стиль поведения" - "цзофэн", согласно которому трудовая деятельность, жизнь и поведение индивида должны отвечать определенным стандартам, исключая всякую неорганизованность и спонтанные проявления как в период мирного и благополучного развития страны, так и во времена трудностей и потрясений. "Стиль поведения" в жизни и трудовой деятельности по своему содержанию вполне согласуется с конфуцианской философией общественной стабильности, которая требует единого миропонимания и контроля над чувствами и эмоциями людей.

Выработка "стиля" трудовой, общественной деятельности поведения имеет в Китае традиционную основу, направленную на формирование образа стандартного (образцового) среднего работника, по типу и подобию которого в последующем разворачивается подготовка нужных кадров. Такой способ в течение веков плодотворно применялся в Китае при отборе кандидатов в чиновничий аппарат, которые проходили непростую многоступенчатую систему экзаменов. Актуален он и в деятельности политического руководства в условиях реформы. Определяемый официальной властью "стиль" работы и поведения способствует установлению более глубокого контроля за состоянием и тенденциями в развитии общества, помогает выявлению и локализации антиправительственных элементов, а также мобилизации масс на широкое участие в политических и экономических кампаниях.

Кроме этого наличие "стиля" работы и поведения, по всей видимости, имеет ассоциацию с традиционным "дао" ("путь"), следование которому наполняет жизнь человека смыслом и обеспечивает как бы заведомо успех его деятельности. В то же время отклонение от "дао", как считалось, ведет к нарушению гармонии, и это в равной мере касается и общества, и природы. В связи с этим иногда приводят сведения о природных явлениях и катаклизмах 1976 г. (землетрясения в провинциях Юньнань, Сычуань, в Пекине, разрушение в результате стихийного бедствия города Таншань, наводнения в провинциях Хэнань, Шаньдун, "метеоритный дождь" в провинции Цзилинь), а также известия о смерти Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Чжу Дэ, разгроме всемогущей "банды четырех", которые, как полагают некоторые в Китае, могут свидетельствовать о нарушении гармонии, равновесия, отклонения от следования "дао"¹³. В результате такого рода нарушений китайский народ понес тяжелые потери в ходе "культурной революции", а руководители этой

“революции” утратили “мандат Неба” на управление народом. По поводу увязки природных и социальных явлений каждый может иметь собственное мнение, но, видимо, трудно отрицать, что подобное стечение обстоятельств может быть достаточно эффективно использовано в пропаганде ориентаций на гармонию, на следование “дао”, то есть в современном понимании - “линии”, “курсу” с тем, чтобы стабилизировать существующий политический режим.

Жизнь и деятельность в соответствии с требованиями традиционной морали, выработанной в далеком прошлом, были бы невозможны без традиционного “уяснения” (“чжэнмин”) применительно к конкретным историческим условиям сути и содержания изложенных выше понятий, ориентаций, ролевых функций, лозунгов и установок “стиля работы и поведения”. “Уяснение” этих понятий, приведение в соответствие с ними поступков, действий и принимаемых решений обозначают содержательную сторону политической практики современного руководства.

“Чжэнмин” оказывает значительное влияние на реалии политической жизни в силу того, что дает возможность, используя старые и хорошо усвоенные населением понятия и ориентации, обеспечивать эффективную социализацию масс в духе официальных идеологических установок. Так, на третьем пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) было принято решение скорректировать прежний курс и перенести центр тяжести партийной работы с ведения классово-борьбы на осуществление “четырёх модернизаций”¹⁴. После известных событий в июне 1989 г. в Китае вновь развернулась дискуссия по “уяснению” понятия “реформы”: между сторонниками их дальнейшего активного проведения и теми, кто отстаивал более умеренные варианты модернизации. По существу, в тот период представители взглядов Чэнь Юня в китайском руководстве, не отрицая очевидной необходимости осуществления реформ, тем не менее полагали целесообразным, например, среди прочих поправок поставить цены преимущественно под контроль государства, а также ограничить полномочия управленческих звеньев на проведение мероприятий, связанных с реформой. Ужесточение “макроконтроля” и активизация поддержки государственного сектора с 1994 г. также представляют собой очередной вариант “уяснения” политики реформ в Китае.

Практически “чжэнмин” реализуется через идеологические дискуссии и подготовку общественного сознания к предстоящим изменениям и корректировкам в политическом курсе, принятие законов, партийных и правительственных документов, организацию “движений за исправление стиля” (“чжэнфэн”), кадровые перестановки.

Важность “чжэнмина” как компонента политической культуры состоит и в том, что он позволяет своевременно снимать возникшее напряжение между официальной властью и ожиданиями народа, что, по существу, означает урегулирование противоречий между носителями официальной политической культуры и традиционной (массовой) политической культуры. Кроме этого, “чжэнмин” выработал в политическом сознании граждан готовность спокойно и достаточно быстро реагировать на новые лозунги и задачи, обеспечивая тем самым высокую мобильность населения на разных этапах развития китайского общества. В результате “чжэнмин” предоставляет возможность практически в любой момент внести соответствующие коррективы в проводимый внутренний и внешний политический курс. Правда, это дало некоторым авторитетным специалистам на Западе (например, Л.Пай) возможность заявить, что “политика Китая в значительной степени подчинена логике текущей ситуации”, а “китайская традиция ставит на первое место сиюминутную политическую выгоду нации”¹⁵.

Представляется, что несмотря на отдельные сложные периоды в развитии современного Китая, действительность доказывает "работоспособность" ряда отмеченных выше ведущих компонентов традиционной политической культуры, прошедших "чжэнмин" и определяющих поведение всех слоев населения.

Вместе с тем, несмотря на авторитет власти, традиционную приверженность принципу "преданность", глубинным критерием преданности китайца остается уровень благосостояния общества и его самого, как составной части этого общества. Объясняется это тем, что человек, согласно традиционным канонам, может и должен быть предан власти, до тех пор, пока она, выполняя свою функцию, обеспечивает ему защиту и материальное благополучие. Отсюда и стратегическая важность "модернизации" Китая, состоящая, в частности, в обеспечении к середине следующего столетия уровня ВВП из расчета 4 тыс. долларов на человека¹⁶.

Важность этой задачи объясняется тем, что в процессе реформ и открытости поддержание стабильности и порядка наталкивается в Китае на ряд серьезных трудностей, среди которых безработица, расслоение населения по уровню доходов, разрыв в развитии регионов страны, а также ряд других проблем, в том числе связанных с политической реформой. Вряд ли можно сомневаться в том, что все эти явления способны негативно сказаться на политическом поведении разных слоев населения. Очевидно, что отсутствие работы, а значит и средств к существованию, объективно ведет к утрате у части населения чувства преданности к власти¹⁷. По мнению экспертов Азиатского банка развития, создание социальной защиты для безработных и пожилых китайцев "остается неотложной политической задачей, вызывающей озабоченность"¹⁸.

Как отмечалось, не менее серьезные проблемы связаны с растущей дифференциацией в доходах и уровне развития различных регионов, а также непростой ситуацией на части госпредприятий, поглощающих значительную долю национального бюджета¹⁹. Так, в печати появились сведения о том, что с начала 90-х годов на ряде государственных предприятий в северо-восточных провинциях Китая в ответ на массовые увольнения стали возникать структуры несанкционированного профсоюзного движения в форме "рабочих бюро по найму". Эти "бюро" служили организационным ядром забастовок в поддержку требований работы, более высокой заработной платы, участия рабочих в принятии производственных решений.

По мнению представителей китайского руководства, отдельные "приватизационные эксперименты могут нанести ущерб государственным предприятиям, которые являются основой социалистической экономики". В связи с этим председатель КНР Цзян Цзэминь, премьер Госсовета Ли Пэн и ряд других высокопоставленных руководителей в конце 1994 г. публично заявили о линии "на возрождение превосходства государственного сектора". В начале мая 1995 г. было объявлено о том, что "от 500 до 1000 государственных предприятий должны получить льготы по финансированию". По словам исполняющего обязанности заместителя премьера Госсовета КНР Чжу Жунцзи, отвечающего за экономические вопросы, "никакой приватизации госпредприятий пока не предвидится". Основной упор будет сделан на совершенствование кадровой политики, уточнение функций центрального правительства и самих предприятий, улучшение управления, постепенное создание современной системы социального страхования²⁰.

Не может не беспокоить китайское руководство уровень и перспективы производства зерна в стране²¹. Ситуация в сельском хозяйстве сделала вновь

популярным лозунг Чэнь Юня, согласно которому "производство зерна является главным звеном в цепи всех проблем. Без достаточного количества зерна наступит хаос". В связи с этим по инициативе и под контролем Ли Пэна и Чжу Жунци в провинциях вновь усилена работа по государственным закупкам зерновым и масличных культур, хлопка на основании заданий, установленных Госсоветом. Возвращение к централизованным закупкам и распределению сельхозпродуктов началось с первых месяцев 1994 г., в результате чего крестьяне в обязательном порядке должны продавать большую часть урожая государству по ценам, которые наполовину ниже рыночных.

Наряду с этим модернизация китайского общества, связанная с активным проникновением в страну иностранного капитала, расширением коммуникативно-информационного обмена, распространением западных стереотипов восприятия и оценки действительности способствовала распространению на местах и ряда антиобщественных явлений, на борьбу с которыми сегодня брошены значительные силы правопорядка в стране²².

Некоторые зарубежные наблюдатели даже высказывают мнение, что политика реформ и открытости способна на определенном этапе изменить политическую систему КНР. С точки зрения традиционной политической культуры Китая, такой подрыв стабильности и порядка возможен лишь при условии нарушения гармонии между "сяо" и "чжун", что означало бы утрату "преданного" отношения населения к нынешней власти, а также размывание ведущих принципов конфуцианской морали новыми ценностными ориентациями. Однако, на наш взгляд, сегодня это Китаю пока не грозит. Слишком велика ценность и значение традиционных компонентов в политическом сознании и поведении граждан КНР, равно как и других стран конфуцианского ареала. Тем более, что определенные успехи экономического порядка в стране способствуют укреплению принципа "преданности" в общественном сознании КНР. С другой стороны, правительство предпринимает конкретные шаги по дальнейшему укреплению конфуцианской морали, традиционных основ политического поведения, что в совокупности формирует потенциал устойчивости политического режима. Тем не менее это не значит, что не произойдет никаких изменений в политической жизни Китая. Эти изменения непременно будут происходить, поскольку меняются факторы, формирующие политическую культуру китайского общества (экономика, идеологические установки, исторический опыт), а значит и влияющие на политическое поведение его граждан.

Скорее всего эти изменения в ближайшей перспективе будут осуществляться в рамках традиционного "чжэнмина" путем внесения некоторых изменений, коррективов в проводимый политический курс и "стиль" работы. Это подтверждают решения и практическая деятельность китайского руководства. В частности, премьер Госсовета КНР Ли Пэн в интервью "Файнэншл таймс" сообщил, что "Китай прочно стоит на пути постепенных реформ, которые не предполагают опрометчивых скачков к рыночной экономике. В Китай рынок в полном объеме может играть фундаментальную роль в распределении ресурсов только под контролем и при макроэкономическом регулировании со стороны правительства"²³.

В интересах поддержания стабильности и порядка китайское руководство постоянно принимает меры по сохранению устойчивого экономического роста, создающего определенные гарантии для сглаживания наиболее острых социальных противоречий в обществе, понимая, что "преданность" последнего традиционно зависит от его материального благополучия²⁴.

Параллельно с мерами экономического порядка осуществляются шаги по возрождению и широкой пропаганде традиционных принципов конфуциан-

ской морали. Например, в 1995 г. в КНР было выпущено пятитомное издание "Китайская традиционная мораль". Выступая по этому поводу на специальном совещании член политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета КНР Ли Ланьцин отметил, что китайская традиционная культура всегда находилась в фокусе внимания руководства КНР, включая Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Цзян Цзэмина. По его словам, в нынешнем китайском обществе накопилось много серьезных проблем, среди которых - пренебрежение моралью, общественным и гражданским долгом, правилами приличия, а также коррупция, подсиживание и обман. Для их искоренения, по утверждению Ли Ланьцина, требуется комплексный подход, где активную роль призвана сыграть традиционная китайская мораль, которая "обогатит социалистическую мораль национальной спецификой, сделает ее более легкой для понимания широкими народными массами". Работа в этом направлении названа Ли Ланьцином "стратегически важной"²⁵. Одновременно усиливается идеологическое воспитание и укрепляется морально-политическое состояние личного состава вооруженных сил²⁶.

Развитие событий в КНР показывает, что на данном этапе их содержание и направленность в основном находятся в русле главных составляющих политической культуры, берущих начало в традиционном Китае. Практика "чжэнмина" пока позволяет гибко реагировать на изменения и особенности складывающейся ситуации, своевременно снимать возникающее временно напряжение между официальной и доминирующей политической культурой с целью обеспечения стабильности и порядка в стране, создания благоприятных условий для дальнейшей "модернизации" и превращения Китая в один из мировых центров силы.

1. Подробнее об этом: Л.Переломов, Г.Салтыков, П.Кожин. Понятие "политическая традиция"; Л.Переломов. История и политика в КНР. В сб.: "Политические традиции в КНР" - ИБ N20. - М. - 1980. - С. 5-23, 33-57; Л.С.Переломов, П.М.Кожин, Г.Ф.Салтыков. Традиции Китая и политика "четырёх модернизаций". - В сб.: "Традиции Китая и политика "четырёх модернизаций", ч. 1. - ИБ № 33. - М. - 1982. - С. 6-14.
2. Например, в статье А.С.Мартынова подчеркивается важность оптимального соотношения между уровнями развития общества и государства как условия их процветания и прогресса. - А.С.Мартынов. Россия и Китай: сходство наследия - общность судьбы. - Звезда, № 10. - 1995. - С. 167-175.
3. Political Culture and Political Change in Communist States. Ed. by A. Brown and J. Gray. - N.Y. - 1977. - P. 4.
4. Поздняков Э.А. Философия политики. 2-е изд., ч. 1. - М. - 1994. - С. 21, 22.
5. Я.М.Бергер. Модернизация и традиция в современном Китае. - Полис. - № 5. - 1995. - С. 62.
6. Интересно в связи с этим посмотреть на эволюцию взглядов в Китае относительно этих двух принципов. В эпоху династии Хань (206 г. до н.э. - 221 г. н.э.) "почитание родителей" было постепенно соединено с "преданностью", после чего служение родителям и лояльность к императору стали представлять единое целое. Можно понимать это так, что в этот период произошла официальная политизация ведущего принципа конфуцианской морали, которая подняла "преданность" на уровень "сыновней почтительности": подданных по отношению к власти в лице императора. При Минской династии (1368-1644) "почитание родителей" стало рассматриваться уже как одна из составных частей "преданности", что было призвано значительно укрепить положение и полномочия императорской власти, так как служение императору должно было пользоваться приоритетом в сравнении с принципом "сяо", то есть "почитанием родителей". Таким образом, "преданное" отношение к официальной власти в Китае имеет достаточно глубокие исторические корни, и нарушение этой традиции напрямую связывалось с неуважением собственных родителей. По-

- казательно в этом смысле, что правителей областей и округов в старом Китае называли "отцом и матерью народа" - Разоблачение божества. - М. - 1977. - С. 486.
7. Oskar Weggel. Wo steht China heute? Nell II. In: China aktuell. - Hamburg. - Juni 1992. - S. 384.
 8. ИТАР-ТАСС. - 1996. - 17 апреля.
 9. Я.М.Бергер. - Цит. соч. - С. 69, 72.
 10. Oskar Weggel. - Цит. соч. - С. 382.
 11. Об этом, в частности, говорится в работе: MacFarquhar R. The Hundred Flowers Campaign and the Chinese Intellectuals. - N.Y. 1960. - P. 130-173.
 12. Накадзима Минэо. Китай, нацеленный на переплавку собственной культуры. Токио. 1984 г. - Цит. по сб. "Общественно-политические процессы в КНР" (РС). - М. - 1989. - С. 139.
 13. 1 Oskar Weggel. Wo stent China heutr? - China aktuell. - Hamburg. - Juli 1992. - P. 464.
 14. Жэньминь жибао. - 1978. - 24 декабря.
 15. Pye L.W. On Chinese Pragmatizm in the 1980's. - In: The China Quarterly. - No. - 106. - 1986. - P. 214.
 16. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. - М. - 1987. - С. 217; China Daily. - 1995. - 17 ноября; Жэньминь жибао. - 1996. - 13 марта.
 17. В последние годы в Китае постепенно растет численность безработных: с 2,6 млн. человек в 1986 г. до 5,2 млн. человек в начале 1996 г. При этом в 1993 г. безработная молодежь составляла 79% (3,3 млн. человек) от общего числа не имеющих работы, однако в это число не входят миллионы мигрантов, покинувших сельскую местность в поисках работы. Только в Пекине таких насчитывается 4 млн. человек, а всего по стране - 150 млн. человек. К 2000 году, как показывают расчеты, эта цифра составит 268 млн. человек. Согласно данным аналитиков, уровень урбанизации в КНР предполагается поднять с 40% в 2000 году до 50% в 2010 году, что усложнит проблему трудоустройства, так как уже сегодня избыток рабочей силы в госсекторе колеблется в пределах 15-30% (примерно 16-32 млн. человек). На середину 1995 г. 15% госпредприятий работали с частичной нагрузкой или вообще стояли. Многие рабочие переходят в частный или коллективный сектор, где в настоящее время сосредоточено примерно 50 млн. городских рабочих, что составляет половину от занятых на государственных предприятиях.
- Серьезной представляется ситуация и в сельской местности, где, по сообщениям китайских источников, число безработных или частично занятых составляет около 130 млн. человек. Несмотря на увеличение частных и коллективных хозяйств, поселковых предприятий, на которых занято примерно 125 млн. человек, они не в состоянии обеспечить работой даже треть нуждающихся в ней. В результате около 100 млн. человек из этой категории переселяются в городские районы, пригороды, стремясь найти там временную работу. Учитывая важность проблемы, на четвертой сессии ВСНП 8-го созыва (март 1996 года) было решено к концу 1996 г. и до 2000 г. иметь уровень безработицы, не превышающий 3,2% от всего трудоспособного населения. - Ежегодный статистический справочник Китая. - 1994. - С. 106, 107; Китай в 1995 г. - ПДВ № 3, 1996. - С. 44-45; В.Я.Портяков. Перспективы социально-экономического развития Китая и российско-китайские отношения. - III Российско-китайская научно-практическая конференция "Сотрудничество Китая и России по международным проблемам" (Пекин, 4-5 октября 1995 г. - ИБ. - М. - 1996. - С. 62-75; John Bryanstarr. China in 1995 Mounting Problems, Waiting Capacity. - In: Asian Servey. - Vol. 36. - No. 1. - January 1996. - P. 15; ИТАР-ТАСС. - 1996. - 10 апреля.
18. ИТАР-ТАСС. - 1996. - 15 апреля.
 19. В 1980 г. соотношение ВВП между восточными, центральными и западными районами Китая составляло 52,3:31,2:16,5; в 1993 г. это соотношение стало выглядеть как 60,1:26,8:13,1. Из 592 бедных уездов 90% находится в центральном и западном регионах страны, а их 80 млн. бедняков 90% приходится на западную часть Китая. В связи с этим на 1996 г. планируется в два раза увеличить инвестиции на развитие отсталых внутренних регионов. Эта сумма должна составить 8,5 млрд. долл. США, при том, что 80% всех инвестиций (31 млрд. долл. США) по-прежнему пред-

- назначается для приморских районов (на 10% меньше, чем в 1995 г.). В 1994 г. развитые прибрежные провинции выделили 286 млн. долл. США на строительство 62 объектов инфраструктуры в Тибете. В то же время, по заявлению премьера Госсовета КНР Ли Пэна, "Пекин не примет предложения могущественных военачальников в центральных и западных районах Китая "перенести" благоприятствование в западном направлении. Госсовет выступает за быстрое обогащение сначала зон и последующую затем помощь с их стороны в обеспечении процветания внутренних районов". - ИТАР-ТАСС, 8.04.1996. - 8 апреля; 1996. - 15 апреля.
20. Подробнее об этом в материалах четвертой сессии ВСНП 8-го созыва (март 1996 г.). - Жэньминь жибао. - 1996. - 6 марта.
 21. По данным некоторых зарубежных экспертов, к середине XXI века Китай будет нуждаться в таком количестве хлеба, которое превысит мировые возможности. Среди причин обострения проблемы называются увеличение населения Китая, рост качества жизни и потребления, высокие темпы изъятия из сельскохозяйственного оборота земель под строительство жилья, предприятий, дорог, иных коммуникаций. В 1994 г. в КНР было произведено 445 млн. тонн зерна, что обозначило зерновой дефицит в 15 млн. тонн. Сегодня Китай располагает общими пахотными площадями в 235 млн. га, что из расчета на человека составляет менее четверти среднемировой нормы. В течение последних 30 лет Китай ежегодно лишается 500 тыс. га пашни. Учитывая нынешние годовые темпы роста населения в 12 млн. человек (18 млн. рождается, 6 млн. умирает), к 2015 г. Китаю необходимо иметь 640 млн. зерна из расчета примерно 400 кг на человека в год. Это означает, что Китай должен за 20 лет увеличить производство зерна на 200 млн. Однако при нынешних тенденциях в сельскохозяйственном комплексе достичь таких показателей будет сложно. - John Bryanstarr. China in 1995. Mounting Problems, Waiting Capacity. In: Asian Servey. Vol. 36. No. 1, January 1996, p. 17; Жэньминь жибао. - 1996. - 29 апреля.
 22. Подробнее об этом см. выступление министра общественной безопасности КНР Тао Сыцзюя на 19-м Всекитайском совещании органов общественной безопасности КНР. - Жэньминь жибао. - 1996. - 7 февраля; Решение ЦК КПК и Госсовета КНР о комплексном подходе к поддержанию общественного порядка в стране. - Жэньминь жибао. - 1996. - 1 марта.
 23. ИТАР-ТАСС. - 1996. - 13 июня.
 24. Среди такого рода мер, в частности, отмечается подъем годового уровня доходов населения в сельской местности, который составил в 1995 г. 1550 юаней на одного человека (в 1978 г. - 134 юаня); заработная плата рабочих и служащих в 1995 г. составила 3900 юаней (в 1978 г. - 615 юаней); показатели обеспечения жильем в 1993 г. из расчета на одного человека в сельской местности составили 20,7 кв. м (в 1978 г. - 8,1 кв.м), а в городе - 7,5 кв. м на человека (в 1978 г. - 3,6 кв. м
- Статистический ежегодник Китая. - 1994. - С. 255; Китай в 1995 г. - ПДВ, № 3, 1996. - С. 36-37.
 25. Жэньминь жибао. - 1995. - 22 декабря. Укреплению морально-нравственных ценностей в условиях перехода к социалистической рыночной экономике, воспитанию идеологической стойкости, преодолению разложенческих тенденций также призвано служить и проводимое с 1994 г. в Китае движение "учиться у Кун Фаньсэня". - Там же. - 1996. - 16 апреля.
 26. В частности, одной из мер в этом направлении стало недавнее распространение в войсках главным политическим управлением НОАК Предложений по усилению воспитательной работы среди руководителей высшего и среднего уровней, где от армейских начальников требуется "обязательно заниматься политикой, твердо идти курсом строительства социализма с китайской спецификой, сознательно поддерживать центральное коллективное руководство третьего поколения, ядром которого является Цзян Цзэминь". - Жэньминь жибао. - 1995. - 7 февраля.

Экономика

Экономика Китая в 1996 г.: не все так хорошо или не все так плохо?

© 1997

В.Портяков

Процессы в экономике Китая продолжают привлекать пристальное внимание мирового сообщества: с их ходом все более тесно связаны интересы многих транснациональных корпораций, конъюнктура мировых рынков товаров и капиталов и глубинные, тектонические сдвиги в мировом хозяйстве в целом.

В связи с недавним визитом в Россию Премьера Госсовета КНР Ли Пэна и предстоящим в апреле 1997 г. визитом Председателя КНР Цзян Цзэминя, которые призваны закрепить тенденцию наращивания долгосрочного крупномасштабного экономического сотрудничества между Россией и Китаем, прежде всего в энергетике и транспорте, рост интереса к ситуации в народном хозяйстве КНР отмечается и в российских научных и общественных кругах.

Целью данной статьи является показ наиболее выпукло проявившихся особенностей социально-экономического развития Китая в 1996 г. и оценка возможных приоритетов экономической политики китайского руководства в ближайшей перспективе. Такой подход, отчасти выходящий за рамки текущего мониторинга социально-экономической ситуации в стране, продиктован тем обстоятельством, что 1996 г. явился первым годом реализации 9-го пятилетнего плана на 1996-2000 гг. и долгосрочной программы экономического развития Китая на период до 2010 г., нацеливших китайскую экономику на осуществление двух стратегических поворотов: от преимущественно экстенсивного к преимущественно интенсивному способу экономического роста и от планово-распределительного хозяйственного механизма к рыночному.

Тот основополагающий факт, что "Китай располагает огромным потенциалом для дальнейшего развития, сопоставимым разве что с масштабом стоящих перед экономикой страны проблем" (выражение корреспондента компании Си-Эн-Эн в Гонконге Майка Чиной), предопределяет, на наш взгляд, принципиальную невозможность одноцветных - сугубо положительных или сугубо отрицательных - оценок экономической ситуации в стране.

Завершившийся 1996 г. не стал в этом плане исключением. Несомненным и, по нашему мнению, в целом превалирующим достижениям в социаль-

Портяков Владимир Яковлевич - кандидат исторических наук, заместитель директора ИДВ РАН, руководитель Центра социально-экономических исследований Китая

Статья подготовлена на основании доклада на Ученом совете ИДВ РАН, с которым автор выступил 5 февраля 1997 года.

но-экономическом развитии Китая сопутствовало усугубление некоторых застарелых проблем, а то и появление новых.

В актив китайскому руководству следует занести прежде всего достаточно успешное завершение так называемой "мягкой посадки" народного хозяйства, начавшейся со второй половины 1993 г. и нацеленной на снижение до приемлемого уровня темпов роста инвестиций и цен, главным образом с помощью умеренно жесткой кредитно-денежной политики. При нормальном для Китая приросте валового внутреннего продукта (ВВП) в 1996 г. в 9,7% (в сопоставимых ценах) индекс роста цен составил 6%, в том числе в потребительском секторе 8,3%, что существенно ниже показателя инфляции в 1995 г. (14,8%) Вместе с тем за низкую инфляцию пришлось заплатить некоторым обострением проблемы занятости в городах, а сама она не в последнюю очередь была обеспечена за счет улучшения предложения зерна, позволившего сбить рост цен на него. В 1997 г. чистой импорт зерна Китаем достиг 18 млн. т.

Несмотря на крупнейшие с 1991 г. летние наводнения, в 1996 г. был собран рекордный урожай зерновых - 480 млн. т.

Удалось сдержать в приемлемых рамках прирост добавленной стоимости в промышленности (13%, на 1 процентный пункт ниже, чем в 1995 г.) и прирост инвестиций в основные фонды (18,9% в стоимостном выражении и 12,5% за вычетом ценового роста). Реальные доходы городского населения выросли на 3,4, а крестьян - на 8% по сравнению с 1995 г. Опережающий рост доходов крестьян в 1996 г. призван хотя бы частично переломить тенденцию нарастания разрыва в уровнях жизни городского и сельского населения, чреватую социальными коллизиями. Например, в 1995 г. 90 из каждых 100 семей горожан имели цветные телевизоры, 66 семей - холодильники и 89 семей - стиральные машины. А в деревне этими товарами длительного пользования располагали, соответственно, только 17, 5 и 17 из каждых 100 семей.

Политика активного стимулирования потребительского спроса населения обеспечила высокий прирост общественного розничного товарооборота - на 13% в физическом выражении и на 19,4% в стоимостном. В 1996 г. только по 7% товаров спрос превышал предложение. Это дало основания китайским аналитикам говорить о том, что на потребительском рынке страны достигнуто качественно новое состояние: "экономика дефицита" (известное выражение Я.Корнаи) ушла в историю. Конкретное доказательство ликвидации дефицитности китайской экономики видится в начавшемся в 1996 г. процессе достаточно массового снижения цен на инвестиционные товары и потребительские товары длительного пользования. Вместе с тем пока рано судить, превратится ли сбалансированность спроса и предложения в долговременную устойчивую тенденцию.

Дальнейшее развитие получили внешнеэкономический комплекс страны и политика внешнеэкономической открытости. Удалось переломить наблюдавшуюся в первой половине 1996 г. стагнацию во внешней торговле Китая, обусловленную в значительной мере снижением ставок возврата налога на добавленную стоимость экспортерам. По предварительной оценке, внешне-торговый оборот Китая в 1996 г. составил 290 млрд. долл. (137 - импорт и 153 - экспорт) по сравнению с 281 млрд. в 1995 г. При этом Китай вышел на третье место в мире по экспорту судов, а экспорт им высокотехнологичной продукции впервые превысил рубеж в 10 млрд. долл.

Валютные резервы Китая достигли 100 млрд. долл. Объем привлеченных иностранных капиталов за год достиг 48 млрд. долл., в том числе прямых иностранных инвестиций - 40 млрд. долл., на 7% больше, чем в 1995 г.

В декабре 1996 г. было объявлено о переходе к режиму конвертируемости юаня по текущим операциям. Полная конвертируемость юаня будет

достигнута предположительно в период между 2000 и 2005 гг.). Расширена сфера доступа иностранного капитала на финансовый рынок страны: в число городов, где разрешено создавать ведущие практические операции филиалы иностранных банков, наконец-то был включен Пекин. Разрешено создавать совместные предприятия в сфере внешней торговли (на первом этапе - в Шэньчжэне и Пудуне) и на базе госхозов в сельском хозяйстве. В то же время явно обострилась проблема защиты отечественного производства перед лицом усилившейся конкуренции со стороны иностранных производителей. Поднимается вопрос о существенной отраслевой переориентации привлекаемого иностранного капитала.

На фоне крайне вялого 1995 г. заметно оживился рынок акций. Сводный индекс котировки акций на бирже ценных бумаг в Шанхае, составлявший 500 пунктов в январе-феврале, вырос до 700 в середине года и превысил отметку в 900 пунктов в октябре-ноябре. Индекс котировки акций на бирже ценных бумаг в Шэньчжэне, находившийся в начале года на отметке ниже 1000 пунктов, в июле превысил 2000 пунктов, а в октябре-ноябре вырос до 3500 пунктов. При этом в отличие от предыдущих лет объем операций на Шэньчжэньской бирже в 1996 г. был, как правило, в 2-3 раза больше, чем объем сделок в Шанхае. В целом за 9 месяцев объем операций с акциями на двух биржах ценных бумаг превысил 970 млрд. юаней и был в 2,4 раза выше, чем за весь 1995 г.

В то же время последние месяцы 1996 г. были отмечены резким нарастанием спекулятивных тенденций на рынке акций в Китае. Сводный индекс котировки акций в Шанхае в первой декаде декабря превысил 1200 пунктов, а в Шэньчжэне - 4000 пунктов, достигнув пиковых значений 9 декабря (1247 в Шанхае и 4501 в Шэньчжэне). При этом объемы сделок с акциями за день достигли рекордных величин: 19 млрд. юаней в Шанхае и 17 млрд. юаней в Шэньчжэне (в сумме вдвое выше максимального объема сделок на бирже в Гонконге). Ажиотажный спрос на акции подогревался прогнозами с скором повышении сводного индекса котировки акций до 1800 пунктов на Шанхайской и 6000 пунктов на Шэньчжэньской бирже. Китайское руководство оценило ситуацию как чреватую биржевым крахом с крайне тяжелыми для всей экономики последствиями и ввело 15 декабря 10-процентное ограничение максимального изменения стоимости акций в течение торгового дня, одновременно начав широкую разъяснительную работу среди населения о наличии фактора риска при операциях с акциями. Это позволило сбить волну ажиотажного спроса на акции - сводный индекс котировки упал 24 декабря до 865 в Шанхае и 2916 в Шэньчжэне, а объем торгов снизился до, соответственно, 2,9 и 4,8 млрд. юаней.

Тем самым было еще раз продемонстрировано, что китайское руководство не отказывается от методов прямого административного вмешательства в функционирование экономики в критических ситуациях.

Впрочем, декларированное в партийно-правительственных документах перенесение центра тяжести макроэкономического регулирования на рычаги рыночного типа в целом достаточно успешно реализовывалось на практике. В качестве примера можно назвать двукратное снижение в течение года базовых ставок Народного банка Китая по кредитам и депозитам (явившееся одним из серьезных факторов повышения спроса на акции). С 1 мая средневзвешенная учетная ставка по депозитам была снижена на 0,98 процентных пункта, а с 23 августа - еще на 1,5 процентных пункта. Ставки по кредитам были снижены, соответственно, на 0,75 и 1,25 процентных пункта. (В результате ставка по годовым депозитам снизилась с 10,98 до 7,74%, а по годовым кредитам с 12,06 до 10,08%).

Эта мера свидетельствует об известной корректировке экономической политики в Китае в целом и прежде всего о переходе руководства страны к некоторому стимулированию экономического роста в отличие от его сдерживания на предыдущем этапе. Данная корректировка была официально провозглашена на ряде экономических совещаний в конце 1996 г. Прирост ВВП в 1997 г. должен составить, по прогнозу ученых Академии общественных наук Китая, 10,3%, в том числе во II подразделении общественного производства 13,4% против 12,3 в 1996 г., предполагается больший прирост инвестиций. Объем внешней торговли прогнозируется в 321 млрд. долл. (156 млрд. долл. - импорт и 165 - экспорт). Вместе с тем официально сохраняется линия на сдерживание инфляции. Рост цен на 1997 г. прогнозируется в 6,7%, в том числе 7,9% в потребительском секторе и 5,8 - в инвестиционном секторе экономики.

Некоторое смягчение кредитно-денежной политики призвано в первую очередь помочь хотя бы отчасти смягчить крайне тяжелое финансовое положение государственного сектора промышленности. А здесь проблемы в последние годы нарастали как снежный ком, ведь "мягкая посадка" экономики обернулась, по образному выражению китайских хозяйственников, "тяжелым каменистым дном" для многих государственных предприятий.

На середину 1996 г. взаимная задолженность предприятий достигла 860 млрд. юаней, а общая задолженность государственных предприятий кредитно-денежным институтам - 3,36 трлн. юаней, превысив величину индивидуальных сбережений населения страны. Соотношение между пассивами и активами госпредприятий (то есть фактически их задолженность кредитно-денежным институтам) достигло 85% по сравнению с 20 в начале 80-х годов. Первоочередная цель намеченных мер - снизить бремя предприятий по выплате процентов за кредиты, дошедших до суммарной величины 100 млрд. юаней в год, позволить им активнее привлекать кредитные средства для расщипывания взаимной задолженности.

Ситуация в госсекторе промышленности усугублялась тем обстоятельством, что по итогам работы за первый квартал 1996 г. впервые в истории КНР убытки здесь превысили прибыль. За первые семь месяцев 1996 г. прибыль 380 тысяч хозрасчетных промышленных предприятий всех форм собственности составила 55 млрд. юаней - на 36% меньше, чем за соответствующий период 1995 г., а убытки выросли на 48% и достигли 84,5 млрд. юаней. При этом на государственных предприятиях превышение убытков над прибылью было еще более значительным, в результате чего задержки заработной платы затронули 18 млн. человек.

Ухудшение финансового положения государственных промышленных предприятий свидетельствует о безотлагательности их реформирования, то есть решения, возможно, наиболее тяжелой и крупномасштабной проблемы, стоящей перед экономикой Китая сегодня. Неоднократные неудачные попытки реформирования госсектора породили у одних сомнения в успехе проводимых в стране реформ в целом и убеждение в неизбежности перехода в конечном счете к приватизации госпредприятий - у других (раздаются даже предложения - позволить госсектору, дающему сегодня 30% промышленной продукции, "спокойно умереть" - и тем самым радикально решить проблему).

В ответ на подобные настроения руководство страны предприняло в 1996 г. ряд шагов по более активному поиску путей реформы госпредприятий, сделав ставку на отработку методов сокращения их задолженности (трансформация долгов в государственные инвестиции, перевод предприятий в акционерные общества с продажей части акций, объявление банкротства как способ остановить рост задолженности, льготы предприятиям, сократив-

шим пропорцию пассивы-активы до приемлемого уровня), сокращение числа занятых на предприятиях, апробацию различных вариантов "оптимизации структуры имущества" и т.п.

В то же время в Китае углубляется понимание того обстоятельства, что перевод госпредприятий на рыночный режим функционирования требует проведения комплекса сопряженных реформ, прежде всего социального обеспечения и управления государственным имуществом. Так, согласно опросу, наибольшие трудности в деле создания "системы современных предприятий" (так официально характеризуется в Китае целевая модель реформирования госсектора) составляют "нечеткость имущественных прав" (36% опрошенных предпринимателей и 41% опрошенных чиновников) и "отсутствие адекватной системы социального обеспечения" (18% предпринимателей и 22% чиновников). В 1996 г. в Китае намечен ряд новых шагов по реформе медицинского и пенсионного обеспечения в направлении увеличения доли выплат самим работникам на медицинское и пенсионное обслуживание (с 3 до 8% от фонда заработной платы при сокращении доли предприятий с 8 до 3%). Однако принцип постепенности, градуализма, ставший своеобразной визитной карточкой экономической реформы в Китае, сохранен и здесь.

Судя по всему, реформа государственных предприятий и призванные содействовать ее успеху совершенствование вторичного рынка акций, создание адекватной принципам рыночной экономики системы социального обеспечения будут занимать приоритетное место среди мероприятий экономической реформы в Китае как в 1997 г., так и в течение ряда последующих лет.

Комплексный характер и высокая социальная цена предстоящих преобразований заставляют предположить, что реформа рыночного типа в Китае подошла к своего рода критическому рубежу: от конечного успеха или неудачи предлагаемого варианта трансформации государственного сектора экономики и системы социального обеспечения может непосредственным образом зависеть общий успех или неудача реализуемой в Китае модели "социалистической рыночной экономики". (Неудачей, на наш взгляд, был бы не только возврат к экономике командного типа - он фактически уже невозможен, - но и отказ от попыток соединить социализм с рыночной экономикой, вольный или невольный поворот к открытой "капитализации" процесса перехода к рынку.)

Стратегическое долгосрочное измерение имеют и многие другие стоящие перед экономикой Китая проблемы.

Право претендовать на статус события года в экономической жизни страны имеет публикация 25 октября 1996 г. материала канцелярии информации Госсовета КНР "Продовольственный вопрос в Китае". Эта своего рода "белая книга о продовольствии" призвана доказать несостоятельность мрачных пророчеств о неспособности Китая прокормить себя в следующем веке. Как декларирует документ, комплекс мер по реформе системы обращения сельхозпродукции и подъему производительных сил деревни должен позволить Китаю произвести в 2030 г. необходимые для пропитания 1,6 млрд. человек 640 млн. тонн зерна.

Сельское хозяйство значится среди экономических приоритетов, заявленных китайским руководством на 1997 г. Представляется, что данную декларацию следует воспринимать с известными оговорками. Аграрный сектор получил довольно крупный ценовой выигрыш в предыдущие годы, и поэтому на серьезную финансовую поддержку государства в ближайшее время может рассчитывать лишь ирригационное строительство. Китайское руководство не форсирует новый виток реформ в деревне, полагаясь на возможное рассасывание части проблем за счет естественного действия фактора рынка

(оптимизация районирования сельхозкультур, ускорение развития несельскохозяйственного сектора деревни во внутренних районах) и в то же время начав исподволь готовить почву для вероятной активизации процесса преобразований в последующие годы. В частности, заслуживают внимания проведение выборов в низовые органы власти в деревне, принятие Закона о волостных и поселковых предприятиях, эксперименты с паевой кооперативной формой хозяйствования на селе, решение о проведении начиная с 1997 г. первого всекитайского обследования сельского хозяйства.

Значительно возросло внимание научных, деловых и политических кругов Китая к проблеме совершенствования структуры экономики страны. Как представляется, данная тенденция объясняется не просто необходимостью более "тонкой настройки" структурной политики, призванной создать благоприятную макроэкономическую среду для реформирования госсектора, но и вполне очевидными признаками того, что прежняя стратегия экономического развития, в значительной мере базировавшаяся на форсированном росте производства и экспорта трудоемкой продукции (текстиль, обувь, широкий спектр бытовой техники длительного пользования), начинает выдыхаться. Похоже, что попытка плавного перемещения центра тяжести индустриального развития на новую группу ведущих отраслей - машиностроение, электронику, автомобилестроение, нефтехимию, строительство - пока реализуется хуже, чем планировалось. Не исключено, что Китай может в ближайшие годы заметно скорректировать набор приоритетных отраслей.

На наш взгляд, главными претендентами на особое внимание являются такие высокотехнологичные отрасли, как информатика и телекоммуникации, а также такая традиционная отрасль, как черная металлургия - в 1996 г. Китай вышел на первое место в мире по выплавке стали.

Необходимость быстрой и жесткой структурной перестройки диктуется и мировой экономической ситуацией. С аналогичным вызовом сегодня сталкиваются все страны Восточной Азии, и Китаю необходимо не просто вписаться в доминирующие тенденции экономического развития региона, но и обеспечить сохранение своих позиций на мировых рынках в условиях явно ужесточающейся конкуренции со стороны стран-соседей.

Есть основания полагать, что вызов экономики нового типа, где будут доминировать информационные технологии, грозит Китаю серьезной утратой его сравнительных преимуществ, и может существенно замедлить выход страны на ведущие роли в мировой экономике.

Не надо забывать, что модернизация КНР все еще носит анклавный, очаговый характер. В стране сохраняется весьма высокая доля бедного населения. Причем, если принять за уровень бедности показатель в 1 доллар потребления на человека в день вместо принятого в Китае национального стандарта, эквивалентного 60 центам, то доля бедных в стране возрастет с официальных 9% до примерно четверти населения.

Подавляющее большинство бедного населения сосредоточено в центральных и западных районах Китая, разрыв которых в уровне развития от благополучного приморья становится уже не только экономической, но и политической проблемой, активно обсуждаемой в стране. Одним из важных практических шагов по подъему западных районов может стать придание статуса города центрального подчинения Чунцину (ныне этот статус имеют Пекин, Шанхай, Тяньцзинь), во всяком случае, такая информация широко растиражирована мировой печатью.

Разумеется, даже самая решительная корректировка региональной политики административными методами не гарантирует успеха в сокращении отставания центральных районов страны от восточных провинций Китая, тем

более скорого - ведь нарастание в 90-е годы этого исторически сформировавшегося разрыва было объективно обусловлено действием такого мощнейшего фактора, как ускорение перехода Китая к рыночным принципам хозяйствования. Да и в перспективе приоритетные для Китая задачи превращения Шанхая в один из ведущих экономических и финансовых центров Восточной Азии, решение проблемы "абсорбции" возвращающегося в состав КНР Гонконга объективно требуют крупной государственной финансовой поддержки, что сокращает объем ресурсов, которые могут быть направлены во внутренние районы страны.

Противоречивый и подчас весьма болезненный для общества характер действия законов рынка иллюстрирует и ситуация, сложившаяся в Китае в жилищной сфере. Активное внедрение принципа платности жилья привело к росту средних цен на "товарное жилье" в стране с 703 юаней за кв. метр в 1990 г. до 1282 юаней в 1993 г. и 1585 юаней в 1995 г., а в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу - до 7-10 тыс. юаней. В результате стоимость квартиры в 40-60 кв. метров составляет ныне около 10 годовых доходов среднестатистического китайца-горожанина, тогда как нормой в мировой практике считается уровень от 3 до 6 годовых доходов. На конец 1995 г. оставалось незаселенным около 40 млн. кв. метров "товарного жилья" в городах, и одновременно обеспеченность жильем 4 млн. семей составляла менее 4 кв. метров на человека.

Китайское руководство, похоже, на практике убедилось, что форсированный поворот экономики к рынку, решая одни проблемы, порождает другие, на естественное рассасывание которых за счет свободной игры одних только рыночных сил рассчитывать не приходится. Стремление не то чтобы придержать рыночную экономику "за фалды", но более жестко направить ее в общий контекст общественного развития, остающегося официально социалистическим, отчетливо прослеживается в Решении 6-го пленума ЦК КПК 14-го созыва "О некоторых важных вопросах усиления строительства социалистической духовной культуры".

На наш взгляд, в ближайшей перспективе можно ожидать известного усиления влияния неэкономических факторов на экономическое развитие страны. Здесь весьма весомый "вектор влияния" создают смерть Дэн Сяопина (о которой стало известно в период доработки данного материала), присущий Цзян Цзэминю декларативный акцент на социалистическом характере общественного развития Китая, на равновеликости цели строительства социалистической духовной культуры с целями экономического роста, предстоящее в 1997 г. проведение XV съезда КПК, явное политическое укрепление "шанхайской группировки" в высшем эшелоне власти.

Такова в общих чертах сегодняшняя экономическая ситуация в Китае. Она не столь хороша, какой иногда представляется российским приверженцам "китайского пути реформ", но и не столь мрачна, чтобы предрекать неизбежность социально-политической дестабилизации в стране.

В ближайшие годы Китаю предстоит решать множество сложных, нередко противоречивых экономических задач, искать ответы не только на старые, но и на новые проблемы, во многом отличные от стоявших перед ним на предыдущем этапе политики реформ и открытости. Это, на наш взгляд, придает особое значение постоянному скрупулезному отслеживанию экономической жизни Китая.

О некоторых тенденциях развития китайской экономической мысли

© 1997

О.Борох

Глубокие изменения, которые произошли в экономической науке КНР за последние полтора десятилетия, неразрывно связаны с ходом реформы. Анализ научных дискуссий конца 70-х - начала 90-х годов позволяет выделить три основных этапа развития китайской экономической мысли.

Первый этап (конец 70-х - начало 80-х годов) был связан с пересмотром теоретических представлений, господствовавших в китайской экономической науке в дореформенный период. На данном этапе основная часть китайских экономистов вела исследования в рамках марксистской концептуальной схемы, которую ученые стремились усовершенствовать и дополнить с учетом изменившейся экономической ситуации.

На втором этапе (середина 80-х - начало 90-х годов) под влиянием практики реформы и знакомства с зарубежной экономической мыслью ученые КНР предприняли попытку выйти за пределы устоявшихся теоретических представлений и обратились к поиску новой методологии экономической науки.

Начало третьего этапа пришлось на середину 90-х годов. Его содержание определялось прежде всего сравнением китайского опыта с уроками рыночного реформирования в восточноевропейских странах и России. В результате этого сопоставления ученые КНР стали воспринимать "бескризисную" китайскую модель рыночной трансформации как источник формирования новой теоретической концепции, значимой и для других стран с переходной экономикой. Главное внимание они уделяли изучению накопленного страной опыта для создания собственной теории, опираясь на усвоенные достижения западной экономической мысли.

Необходимо отметить, что предложенная периодизация весьма условна. Во-первых, уже в 80-е годы некоторые молодые китайские экономисты, получившие образование на Западе, отстаивали тезис о том, что прежняя экономическая теория "устарела" и не может адекватно описать новую реальность¹. Во-вторых, до настоящего времени господствующей методологией официальной экономической науки КНР остается марксизм, а авторы многих публикаций в центральной китайской прессе (в особенности представители старшего поколения экономистов) по-прежнему придерживаются в своих исследованиях марксистской схемы. Однако если в 80-е годы концепции, разработанные молодыми китайскими учеными с учетом достижений мировой экономической теории, не вызвали должного интереса в научных кругах КНР, то в последние годы новые методологические подходы получают в Китае все большее распространение. На наш взгляд, при всей схематичности, выделение трех этапов в развитии китайской экономической теории дает возможность

выявить общее направление движения китайской экономической мысли и главные тенденции ее эволюции.

Уже на начальном этапе экономической реформы в работах ведущих китайских ученых стала проводиться мысль об ограниченности утвердившихся в научных кругах КНР теоретических концепций и их несоответствии задачам познания действительности. В условиях "кризиса науки", когда экономическая теория оказалась неспособной объяснить новые явления хозяйственной практики, ученые КНР начали пересмотр прежних теоретических представлений.

Главное внимание исследователи уделили критике так называемой "советской политэкономической концепции", которая в 50-е - 70-е годы оказывала серьезное воздействие на формирование китайской экономической теории. После того как китайские исследователи стали широко использовать понятие "парадигма", введенное американским историком науки Т.Куном², процессы, происходившие в китайской экономической теории в 80-е годы, стали характеризоваться некоторыми учеными КНР как критика "советской парадигмы"³. Признавая, что прежней "политической экономии социализма" свойственны серьезные недостатки и что она неспособна описать свой объект в новом состоянии, ученые КНР предлагали различные пути пересмотра устоявшихся теоретических представлений.

Сторонники первого подхода акцентировали внимание на несоответствии "советской парадигмы" "первоначальному смыслу" высказываний классиков марксизма и подчеркивали, что "политическая экономия социализма" включает в себя многие ошибочные утверждения, сформулированные под влиянием работ И.В.Сталина, а также советского учебника политической экономии. Они предлагали "вернуться к Марксу", восстановить подлинное содержание его концепции, освободить экономическую теорию марксизма от более поздних заимствований из так называемого "советского издания политэкономии"⁴.

Представители второго подхода видели главный недостаток "советской парадигмы" в том, что она отличалась догматизмом и закостенелостью и потому была бессильна в объяснении быстро меняющейся реальности. Они выступали за обновление экономической теории, ее дополнение с учетом ситуации, сложившейся в народном хозяйстве страны, считали, что экономическая наука должна быть тесно связана с хозяйственной практикой и предлагали сосредоточить усилия на исследовании конкретных проблем реформы.

Несмотря на то, что китайские ученые по-разному характеризовали недостаток прежней "политической экономии социализма" и выдвигали неодинаковые предложения по ее перестройке, их работам была свойственна общая черта: критические замечания в адрес господствовавшей в КНР теоретической парадигмы сочетались с утверждением, что она в основном соответствует условиям Китая, хотя и нуждается в серьезных дополнениях и корректировке. Концептуальные основания китайской экономической науки не подвергались сомнению; считалось, что магистральное направление ее развития должно оставаться прежним. Большинство китайских экономистов, как и раньше, пользовалось в своих исследованиях марксистской методологией. Вопросы о необходимости "научной революции" и "смены господствующей парадигмы" на этом этапе поставлены не были⁵.

По мере углубления реформы и накопления практического опыта преобразований число задач, не разрешимых в рамках и средствами прежней экономической теории, увеличивалось. Китайская экономическая наука должна была осмыслить предварительные итоги реформирования административно-командной системы, дать теоретическое истолкование все большему количеству новых фактов и явлений, способствовать разработке реалистической политики государства на перспективу.

Радикальные изменения экономической ситуации явились важнейшей причиной возросшего интереса китайских ученых к проблеме выбора теоретической концепции для исследования. Поворот к этой теме объяснялся и глубокими переменами, которые произошли в годы реформы в китайской экономической науке в результате знакомства ученых КНР с достижениями зарубежной экономической мысли.

В конце 70-х - начале 80-х годов благодаря переводам на китайский язык трудов представителей различных направлений и школ зарубежной экономической мысли в сравнительно короткие сроки был преодолен отрыв китайской экономической науки от мировой и ликвидирован пробел в освоении учеными КНР западной экономической теории. Публиковавшиеся в это время работы показали, что многие китайские исследователи, в особенности ученые молодого поколения, составили достаточно полное представление об отличных от марксистской экономической теории исследовательских программах, к которым они стали активно обращаться в поисках ответов на новые вопросы, поставленные реформой.

За весьма краткий период в Китае получили известность различные не-марксистские экономические теории - кейнсианство, неоклассицизм, институционализм. Все они оказали существенное влияние на развитие современной китайской экономической мысли, причем, как представляется, на каждом конкретном этапе реформы особой популярностью пользовалась одна из этих теорий.

В конце 70-х - начале 80-х годов в центре внимания китайских ученых находилось кейнсианство. В условиях бюджетного дефицита и нарастающих инфляционных тенденций в научных кругах КНР активно обсуждался вопрос о возможности использования кейнсианской теории для анализа экономической ситуации в стране. Китайские исследователи считали заслугой Дж.М.Кейнса поворот к макроэкономическому анализу, проявляли повышенный интерес к идеям ученого об особой роли государства в регулировании экономических процессов.

С середины 80-х годов ученые КНР стали широко использовать в своих построениях положения неоклассической экономической теории. Этой переориентации способствовал, на наш взгляд, все более четко обозначившийся в КНР курс на рыночные реформы. Поскольку господствовавшая в КНР теория не позволяла описать происходившие в КНР процессы рыночной трансформации, китайские ученые обратились к идеям неоклассической школы - главного направления (mainstream) современной экономической науки. Как показывает изучение китайских материалов, неоклассическая парадигма сыграла важную роль в формировании теоретических воззрений нового поколения китайских экономистов, которые активно применяют инструменты неоклассического анализа для решения конкретных проблем реформы. В конце 80-х годов китайские ученые и политики проявили повышенный интерес к монетаризму. Об этом, в частности, свидетельствует приглашение в КНР лидера монетаристской школы М.Фридмена и его встречи с высшим руководством страны⁴.

Уже на ранних этапах изучения неоклассической экономической теории китайские исследователи стали выступать с критикой ее отдельных положений. Главное направление критики было связано с анализом методологических и поведенческих предпосылок, лежащих в основе неоклассической теории, которые, по мнению китайских авторов, не соответствовали реальной ситуации в экономике КНР. Обращалось внимание на тот факт, что использование неоклассического подхода предполагает высокий уровень монетаризации экономики и рациональное поведение экономических агентов. Поскольку китайская экономика не была полностью монетаризированной системой, а поведение индивидов не могло быть описано с помощью модели простого рационального поведения, направленного на максимизацию полезности, возможно-

сти применения в Китае неоклассических концепций представлялись некоторым ученым КНР ограниченными.

В 80-е годы основные линии критики неоклассической школы были лишь намечены. Замечания, высказанные китайскими учеными в адрес неоклассической теории в этот период, были дополнены и конкретизированы на более поздних этапах изучения в КНР зарубежной экономической мысли. Наибольшую остроту критика неоклассической школы приобрела в связи с освоением китайскими исследователями идей институционализма, который возник на Западе как альтернатива ортодоксальной экономической теории и подвергал сомнению ее основные методологические принципы. В 80-е годы институциональная проблематика еще не привлекала особого внимания китайских исследователей. Показательна в этом отношении монография Фань Гана "Сопоставление и синтез трех современных теоретических экономических систем", где анализировались кейнсианский, неоклассический и марксистский подходы, а институционализм не рассматривался в качестве самостоятельного направления западной экономической мысли⁷.

Интересно отметить, что воздействие неоклассической теории на формирование концепции реформы в Китае было меньше, чем в странах Восточной Европы. В отличие от России и восточноевропейских государств, реформы в которых были начаты по рецептам неоклассиков, китайские руководители не следовали при проведении экономических преобразований этой теоретической модели. Приступая к перестройке административно-командной системы, руководители восточноевропейских стран четко определяли целевую модель реформ и формулировали ее как "возврат в Европу" и переход к свободной рыночной экономике. В Китае ситуация складывалась иначе. Как подчеркивают сейчас ведущие китайские экономисты, среди высших лидеров страны сложилось единое мнение, что централизованная система нуждается в коренной перестройке, однако четкая целевая модель реформы на ее начальном этапе отсутствовала⁸. По образному выражению Ван Сяоцяна, "К нечаястью или к радости, не было "Европы", в которую Китай мог бы вернуться. Хотя с 1978 г. Китай и испытывал огромное влияние Запада в различных сферах, однако в процессе принятия практических решений ясная целевая модель реформы так и не была определена"⁹. Поскольку у китайского руководства отсутствовала единая точка зрения по вопросу о конечной цели преобразований и "было неизвестно, где находится другой берег реки"¹⁰, на практике был избран путь, получивший название "перехода через реку, нащупывая камни", при котором целевые модели реформы менялись. Если восточноевропейские страны стремились извлечь уроки из успешного опыта рыночного развития стран Западной Европы, то Китай имел перед собой эффективную, однако не вписывающуюся в рамки классических представлений о свободной рыночной экономике, модель экономического развития Японии, Южной Кореи и Тайваня. Учитывая положительный опыт азиатских государств, прежде всего новых индустриальных стран, руководство КНР стремилось найти свой собственный путь, который, по словам китайских авторов, "отличался бы от социализма, пропагандировавшегося в советских учебниках, от капитализма, описанного в американских учебниках, а также от так называемого "третьего пути", предлагавшегося ранее теоретиками из стран Восточной Европы, и был бы похож на пятнистую кошку-многоцветку"¹¹. Китайские реформы разворачивались без ориентации на копирование евроамериканской системы свободного рынка и постоянно корректировались с учетом практического опыта преобразований.

После того как Россия и восточноевропейские страны столкнулись с серьезными трудностями при реформировании своих экономик, критическое отношение китайских ученых к идеям неоклассической школы усилилось, в

работах отдельных авторов была поставлена под сомнение возможность их использования в качестве теоретической основы преобразований.

В результате углубленного изучения в конце 80-х - начале 90-х годов идей современного институционализма (прежде всего теории прав собственности Р.Коуза и теории институциональных изменений Д.Норта) китайские исследователи стали уделять все большее внимание сопоставлению исходных принципов неоклассики и нового институционализма. Сравнивая эти исследовательские программы, китайские экономисты стремились ответить на вопрос, насколько каждая из них пригодна для объяснения процессов, происходящих в переходной экономике вообще и в современной китайской экономике в частности. Другая тема, вызвавшая повышенный интерес ученых КНР, касалась совместимости неоклассического и институционального методологических подходов с прежней теоретической традицией (как классической китайской, так и марксистской).

По мнению китайских исследователей, в условиях трансформации экономических систем теория новой институциональной экономики приобретала особую аналитическую ценность, поскольку была в большей степени ориентирована на экономику переходного типа, чем неоклассическая концепция, основанная на описании моделей развитого рыночного хозяйства. Очевидное преимущество неинституциональной теории состояло в том, что она включала в рассмотрение больше проблем и потому была реалистичнее неоклассической концепции. Имело значение и то обстоятельство, что в ходе реформирования административно-командной системы задача институциональных преобразований выдвинулась на первый план, а институциональная теория могла предложить интересные подходы к ее решению.

Сравнивая исходные принципы неоклассической и институциональной школ с точки зрения их соответствия национальной теоретической традиции, ученые КНР обращали внимание на сравнительную легкость освоения китайской экономической мыслью институциональной теории, или, пользуясь словами самих китайских исследователей, на низкие "издержки проникновения" в Китай идей институционализма¹².

Легкость восприятия китайскими учеными теории новой институциональной экономики объяснялась, на наш взгляд, несколькими причинами.

Важнейшее отличие новой институциональной теории от неоклассической заключалось в различных представлениях о моделях индивидуального поведения и человеческой натуре в целом. Как известно, философской основой неоклассической теории является классический либерализм, исходная поведенческая предпосылка которого - принцип индивидуализма. Сторонники неоклассического направления предполагают, что человеческая личность действует независимо и самостоятельно, а психологические реакции людей однотипны. В неоклассической интерпретации человек представляется как рациональный максимизатор полезности, систематически сопоставляющий выгоды и издержки принимаемых решений.

В основе теории новой институциональной экономики лежит альтернативная неоклассической модель поведения человека. Сторонники этого направления критически относятся к выдвинутой неоклассиками идее индивидуальной рациональной деятельности и рационального выбора. В отличие от неоклассики теория новой институциональной экономики "описывает человеческую природу такой, как мы ее знаем, используя понятия ограниченной рациональности и оппортунизма" (О.Уильямсон)¹³. По определению О.Уильямсона, ограниченная рациональность поведения связана с несовершенством информации, а оппортунизм - с несовершенством самого человека, склонного к мошенничеству, воровству и обману. Такое понимание человеческой природы приводит сторонников современной институциональной теории к выводу об особой роли институтов (как офици-

альных, так и неофициальных), устанавливающих определенные правила поведения людей в обществе и создающих для него нормативные рамки.

По нашему мнению, разработанная современным институционализмом модель индивидуального поведения в большей степени, чем неоклассические представления о человеческой натуре, соответствовала китайской культурной традиции, в которой идеалы индивидуализма не занимали такого приоритетного положения, как на Западе. Выводы сторонников нового институционального направления о необходимости создания правил, регламентирующих индивидуальное поведение, также органично вписывались в контекст китайской общественной мысли, традиционно рассматривавшей поведение человека как управляемое извне и придававшей первостепенное значение нормам и правилам. Интересно отметить, что на сходство основных положений нового институционализма с идеями Конфуция и Мэн-цзы обратили внимание китайские исследователи. В статье И Сяньжуна, опубликованной в тайваньском журнале "Кун Мэн сюэбао", утверждалось, что экономическую теорию нового институционализма можно даже назвать "современной трансформацией институциональных идей раннециньских конфуцианцев"¹⁴.

Не выходил за рамки привычных стереотипов мышления и повышенный интерес институциональной школы к проблеме взаимодействия между людьми. Эта тема не получила необходимого освещения в трудах неоклассиков, акцентировавших внимание на автономности и равноправности экономических агентов¹⁵.

Китайских ученых привлекли не только представления современных институционалистов об особенностях индивидуального поведения, но и предложенная ими трактовка предмета экономической науки. Как известно, сторонники институционального направления выступали за интеграцию экономической теории и других общественных наук, таких, как социология, психология, антропология и юриспруденция¹⁶. Вера в преимущества междисциплинарного подхода была свойственна и китайской экономической теории, расширительно толковавшей задачи экономической науки и включавшей в ее предметное поле вопросы культуры, этики и права.

В отличие от неоклассической экономической теории, оставлявшей историю за пределами анализа, особенность институционализма заключалась в повышенном внимании к историческим аспектам исследования. Такой подход был характерен и для китайской экономической науки, которая широко использовала исторический материал и призывала к детальному изучению эмпирических данных. Не случайно, что и в более ранний период в Китае проявляли повышенный интерес к идеям предшественника германской исторической школы Ф.Листа, а также к взглядам представителей исторической школы¹⁷.

Одна из основных характеристик институционализма состояла в благожелательном отношении к государственному вмешательству. Этот тезис был легко воспринят китайской экономической наукой, которая также выступала за контроль государства над экономическими процессами.

Проникновению идей институционализма в китайскую экономическую мысль также способствовала близость институциональной парадигмы марксистской. Поскольку в ходе дискуссий современные китайские экономисты стремились критически развить ту теорию, внутри которой они находились, для освоения идей институционализма им требовались меньшие интеллектуальные усилия, чем для восприятия неоклассических концепций. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что интерес к институционализму возник в Китае под воздействием новых тенденций, наметившихся в последние годы в развитии экономической теории на Западе. Усиление позиций институционализма, возрождение моды на эту теорию и присуждение Нобелевских премий Р.Коузу, Дж.Бьюкенену и Д.Норту сделали ее особенно привлекательной для молодого поколения китайских исследователей (Линь Ифу,

Фань Ган, Шэн Хун и др.), стремящихся работать на уровне мировой экономической науки. В начале 90-х годов в китайской экономической мысли стало складываться целое научное направление, получившее название “школы сторонников изменения системы”¹⁸. Использование аппарата теории новой институциональной экономики не только давало ученым КНР возможность по-новому посмотреть на происходящие в стране процессы, но и позволяло “приблизить” китайскую экономическую науку к мировой.

Углубленное изучение в КНР различных систем экономической теории являлось важным фактором развития китайской экономической мысли в годы реформы. Вместе с тем главным стимулом для переосмысления китайскими учеными основ экономической теории стали результаты осуществления реформы на практике. В середине 90-х годов успехи, достигнутые Китаем в ходе преобразования централизованной системы, которые представлялись особенно очевидными на фоне трудностей, возникших при реформировании экономик России и стран Восточной Европы, заставили ученых КНР обратиться к сопоставлению исходных принципов, лежащих в основе двух различных моделей перехода к рынку - радикальной (Россия и страны Восточной Европы) и постепенной (Китай).

Сравнивая опыт рыночной трансформации в восточноевропейских странах и Китае, китайские исследователи искали ответ на вопрос, почему реформа в странах Восточной Европы, следовавшая четкой теоретической схеме, развивалась с огромными трудностями, а китайская, не имевшая заранее определенной целевой модели, в целом проходила весьма успешно. Другая проблема касалась возможности использования не оправдавшей возлагавшихся на нее надежд либерально-рыночной концепции для оценки экономической ситуации в Китае и других бывших социалистических странах.

Анализируя предварительные итоги преобразований в КНР и странах Восточной Европы, гонконгские ученые Хэ Гаочао и Ло Цзиньпи писали: “Потрясающие успехи китайской реформы привели к глубокому кризису теории: китайская реформа, проводимая по принципу “перехода через реку, нащупывая камни”, так непоследовательна, ей так не хватает размаха, присущего “большому взрыву” или “шоковой терапии”, многие специфически китайские методы преобразований и создаваемые в ходе реформы институты так далеки от предусмотренных моделью свободной рыночной экономики, основанной на частной собственности, а ведь именно эту описанную в учебниках модель многие считали единственным приемлемым способом преобразования социалистической плановой экономики. В условиях, когда бывший Советский Союз и страны Восточной Европы, начавшие реформу в соответствии с этой моделью и избравшие рецепты “большого взрыва” или “шоковой терапии”, потерпели поражение, а “ни на что не похожая” китайская реформа полна жизненной силы, люди не могут не посмотреть в лицо фактам и не задуматься, что же в конечном счете оказалось ошибочным: китайская реформа, проводимая не по правилам, или же принятая за образец модель свободной экономики?”¹⁹.

Со сходных позиций характеризовал существо проблемы и профессор факультета политологии Массачусетского технологического института Цуй Чжиюань. Его статья “Вызов китайской практики неоклассической политической экономии” начиналась с высказывания, принадлежащего известным специалистам по современной японской экономике Ч.Джонсону, Л.Тайсон и Дж.Зисману: “Если подходить с точки зрения традиционного экономического анализа, то Япония смогла стать крупнейшей мировой индустриальной державой только потому, что многое делалось неправильно. Однако на самом деле значительные успехи Японии свидетельствовали о неправильности традиционных представлений об экономическом развитии и движущих силах международной торговли”²⁰. Как считал Цуй Чжиюань, в Китае сложилась аналогичная ситуация: в ходе реформы были достигнуты заметные результаты,

хотя многие ее мероприятия не соответствовали рекомендациям господствующей экономической теории. Поэтому ученому представлялась вполне правомерной следующая постановка вопроса: "Если Япония смогла добиться успехов, так как действовала неправильно, то почему же этого не может сделать Китай?"²¹.

Сопоставляя предварительные итоги реформ в Китае и странах Восточной Европы, китайские ученые делали акцент на образовавшемся разрыве между теорией и практикой: в ходе преобразований в восточноевропейских странах, проводившихся по рецептам "правильной" теории, возникли кризисные явления, а "избравшая ложный путь" китайская реформа достигла позитивных результатов²². Из обнаружившегося несоответствия следовало прежде всего то, что происходящие в Китае процессы не вписывались в рамки господствующей экономической теории и не могли быть объяснены с ее помощью. Как подчеркивали китайские авторы, "догмы свободной рыночной экономики" сковывали исследователей и делали их "бессильными перед сложной и быстро меняющейся действительностью"²³. В условиях, когда многие положения доктрины свободного рынка оказались непригодными для анализа китайских реалий, на первый план в исследованиях ученых КНР вновь выдвинулась задача пересмотра основ экономической теории. Подобно тому, как в начальный период реформы китайская экономическая мысль стремилась переосмыслить марксистскую политэкономическую концепцию, в 90-е годы некоторые ученые КНР обратились к пересмотру ряда ключевых принципов неоклассической теории. Например, ссылаясь на опыт реформы цен и преобразования отношений собственности в Китае, они доказывали ограниченность таких предложений неоклассиков, как быстрая либерализация цен ("getting prices right") и приватизация ("getting property rights right")²⁴. В результате сопоставления конкретных шагов китайской реформы с рекомендациями неоклассиков было признано, что китайская практика, поставившая под сомнение многие исходные посыпки неоклассической школы, представляет собой серьезный "вызов" этой теории²⁵. Хэ Гаочао и Ло Цзиньпи писали: "Если теория не может объяснить практики, значит, настало время "вызова" стандартным теоретическим представлениям и их революционного переосмысления. Выйдя за рамки догм, мы сможем не только надлежащим образом объяснить победы и поражения китайской реформы, но и глубоко разобраться в сложной практике китайских преобразований, создать на этой основе новую теорию и открыть новые возможности для экономического развития в будущем"²⁶.

В отличие от периода второй половины 80-х годов, когда китайские ученые в поисках ответов на вызовы практики обращались к западным теориям, альтернативным основному направлению современной экономической науки, в 90-е годы они стали подчеркивать важность всестороннего изучения китайского опыта реформы и разработки на этой основе собственной теоретической концепции. Если на ранних этапах реформы в работах ученых КНР утверждалось, что экономические преобразования в Китае осуществлялись методом "проб и ошибок", и у руководства страны не было заранее разработанной программы мероприятий, в рассматриваемый период все большее число китайских экономистов стало склоняться к мнению, что реформа в КНР следовала собственной логике и проводилась в соответствии с собственной теоретической схемой, принципиально отличавшейся от рекомендаций неоклассиков. Этой точки зрения придерживался, в частности, Шэн Хун - один из ведущих китайских исследователей теоретических проблем переходной экономики. В статье "Изучение переходных процессов в ходе рыночных реформ в КНР" Шэн Хун писал: "Среди стран, в которых раньше господствовала плановая экономика, рыночные реформы в Китае, возможно, наиболее успешны. Однако эти успешные реформы проводились отнюдь не в соответствии с рекомендациями ортодоксальной экономической теории. Можно даже

сказать, что именно те реформы, которые оказались не слишком успешными, проводились в соответствии с проектами, разработанными в рамках ортодоксальной экономической теории. Уже сам этот факт представляет собой вызов ортодоксальной экономической теории. Есть ли в ортодоксальной экономической теории пробелы, которые могут быть восполнены с помощью китайского опыта? Или, может быть, за успешными реформами в Китае стоит некая иная экономическая теория, отличная от ортодоксальной экономической теории Запада? Если - да, то - какова она?"²⁷.

Необходимо отметить, что на присущую китайской экономической реформе внутреннюю логику обращали внимание и некоторые западные исследователи современного Китая. Интересен факт, приводимый Цуй Чжиюанем в уже упоминавшейся статье "Вызов китайской практики неоклассической политической экономии". По его информации, американская исследовательница китайской экономики профессор С.Ширк предполагала назвать свою последнюю крупную работу о Китае "Политический провал экономической реформы в Китае". Однако после посещения бывшего Советского Союза она пришла к выводу, что по сравнению с преобразованиями в бывшем СССР китайская реформа была крайне успешной, и приняла решение изменить название книги, озаглавив ее "Политическая логика экономической реформы в Китае"²⁸. В работах западных ученых также нашла отражение мысль о противоречии между китайской практикой и преобладающим в настоящее время направлением экономического анализа. Так, например, в заключении своей книги "Вырастающая из плана: китайская экономическая реформа 1978-1993" авторитетный американский исследователь Б.Нотон ставил вопрос о том, "не представляет ли Китай... вызова господствующей экономической теории?"²⁹.

Относительно того, в чем состояла логика проводимых в Китае преобразований и какой концептуальной схеме следовала реформа, в КНР высказывались различные мнения. На наш взгляд, особый интерес представляет точка зрения директора Китайского центра экономических исследований при Пекинском университете Линь Ифу (Justin Yifu Lin) - известного китайского экономиста, который получил докторскую степень в США и чьи труды высоко оценивались лауреатом Нобелевской премии Т.Шульцем. По мнению Линь Ифу, для описания китайского пути перехода к рынку может быть использована теория "индуцированного институционального обновления" ("induced institutional innovation" - "ючжисин чжиду чуансинь"), разработанная в трудах Д.Норта и дополненная самим Линь Ифу³⁰.

С середины 90-х годов в работах китайских авторов стала все более четко формулироваться мысль о том, что успехи Китая в экономическом развитии должны привести к подъему китайской экономической науки и к укреплению ее позиций на мировой арене.

Характеризуя основные вехи развития мировой экономической мысли, Линь Ифу писал, что экономическая наука зародилась в конце XVIII века в Англии, которая со времени промышленной революции до начала 30-х годов XX века была наиболее развитой в экономическом отношении державой. Все известные экономисты в этот период также были англичанами или же работали в Англии, поскольку именно они находились в наиболее благоприятных условиях ("В тереме, находящемся близ воды, раньше виден месяц")³¹. В 30-е годы XX века центром мирового экономического развития стали США, куда постепенно переместились основные научно-исследовательские организации и переехали наиболее видные ученые-экономисты. В последнее время мир стал свидетелем "китайского чуда": Китаем достигнуты заметные успехи в реформировании централизованной системы, на протяжении всего периода преобразований сохраняются высокие темпы роста экономики, четко прослеживается тенденция к усилению экономической мощи страны. По мнению многих

аналитиков, уже в 30-е годы XXI века Китай сможет претендовать на роль экономической державы номер один, что приведет к усилению его влияния на ход мирового экономического развития. В этих условиях закономерно возрастает интерес мировой научной общественности к китайской проблематике, в особенности к опыту экономических реформ³². Как подчеркивают ученые КНР, "китайское чудо" заключается не только в ускорении экономического развития страны, особенно пяти приморских провинций (Шаньдуна, Цзянсу, Чжэцзяна, Фуцзяни и Гуандуна), которые достигли сопоставимых с "четырьмя маленькими драконами Азии" темпов экономического роста, а по населению и площади превышали эти государства соответственно в 4 и в 5 раз³³. Опыт Китая представляется уникальным еще и потому, что "впервые в истории человечества развитие цивилизации шло сначала от расцвета к упадку, а затем - от упадка к расцвету"³⁴. По мнению Линь Ифу, новые тенденции, связанные с превращением Китая в одну из ведущих экономических держав мира, выдвигают китайских ученых на передний край экономических исследований и создают благоприятные возможности для того, чтобы "следующий век стал веком китайских экономистов"³⁵.

В новых условиях перед учеными-экономистами были поставлены три задачи, которые кратко формулируются как "китаизация" ("бэньтухуа", дословно - "отуземливание"), "стандартизация" и "интернационализация"³⁶.

С точки зрения ученых КНР, первым шагом в обновлении экономической теории должно было стать глубокое понимание реальных процессов, происходящих в китайской экономике. Анализируя, почему современная китайская экономическая наука не дала авторитетных ученых, способных оказать влияние на развитие мировой экономической мысли, Линь Ифу отмечает, что многие китайские экономисты, получив за рубежом образование и степень, оставались в западных университетах на преподавательской работе, в результате чего их "жизненный опыт был ограничен рамками кампусов", они "любовались цветами в тумане" и не могли проникнуть в суть реальных явлений³⁷. Хотя они хорошо овладели математическим инструментарием и добились серьезных успехов в составлении формализованных моделей, их исследования были оторваны от китайской действительности. В условиях, когда повысился статус КНР на международной арене и возросло значение китайского опыта экономического развития для других стран, китайские исследователи получили "естественные сравнительные преимущества", став непосредственными свидетелями происходящих в Китае изменений³⁸. Поскольку ход китайской реформы вызывает повышенный интерес на Западе, "китаизация" объекта исследования, то есть сосредоточение усилий на теоретическом осмыслении собственного опыта, рассматривается учеными КНР как важная мера, позволяющая привлечь внимание международной научной общественности к китайской экономической науке. Обращение к китайской проблематике должно было также способствовать разработке новых теорий, примененных к исследованию экономики страны. В связи с тем, что господствующее направление западной теоретической мысли построено на основе ряда допущений, сформулированных в условиях стран с развитой рыночной экономикой, а китайская реальность расходится с этими условиями, ученые КНР предлагали внимательно проанализировать факторы, от которых абстрагировалась западная экономическая теория, и уяснить, какие из этих переменных были важны для Китая, а какие нет. По мнению китайских экономистов, западная теория имеет для КНР практическое значение только в том случае, если ее исходные предпосылки соответствуют особенностям китайской ситуации. Аналитические возможности западной теории, особенно ее основного течения, представлялись ученым КНР ограниченными также и потому, что проблема перехода от командной экономики к рыночной была сравнительно новой и

еще не получила на Западе соответствующей разработки. Так как зрелая теория переходной экономики отсутствовала, на первый план в исследованиях китайских ученых выдвинулась задача ее создания. Они обращали внимание на сложность этой задачи и предлагали сосредоточить усилия на обобщении и упорядочении эмпирического материала, построении на этой основе абстрактных моделей и сопоставлении полученных теоретических выводов с реальными экономическими фактами³⁹.

Как подчеркивали ученые КНР, для того чтобы достижения китайской экономической науки были восприняты мировым научным сообществом, необходимо изложить полученные результаты на профессиональном языке современной экономической науки и добиться, чтобы разработки китайских экономистов соответствовали уровню международных научных стандартов.

Так называемая "стандартизация" имеет два аспекта: содержательный и формальный. Характерная особенность китайской экономической теории заключалась в ее восприимчивости к различным течениям западной экономической мысли и способности усваивать влияния различных научных школ. Использование теоретического материала, наработанного различными школами зарубежной экономической мысли, приводило к тому, что в ходе дискуссий китайские ученые пытались подтвердить или опровергнуть выводы, сформулированные в рамках одной теоретической системы, с помощью положений, заимствованных из другой. Поскольку в основе различных теоретических систем лежали разнородные картины экономической реальности, при таком подходе нарушалась не только стройная логическая схема, присущая каждой из этих систем, но и важнейшие принципы ведения дискуссий. По образному выражению ученых КНР, складывалась ситуация, при которой "каждый настаивал на своем" (дословно - "когда говорит свекор, прав свекор, когда говорит свекровь, права свекровь"), и в ходе обсуждения не мог быть достигнут реальный прогресс в экономической теории⁴⁰. Именно поэтому китайские исследователи обращали особое внимание на необходимость "стандартизации методологии" ("фанфалунь гуйфаньхуа").

Помимо содержательной "стандартизация" имеет также формальную сторону, означающую соблюдение общепринятых норм подготовки профессиональных публикаций и правил ведения научных дискуссий. "Формальная стандартизация" рассматривается ведущими учеными КНР как "элементарное условие, необходимое для превращения китайских экономических исследований в действительно научные исследования"⁴¹.

И, наконец, интернационализация имеет целью "состыковку" китайской экономической науки с мировой и вхождение китайских экономистов в международное научное сообщество. Все эти меры призваны повысить научный уровень ведущихся в КНР исследований и международный статус китайской экономической науки. Как писал Линь Ифу, "при изучении зарубежной экономической мысли крайне важно не преклоняться перед авторитетами, а рассматривать западные теории с точки зрения их применимости к общественной, исторической и культурной ситуации в стране, а также проверять с помощью общепринятых критериев соответствие сформулированных в рамках этих теорий выводов реальным фактам китайской действительности"⁴². По словам ученого, если следовать в русле этого направления, "китайская экономическая наука не окажется в подчиненном положении по отношению к западной (дословно - "не станет колонией западной экономической науки"), а китайские ученые-экономисты получат возможность, поднявшись над другими гигантами науки, внести вклад в развитие экономической мысли всего человечества"⁴³.

В работах китайских исследователей не только проводилась мысль о возможности достижения экономистами КНР результатов, которые будут

признаны мировым научным сообществом, но и определена конкретная сфера экономической теории, где эти результаты могут быть получены. Как подчеркивал Шэн Хун, в середине 90-х годов в Китае сложились благоприятные условия для развития экономической науки, и ученым представился редкий случай, чтобы "совершить прорыв в экономических исследованиях и, возможно даже, выйти в первые ряды стран мира в области экономической теории"⁴⁴. По его мнению, главным направлением "прорыва" в китайской экономической мысли могла бы стать разработка теории институциональной эволюции. Для этого сложились благоприятные условия: в КНР уже создана теоретическая база для исследований, так как в период реформ шло освоение западной экономической мысли. Кроме того, поскольку Китай переживает период глубоких институциональных изменений, экономисты, работающие внутри страны, могут использовать в своих исследованиях результаты непосредственных наблюдений за хозяйственной практикой, в отличие от западных ученых, например Д.Норта, вынужденных создавать теоретические схемы на основании исторического материала. Именно поэтому в качестве "первостепенной задачи", стоящей перед китайскими экономистами, Шэн Хун рассматривал изучение конкретных перемен, происходящих в китайской экономике в процессе рыночных реформ, и накопление эмпирического материала, необходимого для построения в будущем новой теории⁴⁵. Китайские публикации свидетельствуют о том, что работа в данном направлении уже ведется некоторыми влиятельными научными центрами страны. Так, например, учеными из Пекинского экономического института Тяньцзэ (Бэйцзин Тяньцзэ цзинцзи яньцзюсо) осуществляется фундаментальный проект - "Исследование на конкретных примерах проблем институциональной эволюции Китая", а важнейшей долгосрочной темой научной работы Китайского центра экономических исследований при Пекинском университете является углубленное изучение процесса перехода к рынку китайской экономики⁴⁶. Дополнительным фактором, способствующим развитию в КНР теории институциональной эволюции, Шэн Хун считал также и то, что в китайской экономической науке отсутствует деление на "магистральное" и "немагистральное" направления, а ученые не скованы рамками господствующей в западной экономической мысли парадигмы неоклассической теории. Как заключал Шэн Хун, эти "особые преимущества" открывают перед китайскими экономистами широкое поле деятельности и создают хорошие перспективы для разработки в КНР институциональной экономической теории⁴⁷.

За полтора десятилетия социально-экономических реформ китайская экономическая наука прошла путь быстрого развития и изменилась не меньше, чем экономика страны. Теоретические исследования китайских экономистов стали значительно менее идеологизированными, чем в конце 70-х годов. Возрастающее влияние на развитие китайской экономической теории оказывают сегодня молодые ученые, получившие образование на Западе. Их разработки, отличающиеся профессионализмом и соответствующие международным стандартам экономических исследований, вызывают все больший интерес как в самом Китае, так и за его пределами.

Китайская экономическая наука вышла за годы реформ на качественно иной, более высокий, теоретический уровень как в области ассимиляции достижений западной мысли, так и в понимании особенностей развития Китая. Выводы китайских экономистов о невозможности механического применения в Китае западных рецептов строятся в наши дни не на идеологических запретах, а на значительно углубившемся знании экономической теории и практики рыночных реформ. Вместе с тем "китаизирующаяся" экономическая мысль КНР не закрывается от внешних влияний, занимаясь активным поиском того, что в зарубежной науке может быть применено к анализу экономики Китая и адаптировано, исходя

из практических потребностей страны. Примеры успешной ассимиляции западного опыта и западной теории дает ученым КНР также изучение моделей экономического развития новых индустриальных стран и территорий Восточной Азии - Тайваня, Японии, Южной Кореи, Сингапура.

На наш взгляд, особый интерес представляют новые тенденции в развитии китайской экономической мысли, наметившиеся в середине 90-х годов и связанные с теоретическим осмыслением китайской модели постепенных преобразований. Успехи экономических реформ в КНР служат стимулом для разработки китайскими учеными собственной теории перехода к рынку, отличной от неоклассических концепций, лежащих в основе "шоковой" модели рыночной трансформации. В последние годы вопрос о том, может ли неоклассическая теория служить фундаментом для реформирования централизованной плановой системы, активно обсуждается западными исследователями переходной экономики⁴⁶. Теоретические проблемы перехода от централизованной экономики к рыночной глубоко изучаются российской экономической наукой⁴⁷. В этих условиях исследования китайских экономистов могут рассматриваться как составная часть дискуссий о теории перехода к рынку, ведущихся сегодня во всем мире. По нашему мнению, разработки китайских экономистов заслуживают пристального изучения, поскольку опираются на фактический опыт переходной экономики КНР и связаны с традициями страны, не принадлежащей к западной цивилизации и не обладавшей в прошлом развитыми рыночными институтами. Специфичность китайского опыта рыночных реформ и китайской экономической теории затрудняют их прямое использование в третьих странах. Однако в том случае, если опыт Китая будет аналитически ассимилироваться (подобно тому, как избирательно усваивается, исходя из потребностей собственных реформ, иностранный опыт самими китайцами), он может оказаться полезным для стран с переходной экономикой, стремящихся разработать эффективную программу преобразований.

1. См. Фань Ган. Критика "советской парадигмы" // Цзинцзи яньцзю.- 1995.- № 10.- С.72.
2. Кун Т. Структура научных революций.- М., 1977.- С.11.
3. Цзинцзи яньцзю.- 1995. - № 10. - С.70-72.
4. Там же. - С.70.
5. См. Там же. - С.72.
6. См. Чжан Учан. Сочинения. - Т.5.- Тайбэй, 1989. - С.89-100, 119-126, 151-160.
7. Фань Ган. Сопоставление и синтез трех современных теоретических экономических систем. - Шанхай, 1990.
8. Ван Сюэцян. "Переходить через реку, нащупывая камни" - Опровержение проекта "большого взрыва", исходя из опыта реформы цен в Китае // Специальный выпуск журнала "Сянган шэхуй кэсюэ сюэбао". - Июль 1995 г.- С.108; Фань Ган. Реформы по нарастающей и "двухколейный" переход: осмысление опыта Китая // Проблемы Дальнего Востока.- 1995.N.3. - С.61.
9. Ван Сюэцян. - Цит.соч.- С.108.
10. Там же.
11. Там же. - С.108-109.
12. Цинь Хай. Проблема прав собственности при покупке и слиянии предприятий // Цзинцзи яньцзю.- 1995.- № 3.- С.21.
13. Уильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // В сб. THESIS : Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Осень 1993. - М., 1993 - Том 1. Вып.3.- С.39.
14. И Сяньжун. Современная трансформация институциональных идей раннецинских конфуцианцев - сравнение с экономической теорией нового институционализма // Кун Мэн сюэбао. - № 69. - Март 1995 г. С.205-216.

15. См. Шаститко А. Неоклассическая экономическая теория : критический анализ предпосылок // Мировая экономика и международные отношения. - 1995. - № 10. - С.24-25.
16. См. Негиши Т. История экономической теории.- М.,1995.- С.36.
17. См. Лю Тяньшэнь. Переоценка экономической теории Листа // Цзинцзи кэсюэ. - 1979. - № 1.
18. Е Юаньшэн (ред.). Школы теории китайской экономической реформы.- Чжэнчжоу, 1994.- С.562-594.
19. Хэ Гаочао. Ло Цзиньи. Предисловие: Знание не знает границ // Специальный выпуск журнала "Сянган шэхуй кэсюэ сюэбао". - Июль 1995 г. - С.VII-VIII.
20. Цуй Чжиюань. Вызов китайской практики неоклассической политической экономии // Специальный выпуск журнала "Сянган шэхуй кэсюэ сюэбао". - Июль 1995 г. - С.1.
21. Там же. - С.24.
22. Там же. - С.2.
23. Хэ Гаочао, Ло Цзиньи.- Цит. соч. - С.VIII.
24. Цуй Чжиюань. - Цит.соч. - С.3-20.
25. Там же. - С.2; Хэ Гаочао, Ло Цзиньи.- Цит. соч.- С.IX.
26. Хэ Гаочао, Ло Цзиньи. - Цит. соч. - С.VIII-IX.
27. Шэн Хун. Изучение переходных процессов в ходе рыночных реформ в Китае // Цзинцзи яньцзю. - 1996. - № 1. - С.69.
28. Цуй Чжиюань. - Цит. соч. - С.1-2.
29. Naughton B. Growing Out of the Plan: Chinese Economic Reform, 1978-1993. - New York, 1994. - P.322.
30. Lin, Justin Yifu; Fan Cai and Zhou Li. Why China's Economic Reforms Have Been Successful: Implications for Other Reforming Economies. - China Center for Economic Research, Peking University, Working Paper Series, №: E1995002, 1995.- P.15.
31. Линь Ифу. Китаизация, стандартизация, интернационализация Отмечая 40-летие создания "Цзинцзи яньцзю" // Цзинцзи яньцзю. - 1995. - № 10. - С.13.
32. Там же. - С.14.
33. Линь Ифу. Китайская экономическая реформа и развитие экономической науки // В сб.: Экономическая наука и китайская экономическая реформа. - Шанхай, 1995. - С.18.
34. Там же. - С.19.
35. Цзинцзи яньцзю. - 1995. - № 10. - С.13.
36. Там же. - С.14.
37. Там же. - С.15.
38. Там же.
39. Экономическая наука и китайская экономическая реформа. - С.20-21.
40. Цзинцзи яньцзю. - 1995. - № 10. - С.16.
41. Там же.
42. Там же.- С.17.
43. Там же.
44. Цзинцзи яньцзю.- 1996, № 1.- С.80.
45. Там же.
46. Там же
47. Дунфан. - 1995, № 2.- С.95.
48. Такая постановка проблемы содержится, в частности, в работах сторонника эволюционной теории П.Мюррела. См. Murrell P. Can Neoclassical Economics Underpin the Reform of Centrally Planned Economies? // Journal of Economic Perspectives. - Volume 5, Number 4. - Fall 1991. P.59-76; Murrell P. Evolutionary and Radical Approaches to Economic Reform // Economic of Planning. - Vol.25.- 1992.- P.79-95.
49. Теориям переходной экономики и их месту в современной экономической науке было посвящено специальное заседание Ученого совета ИМЭМО РАН, материалы которого опубликованы в журнале "Мировая экономика и международные отношения". См. Автономов В. Политическая экономия переходного периода // Мировая экономика и международные отношения. 1996. - № 9. - С.5-15; Гутник В. Ренессанс теории хозяйственного порядка // Там же. - № 10. - С.5-10; Аукудионек В. Теория переходной экономики и ее место в ряду экономических наук // Там же. - С.11-19.

Реформа налоговой системы КНР

© 1997

И.Шевель

Налоговая система КНР в своем развитии прошла несколько этапов. В начальный период существования нового государства налогообложение строилось с учетом многоукладного характера экономики и отвечало требованиям преимущественного развития госсектора и преобразования необщественных форм хозяйства в общественные. В связи с происходившими в экономике изменениями в 1958 г. система налогообложения была упрощена путем объединения ряда налогов в единый торгово-промышленный налог. Госпредприятия, уплачивая единственный налог, передавали в госбюджет всю оставшуюся после его уплаты прибыль. В свою очередь их развитие обеспечивалось полным финансированием из бюджета. Применение такой системы опиралось на опыт Советского Союза и других стран централизованно планируемой экономики, хотя в КНР она и имела ряд особенностей. В целом в дореформенный период (т.е. вплоть до конца 70-х годов) в условиях упрощенной социально-экономической структуры общества, в которой все более укреплялись доминирующие позиции государства, динамика развития налоговой системы, и без того включавшей небольшое количество налогов, заключалась в ее дальнейшем упрощении, в объединении существовавших налогов. Снижалось также значение налогов как формы мобилизации внутренних накоплений в формировании доходной базы государства, что было связано с опережающими по сравнению с другими секторами экономики ростом госсектора и поступающих от него неналоговых платежей.

Переход Китая в конце 70-х годов к экономической реформе положил начало и реформе налоговой системы как неотъемлемой части экономики страны. Она началась с реорганизации системы платежей государственных предприятий, ставшей важнейшим направлением всех последующих изменений. К 1991 г. сложилась налоговая система, действовавшая до 1994 г. Особенно крупные преобразования, охватившие все отрасли экономики и формы собственности, были произведены в 1984-1988 гг. В последующие годы происходило дальнейшее корректирование и совершенствование сложившейся системы налогов. Действовавшее в тот период налогообложение отражало многоукладный характер экономики страны. При наличии общих для всех экономических типов хозяйствования принципов построения, а в ряде случаев и общих элементов, в целом, однако, можно говорить об особой системе налогов для каждого экономического типа. Налоговые платежи, как форма изъятия чистого дохода предприятий различных экономических типов, представляли собой многоканальную систему, которая приобрела универсальный характер.

В целом эту систему формировали около 40 видов налогов, обеспечивавших государству получение более 90% всех финансовых доходов. В результате система налогообложения стала важнейшим финансовым рычагом распределения и перераспределения валового внутреннего продукта страны.

1994 г. ознаменовался проведением широкомасштабной налоговой реформы, которая по существу означала переход от прежней системы налогообложения к новой. В конце 1993 г. правительство опубликовало новые положения о 6 видах налогов: на добавленную стоимость, потребление, хозяйственную деятельность, доходы предприятий, ресурсы, добавленную к земле стоимость. Был пересмотрен также закон о личном подоходном налоге. Все эти изменения вводились в действие с января 1994 г. Кроме того, ряд других изменений, связанных главным образом с взиманием местных налогов, осуществлялся с февраля 1994 г. В последующий период были внесены некоторые уточнения и корректировки в порядок взимания отдельных видов налогов. В целом по масштабности проводимых мероприятий налоговая реформа в 1994 г. стала одним из основных направлений всей экономической реформы в Китае.

Важнейшим ее аспектом стало реформирование налогообложения оборота. В прежней системе налоги на добавленную стоимость, на продукцию и хозяйственную деятельность выступали в качестве главного источника налоговых поступлений государства. Эта роль сохранилась и в настоящее время, но соотношение поступлений по отдельным видам налогов изменилось. Одна из наиболее важных целей реформы состояла в расширении сферы применения налога на добавленную стоимость. В настоящее время он используется для обложения производства, оптовой торговли, розничной торговли и импорта товаров. Система налоговых ставок существенно упрощена - с 12 до 2 основных уровней. Наиболее распространенная ставка - 17% - применяется ко всем налогоплательщикам, занятым производством, ремонтом и заменой оборудования (деталей и т.д.), а также к большей их части, занятой продажей и импортом товаров. Сниженной ставкой - 13% - облагаются плательщики, осуществляющие продажу или импорт основных продуктов (зерно, растительное масло), газа (каменноугольного, сжиженного, нефтяного, природного, болотного), каменного или древесного угля для бытового использования, печатной продукции, фуража, химудобрений, ядохимикатов, сельхозтехники и полимерной пленки для сельского хозяйства, а также предоставляющие водопроводную воду, отопление, кондиционированный воздух и горячую воду. Экспортеры товаров налог на добавленную стоимость не платят (кроме особо обусловленных случаев). Существует еще и третий уровень налоговой ставки - 6%; он применяется к налогоплательщикам, объем налогооблагаемой деятельности которых невелик.

Некоторые позиции освобождены от налогообложения - сельхозпродукция, произведенная и реализуемая самими производителями; противозачаточные средства; древние книги; импорт инструментов и оборудования, непосредственно используемых в научных исследованиях, экспериментах и обучении; импорт материалов и оборудования из иностранных государств и международных организаций, поставляемых бесплатно в виде помощи; оборудование и механизмы, импортируемые на условиях контрактов на переработку, сборку и по компенсационной торговле, а также в ряде других случаев¹.

В соответствии с решением Министерства финансов, граница необлагаемого минимума колеблется при реализации товаров на сумму в пределах от 600 до 2000 юаней в месяц, при предоставлении налогооблагаемых трудовых услуг - от 200 до 800 юаней в месяц, а при одноразовой реализации - в пределах от 50 до 80 юаней за один раз (день). Конкретный уровень необла-

гаемого минимума устанавливается местными налоговыми органами после утверждения Главным государственным налоговым управлением².

Одновременно с преобразованием налога на добавленную стоимость прекратил существование в своем прежнем виде налог на продукцию. Его место занял потребительский налог, носящий характер акцизного сбора и представляющий, по существу, перестроенный налог на продукцию. Плательщиками его являются все организации и отдельные лица, занятые производством, выполнением работ по субподряду на переработку или импортом продукции, на которую распространяется этот налог. Число облагаемых позиций намного снижено. Если налог на продукцию взимался по 80 позициям, то потребительский налог уплачивается всего по 11 позициям, а именно: табачные изделия, алкогольные напитки и спирт, косметические товары, предметы ухода за кожей и волосами, ювелирные изделия, нефрит и драгоценные камни, шутики и фейерверки, бензин, дизельное топливо, шины для перевозочных средств, мотоциклы, автомашины. Максимальные ставки - 30, 40 и 45% применяются к косметическим изделиям, резаному табаку, а также к различным видам сигарет; минимальные - 3, 5 и 8% - к автомашинам в зависимости от их технических характеристик.

Налог на хозяйственную деятельность взимается с отраслей обслуживания и "третьей" сферы, на которые налог на добавленную стоимость не распространяется. Они включают главным образом транспорт и связь, строительство, монтажные и ремонтные работы, финансы и страхование, почту и телекоммуникации, культурные и спортивные мероприятия, развлечения, передачу прав на интеллектуальную собственность и продажу недвижимости. В отношении большинства налогооблагаемых объектов применяются ставки 3 и 5% и лишь к объектам индустрии досуга (бары, танцевальные и бильярдные залы, помещения для караоке, площадки для гольфа, устройства для игры в кегли и др.) они могут повышаться, достигая 20%³. В целом по сравнению с ранее действовавшими правилами произошло, во-первых, существенное смещение сферы его применения. Так, исключены из обложения розничная и оптовая торговля, промышленная переработка и некоторые другие позиции, но с другой стороны, сфера его действия распространилась на передачу прав на интеллектуальную собственность (на использование земли, патентных и авторских прав на литературные произведения, на торговые марки, на передачу престижа фирмы) и на продажу недвижимого имущества. Во-вторых, имело место заметное снижение налоговых ставок.

От уплаты налога на хозяйственную деятельность освобождены услуги детских яслей и садов, пансионатов для престарелых, благотворительных организаций для инвалидов, брачных консультаций, похоронных бюро, а также медицинские и педагогические услуги соответственно лечебных и учебных учреждений и некоторые другие позиции. Необлагаемый минимум установлен Министерством финансов для хозяйственной деятельности в пределах от 200 до 800 юаней в месяц, а при одноразовом предоставлении услуг - на сумму до 50 юаней. Его конкретный уровень определяется местными налоговыми органами и утверждается Главным государственным налоговым управлением⁴.

В результате проведенных изменений система налогообложения оборота приняла более сбалансированный характер, при этом налог на добавленную стоимость стал регрессивным со сниженной ставкой на основную производственную продукцию и акцизным сбором на предметы роскоши, что отражает политику перераспределения доходов.

Другое весьма важное направление проведенных мероприятий - реформирование подоходного налога с предприятий. Это означало изменение

прежней системы различных видов налоговых платежей и налоговых ставок для предприятий различных форм собственности, основанных на национальном капитале, унификацию этих платежей в едином для всех подоходном налоге с единой ставкой на уровне 33%. Такой же уровень обложения применяется для смешанных и полностью иностранных предприятий.

Важно подчеркнуть, что названный уровень подоходного налога находится в согласии с мировым опытом - в пределах нормы изъятия доходов предприятий, функционирующих в условиях рыночной экономики. Эмпирическим путем было установлено, что превышение средней нормы в 35-36% обретает конфискационный характер и ведет к стагнации, а затем и спаду производства, нарушению расширенного воспроизводственного цикла, подрывает возможности инвестиционной деятельности предприятий по расширению и обновлению основных фондов³. Переход в ходе реформирования системы налогообложения к единому уровню подоходного налога является свидетельством использования Китаем накопленного мирового опыта функционирования рыночной экономики, означает очередной шаг по сближению его национальной экономики с мировой экономикой. До 1994 г. официальная ставка подоходного налога с государственных крупных и средних предприятий составляла 55%. Кроме того, из оставшейся прибыли они совершали ряд других платежей.

В Китае многие национальные предприятия, прежде всего государственные, имеют весьма низкий уровень прибыли. Поэтому был принят курс, согласно которому к таким предприятиям в течение двух лет применялась двухуровневая сниженная налоговая ставка, имеющая переходный характер. Когда у предприятия годовая облагаемая налогом прибыль составляет менее 30 тыс. юаней, ставка налога равнялась 18%, когда прибыль находится в пределах от 30 до 100 тыс. юаней, применялась ставка 27%. Одновременно был упразднен регулирующий налог с государственных предприятий. Они освобождались от уплаты взносов в фонд строительства ключевых объектов энергетики и транспорта и в фонд регулирования госбюджета. Ранее эти платежи составляли 25% прибыли, оставшейся у предприятий после уплаты налогов.

Особое место в налоговой системе, как и в целом в экономической жизни страны, занимают смешанные (китайско-иностраннне) и полностью иностранные предприятия. В ходе подготовки к нынешнему этапу налоговой реформы и в начальный период введения в действие новых положений о налогах иностранные инвесторы выражали чрезвычайную обеспокоенность относительно возможности утраты своих весьма ощутимых льгот, которыми они располагают, по сравнению с другими налогоплательщиками. Однако на данном этапе развития системы налогов преференциальное отношение к иностранным вкладчикам капитала было сохранено, что является одним из проявлений политики открытости страны в отношении внешнего мира.

Что касается налогообложения оборота, то введенные для китайских предприятий пересмотренные налоги на добавленную стоимость, на потребление и на хозяйственную деятельность распространены и на предприятия с иностранным капиталом, а это означает, что в этой части платежей те и другие предприятия поставлены в равные условия. Ранее предприятия с иностранным капиталом уплачивали единый торгово-промышленный налог, который взимался в каждом звене производства и обращения. В связи с переходом к новой системе налогообложения отмечается предпочтительность налога на добавленную стоимость, который означает необходимость уплаты лишь части прежнего платежа. В большинстве случаев это способствует снижению издержек производства для иностранного бизнеса.

Тем не менее считая, что на иностранные предприятия, созданные до 1994 г., изменения в налоговой системе могут повлиять (имеется в виду, что они планировали свои сметы, исходя из прежней налоговой системы и могут понести убытки в связи с переходом к новым налогам), правительство решило предоставить им компенсацию. Возросшие налоговые платежи будут компенсироваться путем снижения налоговых ставок в течение 5 лет. Кроме того, сохраняются введенные ранее правила освобождения и снижения косвенных налогов для всех предприятий с иностранным капиталом в отношении таких статей, как:

- средства производства, импортируемые в качестве иностранных инвестиций;
- товары, импортируемые на основе специальных санкций;
- товары, произведенные на названных предприятиях и ориентированные на экспорт;
- предприятия в свободных от пошлин зонах.

Что касается важнейшего среди налогов, уплачиваемых предприятиями с иностранным капиталом, - подоходного, то нынешняя перестройка не затронула этого аспекта ранее утвердившейся преференциальной политики государства. Важнейшим документом в этом плане является закон КНР, вступивший в действие в июле 1991 г., согласно которому для обеих групп предприятий (смешанных и полностью иностранных) введен единый подоходный налог взамен ранее действовавших двух видов подоходного налога⁴.

Согласно действующим положениям, доход той и другой группы предприятий от всех видов деятельности облагается подоходным налогом по ставке 33% (включая 3%-ную местную надбавку). В особых экономических зонах (ОЭЗ) Шэньчжэне, Чжухае, Шаньтоу, Сямэне и Хайнани, а также в зонах технико-экономического развития (ЗТЭР) в портовых городах (в последнем случае только с предприятий производственного характера) налог взимается по ставке 15%. В прибрежных ОЭЗ, а также в районах "старых городов" поблизости от ОЭЗ или ЗТЭР для предприятий производственного характера ставка налога составляет 24%. В прибрежных ОЭЗ, в районах "старых городов", где находятся ОЭЗ и ЗТЭР или в других районах, установленных правительством, когда предприятия с иностранным капиталом представляют собой объекты энергетики, коммуникаций, строительства портов, пристаней и другие объекты, которым оказывает содействие государство, применяется ставка 15%.

В целом ряде случаев предприятиям с иностранным капиталом предоставляются также льготы в виде освобождения от уплаты подоходного налога в рамках начального периода деятельности и его снижения на 50% в течение нескольких последующих лет. В круг условий получения подобных льгот в разных случаях входят: длительность периода функционирования предприятия (не менее 10 - 15 лет), сфера его деятельности (строительство портов, судоремонтных предприятий, аэропортов, железных дорог, автомагистралей, электростанций, угольных шахт и др.), размер вложенных инвестиций (не менее 5 млн. долл.), ориентирование деятельности предприятия на экспорт продукции (более 70% стоимости продукции за год), передовой в технологическом отношении характер предприятия; создание в отдаленном слабообразованном районе любого предприятия, функционирующего в сферах сельского и лесного хозяйства; реинвестирование полученной на предприятии прибыли в то же или в другое предприятие с периодом функционирования не менее 5 лет.

Еще один аспект налоговой реформы - реорганизация системы платежей с личных доходов налогоплательщиков, унификация их в едином личном подоходном налоге. В плане стандартизации платежей в пересмотренном налоге объединены прежние личный подоходный налог (введен в 1980 г.), регулируемый налог на личные доходы (1987 г.) и подоходный налог с индивидуальных промышленных и торговых предприятий в городе и деревне (1986). Новый налог, взимаемый на месячной или годовой основе, единообразно применяется к китайским гражданам и иностранцам, получающим зарплату в Китае, при этом в большинстве случаев не увеличивает их налоговой нагрузки. Китайские и иностранные плательщики платят налог по единообразным относительным нормативам, но применяемые к тем и другим налоговые параметры, выраженные в абсолютных значениях, весьма существенно различаются.

Для помесечного взимания налога к различным видам облагаемого дохода обеих групп плательщиков применяется единая шкала прогрессивных ставок, включающая 9 разрядов с диапазоном ставок от 5 до 45%. Китайские граждане платят налог с дохода, превышающего 800 юаней. Это означает, что необлагаемый минимум повышен в 1,7-2 раза по сравнению с действовавшими с января 1987 г. положениями о регулирующем налоге на личные доходы китайских граждан, когда он составлял 400-460 юаней в зависимости от региона. Минимальная ставка 5% применяется к части дохода, превышающей необлагаемый минимум в пределах до 500 юаней, ставка 25% - когда превышение составляет от 20 до 40 тыс. юаней, максимальная ставка 45% - когда месячный доход более чем на 100 тыс. юаней превышает необлагаемый минимум.

Личный подоходный налог платится также индивидуальными промышленными и торговыми предприятиями. Минимальной ставкой 5% облагается доход, составляющий менее 5 тыс. юаней в год, ставкой 20% - доход в пределах от 10 до 30 тыс. юаней, максимальной ставкой 35% - доход, превышающий 50 тыс. юаней в год. Объект обложения - валовой доход за вычетом издержек производства, расходов и потерь¹.

В ходе реформы пересмотрен также ряд других налоговых категорий. Так, с января 1994 г. расширена сфера действия налога на ресурсы и изменен метод его исчисления и взимания. Теперь его платят предприятия и отдельные лица, занимающиеся добычей нефти, природного газа, угля, других неметаллических руд, руд черных металлов, а также производством твердой и жидкой соли. Налог взимается в виде фиксированных ставок с физической единицы (тонны, куб. метра) добытого или произведенного продукта. Таким образом, в новом налоге на ресурсы объединены как прежний одноименный налог, так и существовавший отдельно соляной налог.

Реформирован налог на использование земельных участков в городах таким образом, что он применим теперь как к городским, так и к сельским районам, причем размер его увеличен. Налог на содержание и застройку городских территорий, плательщиками которого являлись организации и отдельные лица, вносившие налоги на продукцию, на добавленную стоимость и на хозяйственную деятельность и который являлся как бы дополнением к названным налогам, также пересмотрен: он превращен в полностью самостоятельную налоговую категорию, а поступления от него используются для местного строительства.

Определенные аспекты развития экономической ситуации в стране вызвали потребность во введении ряда новых налогов. Среди них прежде всего необходимо отметить налог на добавленную к земле стоимость, введенный с января 1994 г. Он призван регулировать порядок ведения рыночных

операций с землей и недвижимостью, быть орудием распределения дохода от увеличения стоимости земли, обеспечивая при этом интересы государства⁸.

Налог на доход от продажи ценных бумаг призван осуществлять налоговое регулирование рынка ценных бумаг. Однако намерение правительства ввести такой налог привело к застою фондового рынка, который, как и акционерная система, находится на ранней стадии развития и требует к себе большего внимания. Поэтому правительство решило временно воздержаться от введения этого налога. К числу новых налогов, намеченных к вводу в действие, относится также налог на наследство, призванный регулировать наследование собственности, и налог на социальное страхование, который должен обеспечить ресурсы для всесторонней реформы системы государственного социального страхования.

С другой стороны, целый ряд налогов признан утратившим свою актуальность и в целях корректировки и упрощения налоговой системы упразднен. Так, в феврале 1994 г. упразднены такие налоги, как налог на рыночные сделки, налог на сделки по скоту, регулирующий налог на фонд заработной платы государственных предприятий, налог на премиальный фонд и особый налог на сжигание нефти. Имеется в виду, что последний из перечисленных, а также налог на особые виды потребления фактически объединены в потребительском налоге (аналогично налогу на соль, объединенному с налогом на ресурсы). Осуществлено также объединение в одном налоге отдельно существовавших налога на транспортные средства и сбора на номерные знаки для транспортных средств. Налоги на банкеты и на убой скота также были реформированы, и кроме того - переданы в ведение более низкого уровня управления. Местные органы решают, взимать ли их, учитывая реальные местные условия. После проведения перечисленных мероприятий число налогов в стране сократилось до 20, что означает значительное упрощение налоговой системы, являющейся одной из целей нынешней реформы.

Еще одна из важнейших целей реформы - изменение принципов распределения налоговых поступлений между центральным и местными бюджетами (т.е. бюджетами провинций, автономных районов, городов центрального подчинения и городов, имеющих статус самостоятельных единиц планирования). Нельзя не отметить, что фактически весь период экономической реформы характеризуется поисками оптимального варианта распределения источников доходов между центром и местами, который, с одной стороны, обеспечивал бы надежную финансовую базу, а с другой - оказывал бы стимулирующее влияние на развитие народного хозяйства и рыночных отношений.

С этой целью с конца 80-х годов между местами и центром стали внедряться отношения финансового подряда. Так, в 1988 г. "в плане совершенствования финансовой системы" были введены различные виды ответственности отдельных административных единиц за собственные финансы. Эта мера распространилась на 17 провинций, городов центрального подчинения и городов, являющихся самостоятельными единицами государственного плана, которые стали передавать центральным органам большую долю получаемых ими доходов по сравнению с другими административными единицами. Затем отношения финансового подряда были распространены на остальные районы страны. В целом финансовый подряд возлагал на местные органы ответственность за рост доходов и перечисление центру определенной их доли; в то же время он предполагал получение другими административными единицами фиксированных дотаций от центра. Способы определения перечисляемой центру доли дохода различались по отдельным группам административных единиц.

- в одном случае это производилось в соответствии с фиксированной пропорцией разделения прироста дохода, величина которого в процентном выражении устанавливалась к базисному показателю на весь период подряда;
- в другом случае в течение всего периода подряда перечислялась твердо установленная доля получаемого дохода;
- в третьем - перечисляемая величина устанавливалась в абсолютном выражении.

Целью введения финансового подряда было стимулирование развития народного хозяйства различных регионов страны, оказание содействия местным органам в использовании ими потенциала собственных территорий, выявлении новых источников дохода, увеличении доходов и сдерживании расходов. Опыт, однако, показал, что наряду с выполнением названных задач финансовый подряд порождал хозяйственную замкнутость отдельных районов, тенденцию региональной экономической блокады, параллелизм в строительстве. При такой системе в распоряжение местных органов поступали все финансовые доходы центра сверх установленной нормы, тогда как на долю центра приходилась лишь незначительная часть возрастающих доходов. Так, в 1992 г. на долю центра пришлось лишь 20% общего прироста доходов государства. Все финансовые доходы центра составили примерно 45% общего объема доходов, причем эта доля снижалась до 38% после вычета доходов, поступивших в счет увеличения задолженности. В 1993 г. рост доходов государства оценивался в 19,8%, при этом доходы регионов возросли на 35%, тогда как доходы центра снизились на 6,3%. В результате острого недостатка финансовых возможностей центр испытывал трудности в макрорегулировании экономики.

Одновременно стадию экспериментирования проходила другая система финансовых взаимоотношений центра и мест, получившая название "системы разделения налогов", под которой понимается классификация налогов по категориям в целях их закрепления в качестве источников дохода центра и мест. Уже в 1988 г. под управление местных органов были переданы 13 видов налогов (включая налоги со строений, на убой скота, на сделки по скоту, на рыночные сделки, с контрактов, на транспортные средства, подоходный налог на индивидуальные промышленные и торговые предприятия, личный подоходный налог, регулирующий налог на личные доходы, налог на специфическую продукцию сельского и лесного хозяйства). Все платежи по этим налогам стали закрепленными доходами местных бюджетов.

Затем круг закрепленных источников дохода мест был расширен за счет включения в него также налогов, уплачиваемых государственными, коллективными предприятиями и предприятиями с участием иностранного капитала, находящимися в ведении местных органов. С 1992 г. новая система испытывалась в 9 административных единицах: двух провинциях (Чжэцзян и Ляонин), одном автономной районе (Синьцзян-Уйгурском) и шести крупных городах. Система разграничения налоговых поступлений в том виде, как она проводилась в период экспериментирования, выступала в роли инструмента совершенствования распределительных отношений между центром и местами в разрезе отдельных форм собственности. Другие ее функции - создание благоприятных условий для формирования и укрепления единого общекитайского рынка, для реализации целей промышленной политики государства.

На 1994 г. намечалось в рамках всей страны внедрить систему разделения налогов между центром и местами. При этом одна из главных целей заключалась в том, чтобы вернуться к модели, существовавшей в начале 80-х годов, когда в распоряжение центра поступало около 60% всех доходов государства. Это позволило бы центру усилить свою регулируемую роль в эко-

номических процессах: примерно 40% он использовал бы на финансирование мероприятий и объектов, непосредственно находящихся в рамках его компетенции, а остальные 20% передавал бы в распоряжение мест через систему дотаций⁹.

Система разделения налоговых поступлений, распределяющая их между центром и местами в соответствии с видами налогов, основана на разграничении полномочий исполнительных органов двух уровней - центральных и местных. Объем расходов финансовых органов каждого уровня определяется в соответствии с полномочиями органов управления соответствующего уровня. В Китае центральные финансовые органы ответственны главным образом за расходы, обеспечивающие безопасность государства, функционирование дипломатической службы и других ведомств центрального правительства, а также за расходы, связанные с проведением реформ, как то: регулирование структуры народного хозяйства, координация развития регионов, осуществление макроэкономического контроля и, кроме того, - за расходы учреждений, находящихся под непосредственным управлением центрального правительства; местные же органы ответственны главным образом за текущие расходы региональных административных органов и за развитие экономики. В китайской печати подчеркивается необходимость концентрации в руках центра большей доли финансовых ресурсов в целях сокращения разрыва между богатыми и бедными районами, удовлетворения потребностей развития инфраструктуры и ключевых объектов, а также обеспечения единства государства и долговременной стабильности в стране.

Исходя из перечисленных прерогатив обоих уровней и с учетом проводимой реформы, осуществлено разделение налоговых платежей на центральные и местные. К центральным в настоящее время отнесены таможенные пошлины; налог на потребление, взимаемый таможнями; подоходный налог с предприятий центрального подчинения и налог на хозяйственную деятельность (с объектов общегосударственного значения); к местным - подоходный налог с предприятий местного подчинения, личный подоходный налог и налог на хозяйственную деятельность. Поступления по некоторым налогам в определенной пропорции делятся между центральными и местными органами. Так, по налогу на добавленную стоимость разделение осуществляется в соотношении 3:1 в пользу центра. Относительно налога на ресурсы: поскольку природные ресурсы сконцентрированы в центральных и западных районах страны, доходы от налога поступают главным образом в распоряжение местных органов; что же касается доходов от офшорных ресурсов нефти, то они целиком принадлежат центру¹⁰. В 1994 г. в рамках всей страны проходил процесс создания обособленных налоговых органов по взиманию платежей в пользу центра и подлежащих разделу между центром и местами, с одной стороны, и платежей в пользу мест - с другой.

Согласно первоначальному данным, в результате реформы поток платежей от мест к центру, существовавший при финансовом порядке, начинал принимать противоположную направленность. Если ранее после перечисления центру твердых размеров платежей на местах оставалась большая часть возрастающих доходов, то в результате реформы до 70% их прироста якобы стало поступать в распоряжение центральных органов. Однако, по заявлениям руководства Министерства финансов, мероприятия реформы начали проводиться в январе 1994 г. в условиях малоподготовленного макроэкономического климата и поэтому включали определенный риск, связанный с их восприятием и проведением в жизнь. Проект бюджета на 1994 г. был подготовлен в условиях большого числа неопределенных факторов, связанных с проведением

реформы, затруднявших его исполнение по сравнению с предшествующими годами.

Двухлетний опыт проведения в жизнь намеченных мероприятий свидетельствует, что поставленная задача за этот период фактически не была решена. Несмотря на быстрый рост народного хозяйства, доля финансовых доходов центрального правительства в валовом внутреннем продукте не только не возросла, но даже снизилась. Таким образом, ранее сложившаяся и ставшая традиционной модель распределения финансовых ресурсов между центром и местами не была преодолена. Причина - в утечке налоговых поступлений, направляемых в распоряжение центра, принимающей формы дотаций, специальных дотаций, возврата налогов¹¹. Центральное правительство было вынуждено пойти на уступки местам в связи с тем, что, как оказалось, ни объективные, ни субъективные условия не созрели для создания твердой нормативной системы переводных платежей из центра на места. Поэтому для укрепления финансовых позиций центра в целях повышения макрорегулирования потребуется более длительный период.

В настоящее время продолжается совершенствование отдельных сторон новой системы налогообложения. В частности, значительное внимание уделяется поступлениям по личному подоходному налогу. Этот налог впервые был введен в КНР в 1980 г., но практическое проведение его в жизнь было неэффективным; в 1994 г. его рамка были пересмотрены в сторону большей дифференциации ставок в зависимости от уровня получаемого дохода. Однако, несмотря на значительный рост в последние годы слоя населения с высокими доходами и рекордное (на 55%) увеличение за год его собираемости, доля этого налога в 1994 г. составила лишь 1,8% всех налоговых поступлений государства. Согласно проведенным обследованиям, около 50% причитающегося к уплате налога не платится. К числу основных причин этого относятся несовершенство системы налогового контроля и недостаточная осведомленность населения относительно необходимости уплаты данного налога. В связи с этим в 1995 г. приняты два Положения, конкретизирующие правовые обязанности налогоплательщиков.

Острый характер принял вопрос об усилении регулирования компенсационных выплат по налогам, уплаченным экспортерами. В 1994 г. государство стало возмещать им реально уплаченные налоги на добавленную стоимость, на потребление и на хозяйственную деятельность. Однако существовавший метод компенсации привел к дезорганизации нормального внешне-торгового процесса, превратившись для экспортеров в главный стимул развития экспорта. Они стремились как можно быстрее получить компенсацию, что сопровождалось мошенничеством и фальсификацией документов об уплате налогов и экспорте товаров. В связи с этим, а также в целях укрепления финансовых позиций государства с июля 1995 г. ставка возмещения налогов снижена до 3, 10 и 14% (вместо прежних 3, 13 и 17%); она просуществовала на этом уровне полгода, а с января 1996 г. вновь снижена - до 3, 6 и 9%¹². Экспортеры вынуждены компенсировать понесенные потери путем снижения издержек и повышения эффективности производства.

Продолжается начатый в 1992 г. курс на либерализацию внешней торговли, составной частью которого является снижение импортных пошлин. Только в 1992 г. было проведено трехэтапное снижение пошлин по 3371 позиции. В конце 1993 г. пошлины были снижены еще на 2898 товаров, т.е. примерно на половину импортируемых позиций; средний уровень снижения составил 8,8%. Однако рост импорта и ужесточение таможенного инспектирования привели к увеличению поступлений по тарифам до рекордного уровня, на

20% превысившего уровень 1992 г. В 1995 г. импортные тарифы снижались дважды. Средний уровень налога на импорт к 1996 г. был снижен до 36,4%. Наконец, с 1 апреля 1996 г. Китай снизил импортные тарифы на 4994 позиции; снижение составило в среднем 35,0% и распространилось на 76,3% всех тарифных позиций страны, в результате средняя номинальная тарифная ставка снижена до 23%. А в целом, по некоторым данным, общий уровень импортных тарифов намечается снизить до среднего уровня большинства развивающихся стран, составляющего примерно 15%¹⁵. Все эти акции увязываются со стремлением Китая постепенно осуществить перестройку структуры своей экономики и с намерением восстановить свое членство в ГАТТ-ВТО.

Рассмотренные выше аспекты налоговой реформы свидетельствуют об их направленности на расширение рыночных принципов в сфере распределения дохода и в экономике в целом, что означает дальнейшее сближение китайской системы налогообложения с международной практикой, свидетельствует о дальнейших шагах, предпринятых Китаем для перехода к международным стандартам и еще большей открытости своей экономики. Налоговая реформа расширяет для китайских предприятий мост, связывающий их с мировым рынком.

Возникает вопрос о возможности использования Россией китайского опыта реформирования системы налогообложения. Исходя из вышеизложенного, на первый взгляд напрашивается вывод о больших возможностях такого использования. Однако, как представляется, более внимательное рассмотрение сущности и хода налоговых реформ в обеих странах требует прежде всего сделать вывод о необходимости изменения концептуального подхода к налоговой реформе в России, после чего перейти к корректировке практики построения отдельных ее элементов.

Налоговая система представляет собой один из важнейших компонентов экономической политики государства, через который реализуются основные пропорции экономического развития. Опыт развитых стран, которому следует Китай, свидетельствует, что независимо от национальных особенностей, налоговая система является весьма активным рычагом государственного регулирования социально-экономического развития, инвестиционной стратегии, внешнеэкономической деятельности, структурных изменений в производстве, ускоренного развития приоритетных отраслей. Развитие налоговой системы Китая в период экономической реформы, и в особенности на ее нынешнем этапе, позволяет утверждать, что перечисленные ориентиры функционирования налоговой системы в большей или меньшей степени свойственны и этой стране, естественно, при наличии национальной специфики (в приведенном выше материале не могли быть рассмотрены все аспекты ее функционирования). Этого, однако, нельзя сказать о налоговой системе России, где государство не обеспечивает соответствия ее нынешним социально-экономическим условиям страны, в результате чего она не удовлетворяет требованиям развития экономики, задаче создания и развития рыночных отношений и не учитывает опыта развития налоговых систем других стран, включая Китай.

Очевидно, что в России с самого начала реформы в основу реорганизации налоговой системы был заложен односторонний фискальный ориентир, тогда как функции перераспределения и контроля оказались незадействованными. В результате налоговая система России не стимулирует приоритетные направления развития, не создает условий протекционизма, что столь характерно для системы налогообложения, действующей в Китае. Основная направленность налоговой системы России - устранение дефицита госбюджета путем мобилизации доходов предприятий. Различные налоги превышают 70%

прибыли предприятий, что делает налоговую систему конфискационной. На развитие производства, т.е. на инвестирование предприятиям остается значительно меньшая доля, чем это было ранее, до введения нынешней системы. Один из результатов такой политики - заинтересованность предприятий в получении минимальной прибыли, что делает экономику как никогда затратной; другой результат - уклонение предприятий от уплаты налогов, низкий уровень их собираемости (согласно заявлениям ряда официальных лиц и исследователей-экономистов, в настоящее время недобор налоговых платежей составляет 40%)¹⁴. Это контрастирует с нынешней ситуацией в Китае.

Если в Китае в результате проведенной реформы была усилена связь налоговой системы с производством, расширена база налогообложения, зависящая от массы производимой продукции, то в России этот важный принцип при проведении налоговой политики совершенно не учитывается. Не работает должным образом и социальная функция налогов, призванная путем сглаживания разрыва в уровнях дохода различных слоев населения способствовать обеспечению социальной стабильности в обществе, тогда как в Китае этот принцип четко прослеживается в прогрессивном налогообложении доходов физических лиц. Могут быть приведены и другие аспекты функционирующих налоговых систем двух стран, которым присущи аналогичные черты.

Коротко относительно вопросов, связанных с собираемостью налогов. В Китае в 80-е годы широкое распространение имело уклонение от уплаты налогов, распространявшееся на налогоплательщиков всех экономических типов, что государством рассматривалось как весьма важный аспект функционирования налоговой системы; эти вопросы постоянно находились в поле зрения налоговых органов и средств массовой информации. Работники налоговых органов значительную часть своего времени использовали на разъяснение в производственных коллективах положений о налогах, которые должны платить эти коллективы. Властями вводились различные меры по ужесточению контроля за уплатой налогов. На местах создавались специальные органы, выполнявшие роль налоговой полиции. Ежегодно проводились всекитайские кампании по погашению налоговых недоимок, дававшие существенные положительные результаты. С 1992 г. ежегодно в апреле разворачивается всекитайская общественная кампания по повышению осведомленности плательщиков относительно налоговых обязательств. Согласно официальным данным, неизменно проводится курс на ужесточение взимания налогов, в результате чего поступления налогов ежегодно возрастают, хотя полной их собираемости достичь никогда не удавалось.

Налоговая реформа привела к снижению налоговой нагрузки на большинство предприятий, однако в целом ход реформы сопровождается ростом налоговых поступлений. Так, налоговые платежи в регулярный бюджет в 1992 г. составили 313,9 млрд. юаней, в 1993 г. - 402,8 млрд., в 1994 г. - 479,8 млрд., в 1995 г. - 570,6 млрд. юаней. По отношению к плановому заданию это составляет соответственно 103,2, 116,3, 107,5 и 106,9%¹⁵. В 1994 г., первом году нового этапа налоговой реформы, с промышленности и торговли было получено 451,3 млрд. юаней, что на 1/4 больше показателя 1993 г.; по общей оценке это означает, что реформа дала новый толчок стабильному и быстрому развитию экономики.

В России к настоящему времени вопрос собираемости налогов приобрел наибольшую остроту среди всех проблем экономики. Однако вопрос этот по-настоящему не решается. Доля налогов в ВВП, поступивших в бюджеты всех уровней и внебюджетные фонды, снизилась с 25 в 1995 г. до 21% в первом квартале 1996 г. Основная причина этого заключается в слабости системы взимания налогов. Наиболее существенный фактор эрозии налоговой дисципли-

лины - порядок, при котором задолженность перед бюджетом по уплате налогов погашается путем поставок продукции предприятиями, в отношении которых бюджет имеет задолженность. Например, в первом квартале 1996 г. были оформлены казначейские налоговые освобождения, представляющие собой один из видов денежных суррогатов, на сумму 16 трлн. рублей, что составляет около 24% всех расходов предприятий за этот период, из них 14 трлн. - в счет погашения задолженности за 1995 г. Такая практика нарушает главный принцип функционирования налоговой системы - обязательность уплаты налогов¹⁶.

Наряду с основной особенностью налоговой системы - высоким налоговым прессом в отношении основной массы плательщиков, отдельные, как правило, крупные предприятия и отрасли (монополии) пользуются льготами в виде отсрочек уплаты налогов, предоставляемых им Министерством финансов. Так, из 14,43 трлн. рублей отсрочек, подлежащих зачислению в федеральный бюджет в 1996 г., 76% предоставлено крупнейшим предприятиям ТЭК и РАО "Газпром". Около половины всей задолженности, имевшейся на 1 апреля 1996 г., относилось к 60 предприятиям, а оставшаяся часть распределялась между 2,6 млн. юридических лиц, находившихся на учете в налоговых органах¹⁷.

Важнейшая сторона налоговой реформы в России должна заключаться в снижении (примерно в 2 раза) налогового пресса на предприятия при одновременном его выравнивании и отказе от предоставления льгот и отсрочек; это не нанесет ущерба доходам бюджета. Однако вместо проведения реформы в течение ряда последних лет осуществляются непоследовательные и противоречивые действия по изменению условий взимания налогов, когда, с одной стороны, предпринимаются шаги по ужесточению системы налогообложения, а с другой, - расширяется практика применения исключений из общих правил или проведения налоговых амнистий.

В целом же, в отличие от Китая, где налоговая реформа привела к более сбалансированной системе налогообложения, учитывающей мировые стандарты и стимулирующей здоровую конкуренцию в целях стабильного развития экономики, действующая в России система налогообложения выступает в качестве не только мощного тормоза развития, но и простого функционирования предприятий и экономики в целом.

1 Жэньминь жибао. - 1993. - 14 декабря.

2 Жэньминь жибао. - 1993. - 28 декабря.

3 Жэньминь жибао. - 1993. - 14 декабря.

4 Жэньминь жибао. - 1993. - 28 декабря.

5 Экономист. - 1996. - № 5. - С. 34.

6 Beijing Review. - 1991. - № 25. - С. 23-27.

7 Жэньминь жибао. - 1993. - 2 ноября.

8 Жэньминь жибао. - 1993. - 15 декабря.

9 China Daily. - 1993. - 25 ноября.

10 China Daily - 1993. - 25 ноября; 1994. - 30 июля; 1994. - 25 сентября - 1 октября.

11 Жэньминь жибао. - 1996. - 21 марта.

12 Там же.

13 China Daily - 1995. - 22 ноября; 1996. - 7-13 апреля.

14 Экономист. - 1996. - № 5. - с. 33-35.

15 Жэньминь жибао. - 1993. - 4 апреля; 1994. - 25 марта; 1995. - 21 марта; 1996. - 21 марта.

16 Финансовые известия. - 1996. - 28 мая.

17 Там же.

Привлечение иностранного капитала в акционерной форме: опыт КНР

© 1997

П.Мозиас

(Окончание, начало в ПДВ № 1 1997 г.)

4. Проблемы формирования фондового рынка с иностранным участием

Начало выпуска в Китае акций для зарубежных инвесторов вызвало значительный интерес в международных деловых кругах. Первые шаги по "открытию" фондового рынка воспринимались как еще одно подтверждение готовности руководства КНР развивать и дальше сотрудничество с иностранным капиталом. К тому же они совпали по времени с окончанием периода антиинфляционной политики "урегулирования" 1988-1991 г. и вступлением китайской экономики в очередную фазу ускоренного роста. Интерес к акциям китайских предприятий укладывался в общую тенденцию, свойственную мировым рынкам капитала в 1992-1993 гг.: вследствие снижения процентных ставок в США и других развитых государствах средства международных институциональных инвесторов устремились на "нарастающие рынки", в том числе в странах Восточной Азии.

Агрегатные индексы акций типа "В" в Шанхае и Шэньчжэне в 1992-1993 гг. переживали длительные периоды бурного роста, хотя и были подтверждены значительными колебаниями. А прирост индекса акций типа "Н" во второй половине 1993 г. опережал темпы увеличения индекса "Хан Сен" главного индикатора фондового рынка Гонконга, более чем на 80%-ных пунктов. Три предприятия - эмитента акций "Н" (Мааньшаньский сталелитейный комбинат, Шанхайский нефтехимический завод и пивзавод Циндао) вошли в 1993 г. в "пятерку" компаний, аккумулировавших наибольшие суммы капитала на гонконгском рынке¹.

Предприятия - эмитенты, как правило, относились к числу лидеров в своих отраслях. Средства, мобилизованные на фондовых рынках, предполагалось использовать прежде всего для их технологической модернизации. Реорганизация предприятия в акционерные общества с иностранным участием должна была выступить средством повышения их эффективности - как за счет перестройки менеджмента, так и за счет изменений во взаимоотношениях с государством. К примеру, в результате акционирования доля иностранных инвесторов в уставных капиталах завода электронно-вакуумной аппаратуры и нефтехимического завода в Шанхае превысила 25%, и эти предприятия стали уплачивать подоходный налог по ставке для СП в 33% - вместо

Мозиас Петр Михайлович, кандидат экономических наук, научный сотрудник ВНИИ внешнеэкономических связей при Министерстве экономики РФ

55%, уплачивавшихся в то время госпредприятиями. В последствие штаб-квартиры обеих компаний переехали в преференциальную "зону развития" Пудун в восточной части Шанхая, в результате чего ставка налога снизилась еще больше - до 15%². Для некоторых предприятий, расположенных во внутренних провинциях, а не в приморских зонах с особо льготным инвестиционным режимом, налоговые обязательства были снижены в индивидуальном порядке - благодаря инициативам местных властей. В частности, такие привилегии были предоставлены Мааньшаньскому сталелитейному комбинату (провинция Аньхуэй) и Куньминскому машиностроительному заводу (провинция Юньнань)³.

В ряде случаев (Мааньшаньский комбинат, Шаньхайский нефтехимический завод, Шаньдунский энергетический комплекс) акционирование сопровождалось разрешением реализовывать большую, чем раньше, долю продукции по свободным рыночным ценам, что особо важно для предприятий тяжелой промышленности и энергетики - отраслей, традиционно подверженных наиболее жесткому государственному регулированию. Превращение в акционерные общества в определенной мере способствовало также разгрузке балансов предприятий от многочисленных объектов социальной сферы. Например, при акционировании завода полиграфического машиностроения "Бэйжэнь" все такого рода объекты были переданы в ведение вышестоящей государственной организации⁴.

Тем не менее период эйфории инвесторов по поводу китайских акций оказался сравнительно недолгим. Общие предпосылки для изменения ситуации были созданы корректировкой макроэкономической политики китайского правительства. Увеличение темпов экономического роста, начавшееся в 1992 г., сопровождалось резким ускорением инфляции, и в целях борьбы с наметившимся "перегревом" экономики власти были вынуждены уже в середине 1993 г. перейти к сдерживанию роста методами жесткой кредитно-денежной политики. Непосредственное воздействие повысившихся процентных ставок на поведение иностранных инвесторов не могло быть значительным - к ввиду неразвитости механизмов перелива капитала между отдельными финансовыми рынками, так и из-за относительной изолированности рынков акций для зарубежных инвесторов. Гораздо более важным оказалось опосредованное влияние: меры по "связыванию" совокупного спроса повлекли за собой сокращение заказов на продукцию акционированных предприятий.

Речь шла не только об абсолютном сокращении спроса, но и о неплатежах покупателей за фактически поставленную продукцию. Уже к концу 1993 г. у четырех из шести предприятий, разместивших акции в Гонконге (завод "Бэйжэнь", Куньминский машиностроительный завод, Мааньшаньский комбинат и пивной завод Циндао) темпы увеличения просроченной кредиторской задолженности намного перекрыли темпы прироста продаж. Например, у пивзавода Циндао при увеличении продаж в течение 1993 г. на 35% задолженность покупателей выросла на 230%⁵.

Кредитные ограничения оставались в силе и два последующих года: успехи в борьбе с инфляцией были достигнуты только к концу 1995 г. В таких условиях стартовые преимущества акционированных предприятий как прибыльных объектов для вложений оказались под сомнением. Достаточно показательны в этом плане данные по предприятиям - эмитентам акций типа "Н". В 1995 г. прибыли Мааньшаньского комбината и шанхайского судостроительного предприятия "Хайсин" сократились более чем на 90%, у завода телекоммуникационного оборудования г. Чэнду - на 80%, у машиностроительного завода г. Цинлин - на 66%, у Куньминского машиностроительного - на 25%⁶.

Планы использования мобилизованных средств на техническую реконструкцию в большинстве случаев остались нереализованными. Более того, у предприятий, впервые вышедших на фондовые рынки в 1994-1995 гг., изменился характер мотивации к акционированию. Привлечение иностранных портфельных инвестиций стало восприниматься многими хозяйственниками как альтернативный слишком дорогому банковскому кредиту метод пополнения ликвидности для ведения текущих операций.

Существенные и сами по себе, трудности приспособления к жесткой финансовой политике выявили глубокие проблемы акционерных обществ с иностранным участием, связанные с недостаточно четким разграничением прав собственности. В особенности это касается наиболее распространенного на практике случая, когда акции иностранных инвесторов реализует еще недавно полностью государственное предприятие. Обычно государство сохраняет за собой настолько значительную часть акций, что трудно говорить о реальных возможностях влияния на деятельность предприятия со стороны привлекаемых инвесторов. Да и само понятие "контрольного пакета" является достаточно эфемерным в условиях, когда и китайские и иностранные инвесторы не могут покупать акции, для них специально не предназначенные. В то же время, учитывая многочисленность административных ведомств, от которых обычно зависит китайское предприятие, трудно определить, какое из них и в какой форме должно представлять интересы государства и нести ответственность в пределах доли государства в акционерном капитале. На практике решение этого вопроса зависит от соотношения сил отдельных групп правящей бюрократии. В такой ситуации ни китайские, ни иностранные частные инвесторы не могут эффективно воздействовать на формирование управленческих структур компаний. До сих пор назначение менеджеров происходило в основном по традиционным номенклатурным принципам.

В итоге отсутствие действенного контроля со стороны собственника приводит к реализации акционированными предприятиями преимущественно краткосрочных интересов, часто не связанных с профилем деятельности. Например, администрации пивного завода Циндао и электротехнического предприятия "Дунфан" использовали привлеченные средства иностранных инвесторов для ведения кредитных операций, а руководство завода "Бэйжэнь" на операции с недвижимостью⁷. Госструктуры, выступающие учредителями компаний с китайской стороны, на деле рассматривают эти средства как возможность получения "быстрых денег", а не в плане интересов стратегического инвестирования. Именно этим, видимо, можно объяснить тот факт, что, несмотря на финансовые трудности последних лет, многие предприятия регулярно выплачивали акционерам весьма щедрые дивиденды.

На ликвидности акций для иностранных инвесторов негативным образом сказываются и проблемы, связанные с недостаточной развитостью в КНР рынков факторов производства. Рынки промышленного оборудования, прав пользования земельными участками, производственных помещений находятся только на стадии формирования, и это затрудняет адекватную оценку активов акционируемых предприятий. При первичной эмиссии акций китайские специалисты исходят обычно из оценок балансовой стоимости, которые завышают реальный потенциал доходности и не подтверждаются рынком в ходе последующих биржевых котировок. Запрет на допуск иностранных инвесторов к срочным сделкам с валютой препятствует страхованию валютных рисков, связанных с операциями на рынке акций типа "В". Держатели таких акций могут осуществлять операции на биржах только через иностранные брокерские фирмы. Те же из брокеров, кто не представлен на биржах непосред-

ственно, вынуждены осуществлять сделки через своих китайских агентов. Это удлиняет сроки прохождения информации и, соответственно, увеличивает уязвимость операций от колебаний валютных курсов.

Индексы акций типа "В" достигли максимальных за все время значений в конце 1993 г. Вслед за этим на рынках возобладала долгосрочная понижательная тенденция. Значение шанхайского индекса снизилось со 105,78 в конце декабря 1993 г. до 62,80 в конце декабря 1994 г., то есть более чем на 40%. В течение 1995 г. индекс упал еще почти на 20% - до 51,39 в середине января 1996 г. По сходной траектории двигался и шэньчжэньский индекс. Общий оборот шанхайского рынка в 1995 г. составил лишь около одной трети от уровня 1994 г.⁸ В течение этих двух лет сложились определенные закономерности сезонной динамики индексов. Скольжение вниз ускорялось после того, как в апреле-мае становились известными разочаровывающие данные о прибыльности компаний. Затем, в третьем квартале, по мере того, как проходил шок от объявления финансовых результатов за предыдущий год, начиналось оживление, так как на рынке активизировались долгосрочные игроки. С середины осени падение возобновлялось.

Индекс акций типа "Н" начал движение вниз с середины декабря 1993 г. До определенного момента его снижение можно было объяснить общим переломом тенденций на фондовом рынке Гонконга, связанным с повышением процентных ставок в США и последовавшим вскоре оттоком спекулятивного капитала с "нарождающихся рынков". Однако в 1995 г. на гонконгском рынке начался новый подъем: индекс "Хан Сен" вырос за год на 26%. В то же время индекс акций типа "Н" снизился в течение 1995 г. на 29%⁹.

Эту картину дополняют данные о динамике коэффициента цена/выручка ("отношение цены акции к выручке на акцию"). Для акций типа "В" в момент их наибольшей популярности в 1992 г. он достигал в среднем 30-40, но к середине 1996 г. снизился в среднем до 8 в Шэньчжэне и 11 в Шанхае¹⁰. При первичном размещении акций типа "Н" пивзавода Циндао в июле 1993 г. этот показатель составлял 17,9, и при этом спрос на акции более чем в 100 раз превысил предложение¹¹. Однако когда в июне 1994 г. на гонконгский рынок впервые вышли акции стекольного завода "Лоян" - первого из второй группы эмитентов акции "Н";, то этот коэффициент составлял всего лишь 10,5, и при этом спрос был удовлетворен полностью¹². При первичном размещении акций "Н" завода текстильного машиностроения "Цзинвей" в феврале 1996 г. этот показатель составил лишь 7,2¹³. Свидетельством застоя в развитии рынка можно считать и резкое сокращение числа новых выпусков в 1995-1996 гг.

Низкая ликвидность акций и высокий риск операций с ними способствовали быстрому вымыванию с рынков сколь-нибудь крупных индивидуальных инвесторов из-за рубежа. В последние годы иностранные инвестиции осуществлялись главным образом через специализированные инвестиционные фонды, позволяющие диверсифицировать риски вложений. Обычно сфера деятельности таких фондов не ограничивается сделками с акциями типов "В" или "Н", а включает широкий набор так называемых "китайских игр" - операций с акциями компаний, имеющих интересы в КНР. К числу последних относятся гонконгские, тайваньские и южно-корейские фирмы, занимающиеся торговлей с КНР или разместившие там базы экспортного производства, а также "красные фишки" - гонконгские филиалы крупных государственных компаний КНР.

К середине 1994 г. за пределами КНР было создано около 40 инвестиционных фондов, занимающихся операциями с китайскими акциями¹⁴. Их

организация активно поощрялась китайской стороной. В создании некоторых фондов непосредственно участвовали государственные органы КНР, отвечающие за привлечение иностранных инвестиций.

Другим средством оживления рынков призваны были стать "американские депозитарные расписки" (АДР) - производные ценные бумаги, выпускаемые американскими банками, в которых депонируются акции иностранных компаний. АДР сами по себе являются объектом операций на фондовых рынках США и других стран. Соответствующие банковские гарантии должны повысить престиж акций китайских предприятий-эмитентов и одновременно - уменьшить риск операций с ними для иностранных инвесторов. Первый в Китае выпуск АДР был осуществлен в декабре 1993 г. шанхайским предприятием - производителем оборудования для текстильной промышленности "Ерфанци", выпустившим ранее акции типа "В"¹⁵. В дальнейшем к размещению АДР прибегли многие эмитенты акций типов "В" и "Н". Кроме того, все выпуски акций типа "№" осуществляются в форме АДР, так как законодательство США запрещает свободное хождение в стране ценных бумаг нерезидентов.

Однако основные надежды на оживление рынков, по-видимому, связаны все же с возможным смягчением кредитно-денежной политики, а в более долгосрочной перспективе - со снятием многих из ныне действующих ограничений, с расширением фондового рынка с иностранным участием и качественным совершенствованием его инфраструктуры. Есть веские основания полагать, что практика предоставления отдельным группам инвесторов разных наборов прав и обусловленная этим фрагментация фондового рынка уже превратилась в тормоз, сдерживающий приток иностранных инвестиций. В пользу такого вывода свидетельствует тот факт, что с началом застоя на рынках акций "В" и "Н" приток зарубежных портфельных инвестиций в КНР на деле не замедлился, а нашел себе иное русло.

В последние годы гораздо более популярными, чем операции через биржу, стали непосредственные вложения в уставные капиталы действующих предприятий, не прошедших процедуры акционирования и листинга. В литературе такой метод инвестирования часто называют "прямыми инвестициями", но, по-видимому, правильнее охарактеризовать его как "прямые покупки". Речь в данном случае идет не о вложениях с целью долгосрочного контроля за производственной деятельностью предприятия и освоения определенных товарных рынков, а об операциях спекулятивного характера. Собственно иностранные инвестиции при этом сводятся к краткосрочным денежным вливаниям. Ставится задача быстро повысить привлекательность активов предприятия и затем выгодно перепродать их.

По некоторым оценкам, объем инвестиций через "прямые покупки" уже как минимум в два раза превосходит сумму вложений в акции типа "В". Важно при этом, что такой метод позволяет преодолевать некоторые ограничения, свойственные сложившейся структуре фондового рынка. Суммы активов не подвергаются искусственному делению на предназначенные для внутренних и внешних инвесторов, и это позволяет иностранным вкладчикам реально приобрести контрольные пакеты предприятий. Процедура оценки менее бюрократизирована, и цена активов в отношении к их доходности оказывается обычно в 3-4 раза дешевле, чем при покупках акций "В" и "Н"¹⁶.

Простейший механизм "перепродажи" - нахождение покупателя, долгосрочного инвестора. Но в ряде случаев инвестиционные фонды, осуществляющие "прямые покупки", используют связи в государственных ведомствах КНР, чтобы добиться акционирования предприятия и реализации его активов

через фондовый рынок. Возможным вариантом является также "упреждающий" выпуск конвертируемых облигаций с перспективой их последующего обмена на акции. Очевидно, что такая практика способствует расширению сферы операций с акциями, доступных иностранцам.

Существующие ограничения размываются и происходящим де-факто вовлечением средств граждан КНР в сделки с акциями типа "В". Еще в середине 1994 г. правительство в попытке стимулировать спрос на такие акции разрешило их покупку гражданами Китая, проживающими за рубежом. Таким образом инвесторы внутри страны, имеющие доступ к конвертируемой валюте, получили возможность вести операции с акциями "В" через подставных лиц. По некоторым оценкам, в настоящее время в Шанхае на национальных инвесторов уже приходится 20-25% капитализации рынка акций "В" и 50-60% - оборота торгов¹⁷. В Шэньчжэне эти показатели, предположительно, еще выше. Дело в том, что здесь почти официально в качестве параллельной денежной единицы используется гонконгский доллар, и доступ к валюте вообще не является проблемой.

1 мая 1996 г., впервые за почти три года, Народный Банк Китая снизил учетную ставку, просигнализировав тем самым о некотором ослаблении денежной политики. Что еще более примечательно, с конца апреля начался быстрый и весьма неожиданный с точки зрения сезонных тенденций прошлых лет рост шэньчжэньского индекса акций типа "В". Непосредственным толчком к этому послужило заявление местных властей о намерении предоставить дополнительные преференции некоторым эмитентам таких акций и допустить на рынок новые предприятия. К середине июня индекс вырос почти на 60% по сравнению с началом года, но затем началось быстрое снижение. По единодушному мнению наблюдателей, "разогрев" рынка произошел вследствие активности местных, а не иностранных инвесторов. В Шанхае в тот же период динамика была иной: продолжалось плавное скольжение вниз, с некоторым ростом в середине июня - очевидно, под влиянием событий на шэньчжэньском рынке¹⁸.

По-видимому, именно в Шэньчжэне можно ожидать в первую очередь восстановления устойчивой положительной динамики и снятия многих из ныне действующих ограничений. Эти процессы будут стимулироваться предстоящим в середине 1997 г. возвращением Гонконга под юрисдикцию КНР и ускорением интеграции экономик Шэньчжэня и Гонконга. По имеющейся информации, в преддверие воссоединения китайские власти стремятся активизировать свое проникновение на финансовые рынки Гонконга. Ожидается, что к середине 1997 г. число выпусков акций типа "Н" может, по крайней мере, удвоиться. Уже сейчас на акции "Н" и "красные фишки" приходится около 5% капитализации фондового рынка Гонконга, а к середине 1997 г. этот показатель может увеличиться до 15%¹⁹. Очевидно, что эти процессы могут повлечь за собой быстрое стирание различий между акциями типов "А", "В" и "Н", как, впрочем, и рост интереса к вложениям в акции всех категорий.

В то же время не стоит сбрасывать со счетов и долгосрочные перспективы шанхайского рынка. Его капитализация (около 2 млрд. долл.) в настоящее время почти в два раза превышает шэньчжэньскую. В отличие от Шэньчжэня большинство здешних эмитентов акций "В" и "Н" - это не небольшие предприятия-экспортеры, а крупные объекты импортзамещающей промышленности. Акции таких отраслей обычно является наиболее популярным объектом фондовых операций. С начала 90-х годов в городе осуществляется комплексная программа развития, призванная вернуть Шанхаю роль одного из финансовых центров АТР. Наконец, если практика акционирования с ино-

странным участием распространится на другие регионы КНР, то само положение города на границе Северного и Южного Китая может способствовать реальному превращению его в общенационального лидера фондового рынка.

5. Уроки китайского опыта и Россия.

Условия, в которых происходит в Китае подключение иностранного капитала к процессам акционирования, достаточно сильно отличаются от российской ситуации. Если в России уже осуществлено массовое акционирование в прошлом государственных предприятий, то в Китае развитие акционерной системы происходит довольно медленно, и число преобразованных таким образом предприятий остается сравнительно небольшим. Различны и политические условия, в которых протекают в двух странах процессы акционирования. В России политика приватизации официально провозглашена одной из необходимых составляющих перехода к новому состоянию общества. Напротив, стратеги экономической реформы в Китае настаивают на том, что в их стране акционирование госпредприятий не имеет ничего общего с приватизацией, а является дополнением и развитием традиционных социалистических методов хозяйствования. Тем не менее некоторые выводы из изучения китайского опыта представляются весьма полезными для разработки перспективной политики привлечения иностранных инвестиций в экономику России.

Отличительная черта китайской практики сотрудничества с иностранным капиталом - это многообразие форм привлечения инвестиций. Между тем в России (СССР) еще с перестроечных времен ставка делалась на весьма ограниченный набор форм инвестиционного сотрудничества, причем сравнительно сложных: сначала - паевых СП и предприятий полной иностранной собственности, а в последствие - акционерных обществ с иностранным участием. Однако, несмотря на то, что со времени принятия в СССР первых нормативных актов о совместном предпринимательстве прошло уже почти 10 лет, не приходится сомневаться в том, что речь в нашей стране все еще идет о начальном периоде привлечения капиталовложений - периоде, когда зарубежные инвесторы рассматривают принимающую страну как новое, высокорискованное поле деятельности. Аналогичный период в КНР пришелся на первую половину 80-х годов. Китайский опыт свидетельствует, что на этой стадии эффективно применение относительно простых форм кооперации (поручительские контракты, компенсационная торговля, контрактные СП), позволяющих существенно снизить риск капиталовложений.

Сотрудничество в таких формах, как правило, не приводит к устойчивым связям по передаче технологии. Однако такого рода проекты, реализуемые обычно в трудоемких отраслях промышленности, работающих на экспорт, перспективны для принимающей страны с точки зрения извлечения доходов в конвертируемой валюте и создания дополнительных рабочих мест. В российских условиях активное использование этих форм могло бы способствовать загрузке простаивающих производственных мощностей и смягчению проблемы безработицы.

Тем более не стоит рассматривать как уже пройденный этап сотрудничество в таких формах, как паевые совместные предприятия и филиалы полной собственности. Не следует забывать, что в период наибольшей популярности СП в конце 80-х - начале 90-х годов главными сферами их деятельности были не производство, а торговля, посредничество и другие виды услуг. До массового создания СП в отраслях обрабатывающей промышленности дело так и не дошло. Условия для этого еще предстоит создать - как за

счет стабилизации общей политической и экономической ситуации в России, так и за счет специальных мер по поощрению инвестиций из-за рубежа.

Именно на той стадии, когда экономика страны уже выйдет на стадию устойчивого роста и стабилизируется приток иностранных прямых инвестиций в отрасли материального производства, возникнут условия и для по-настоящему активного использования акционерной формы совместного предпринимательства и механизма иностранных портфельных инвестиций. Важно иметь в виду при этом, что использование акционерной формы наиболее эффективно для реализации крупномасштабных проектов в импортзамещающих и инфраструктурных отраслях. При реализации относительно небольших по размерам проектов и в дальнейшем вполне оправдано будет применение более простых форм сотрудничества.

Сторонники ускоренного развития акционерной формы привлечения инвестиций обычно аргументируют свою позицию тем, что такая организационно-правовая форма предпринимательства наиболее привычна иностранным партнерам по опыту работы в стране происхождения инвестиций. Утверждается также, что скорейшее "открытие" российского фондового рынка для иностранных инвесторов будет способствовать внедрению лучших мировых стандартов фондовых операций. Такие доводы вызывают целый ряд возражений. Начнем с того, что и в развитых странах корпорация или акционерное общество открытого типа - отнюдь не единственная форма делового предприятия. Часто выпуск акций и корпоративизация являются шагом в развитие бизнеса, уже существующего в форме партнерства или общества с ограниченной ответственностью.

Но гораздо более важно другое. Создание благоприятных условий для иностранных предпринимателей - это, безусловно, важная, но не единственная составляющая политики привлечения инвестиций. Политика государства в этой области должна быть привязана к комплексной стратегии национального развития, частью которой является и стратегия формирования национальных рынков капитала. Мировой опыт свидетельствует, что создание развитой инфраструктуры фондового рынка - это длительный процесс, распадающийся на отдельные достаточно продолжительные этапы. Мероприятия по акционированию, проведенные к настоящему времени и в России, и в Китае лишь положили начало этому процессу. По разным причинам (в Китае - из-за фактического сохранения государственного контроля над предприятиями, в России - вследствие происшедшей "колхозизации" промышленности) акционирование пока не привело к формированию отношений собственности, способствующих приходу на предприятия "стратегических инвесторов". Каналы инвестирования еще нуждаются в дополнительном отлаживании. Если же учесть "недооцененность" активов предприятий, продающихся по ценам во много раз ниже их балансовой стоимости, то крупномасштабное "открытие" фондового рынка в таких условиях приводит к господству на рынке инвестора - спекулянта. Даже отсутствие административных барьеров для покупки иностранными инвесторами контрольных пакетов акций, как показывает российский опыт, не способствует притоку капиталовложений с целью реального контроля над производством.

В то же время чрезмерная "открытость" фондового рынка в условиях его недостаточной зрелости и тем более, как это имеет место в России, паразитического внутреннего инвестиционного процесса ведет к тому, что параметры развития рынка начинают определяться не внутривнутриотраслевыми факторами, а импульсами мирохозяйственной конъюнктуры. С точки зрения экономической безопасности страны нельзя считать нормальной ситуацию, сложившуюся в

настоящее время в России, когда до 70% оборота фондового рынка приходится на иностранные инвестиционные фонды. Речь идет не о неких психологических страхах зависимости от "мирового капитала", а о вполне конкретных макроэкономических проблемах. Опыт КНР, как и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона, показывает, что массированный приток спекулятивного капитала из-за рубежа может привести к резкому скачку спроса на национальную валюту, а это в свою очередь, чревато либо сокращением объемов экспорта, либо ускорением инфляции. С другой стороны, внезапный отток инвестиций (не только из-за внутривосточных факторов, таких как политическая дестабилизация, но и просто из-за возникновения иного, более выгодного, места приложения капитала, например вследствие повышения процентных ставок на Западе) может привести к резкому обвалу курса национальной валюты, что также приводит к взрыву инфляции, а затем - и к спаду в экономике. Степень риска еще более возрастает, если в страну со слаборазвитыми и неустойчивыми финансовыми рынками привлекаются иностранные краткосрочные инвестиции для финансирования дефицита госбюджета. Наиболее наглядный пример возможных катастрофических последствий - это история мексиканского краха в декабре 1994 г. О вероятности такого развития событий следует помнить тем, кто возлагает надежды на "золотой дождь" иностранных портфельных инвестиций, который, по уверениям многих, вот-вот польется на Россию.

Поэтому нет ничего зазорного в установлении более жестких, чем ныне действующие, ограничений на деятельность в России иностранных портфельных инвесторов. Богатый набор такого рода механизмов регулирования накоплен во многих странах АТР; не только в Китае, но и в новых индустриальных странах, и в странах АСЕАН. Разумеется, в современной России речь не может идти о прямом заимствовании китайского опыта фрагментации фондового рынка - выпуске различных типов акций для национальных и иностранных инвесторов. В самом Китае такого рода ограничения уже стали препятствием к повышению ликвидности рынка. Вполне оправданным представляется использование инструментов регулирования, апробированных в таких странах, как Тайвань и Южная Корея - например, установление максимально допустимой доли иностранных инвестиций в капитализации национального фондового рынка и максимальной доли иностранных инвесторов в акционерном капитале одной компании, с перспективой постепенного увеличения этих нормативов по мере развития национального рынка капиталов. В отдельных отраслях экономики продажа акций иностранным инвесторам может быть на определенный период запрещена или ограничена. Представляется, что в недалеком будущем такого рода методы регулирования могут быть взяты на вооружение и в Китае.

Наконец, в более широком плане вызывает большие сомнения уже само по себе стремление сделать фондовый рынок в ближайшей перспективе главным механизмом перераспределения ресурсов в российской экономике, а иностранные портфельные инвестиции - чуть ли не главным источником экономического роста. Вообще говоря, главенствующая роль фондового рынка в регулировании финансовых потоков свойственна лишь англосаксонской экономической модели (США и Великобритания), а в таких странах, как Франция, Япония, ФРГ эту функцию традиционно выполняет банковское кредитование. Тем более это верно для новых индустриальных стран Азии, где в 60-70-е годы стояли задачи, во многом сходные с теми, что приходится решать сейчас России. Фондовые рынки в этих странах существовали и тогда, но по своему экономическому значению часто сравнивались экспертами с казино:

можно зарабатывать большие деньги, но это мало отражается на макроэкономических процессах. Постепенное возрастание роли фондового рынка и либерализации доступа на него иностранных инвесторов в этих странах происходили только по мере достижения национальной рыночной экономикой определенной стадии зрелости.

Как представляется, и в российских условиях речь должна идти не об ускоренном насаждении форм хозяйственной организации, свойственных развитым странам, а о постепенном вызревании этих форм из самой жизни. Поучительным примером такого подхода как раз и является китайский опыт развития акционерной формы привлечения инвестиций.

- 1 China Business Review. - 1994. - May-June. - P. 45.
- 2 Far Eastern Economic Review. - 1993. - November 11. - P. 73; China Daily. Business Weekly. - 1992. - March 22.
- 3 Far Eastern Economic Review. - 1993. - October 28. - P. 78= December 9. - P. 68.
- 4 Ibid. - 1993. - July 29. - P. 56.
- 5 Financial Times. - 1994. - May 6.
- 6 Far Eastern Economic Review. - 1996. - May 16. - P. 86.
- 7 Ibid. - 1996. - April 4. - P. 60.
- 8 China Daily. - 1996. - January 25; Financial Times. - 1996. - January 22.
- 9 Far Eastern Economic Review. - 1996. - April 4. - P. 60.
- 10 Financial Times. - 1996. - June 24.
- 11 China Business Review. - 1994. - May-June. - P. 45.
- 12 Financial Times. - 1994. - June 30.
- 13 Ibid. - 1996. - January 24.
- 14 China Daily. Business Weekly. - 1994. - June 5-11.
- 15 China Daily. - 1993. - December 25.
- 16 Гоцзи маои взънти. - 1996. - № 1. - С. 45-47; Far Eastern Economic Review. - 1994. December 15. - P. 50-51.
- 17 Financial Times. - 1996. - June 24.
- 18 Ibid.
- 19 Far Eastern Economic Review. - 1995. - November 23. - P. 62.

Борьба за признание независимости Монголии

© 1997

Ю.Гарушняц

В истории по-разному складывались отношения Монголии со своими великими соседями - Россией и Китаем. Была целая эпоха, когда империя Чингис-хана и его потомков властвовала над огромной территорией Азии и Восточной Европы, включая земли Китая и России. Двести лет русские князья платили дань монгольским ханам. Почти век (1280-1379) Китай находился под властью монгольской династии Юань. В XVII в. Монголия после длительного периода феодальных междоусобиц была порабощена Китаем, в котором в то время уже господствовала чужеземная маньчжурская династия Цин. Монгольский народ не раз поднимался на вооруженную борьбу против Цинов. Но только в ходе антиманьчжурской революции 1911 г. в Китае монголам удалось объявить о своем государственном отделении. Реальная угроза вновь оказаться под властью Китая дополнялась для Монголии опасностью установления господства царской России. В результате сложной дипломатической борьбы в 1915 г. Китай согласился подписать тройственное соглашение представителей России, Китая и Монголии, в результате чего Монголия вынуждена была признать суверенитет Китая, а Россия и Китай взяли на себя роль гарантов автономного статуса Монголии, лишив ее права заключать договоры с иностранными государствами по политическим и территориальным вопросам.

Положение дел кардинально изменилось после установления советской власти в России. В 1919 г. китайский генерал Сюй Шучжен провел карательную экспедицию в Монголию и установил там свою военную диктатуру. Советская власть незамедлительно бросила вызов китайской военщине. Руководство большевистской партии, учитывая недовольство, охватившее все монгольское общество, стало открыто поддерживать революционных лидеров монгольского народа, формировать на территории России, обучать и вооружать отряды монгольских партизан, которые в 1921 г. при решающей помощи Красной Армии вошли в столицу Улан-Батор и осуществили "народную революцию", вновь провозгласив создание независимого государства. Участие в этих событиях Красной Армии объяснялось необходимостью "защиты русской революции от белых армий" (частей барона Унгерна), укrywшихся в Монголии.

5 ноября 1921 г. Советское правительство признало "единственно законным правительством Монголии Народное правительство Монголии"¹. В со-

Гарушняц Юрий Мисакович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

стоявшейся в тот же день беседе с монгольской делегацией вождь большевистской партии особо подчеркнул, что без союза с Россией независимость Монголии не может быть обеспечена. "Тов. Ленин разъяснил нашей делегации международное положение нашей страны и указал, что в силу географического положения МНР империалистические державы в случае войны будут стремиться захватить нашу страну и превратить ее в плацдарм военных действий против другой страны. Поэтому, сказал Ленин, единственно правильным путем для всякого трудящегося вашей страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России"². Это высказывание Ленина легло в основу внешнеполитической деятельности советского государства, направленной на сохранение Монголии в сфере своего влияния.

Вместе с тем СССР всячески старался не обострять споров с Китаем по вопросу о территориальной принадлежности Монголии. Так, руководители советской внешней политики, чтобы сбить накал националистических страстей во всех слоях китайского общества (от либералов до правоконсервативных сил) накануне развернувшегося в стране национально-объединительного движения, проявили исключительную гибкость. В январе 1923 г. полпред СССР в Китае А.Иоффе подписал с главой революционного Юга - Сунь Ятсе-ном коммюнике, в котором от имени Советского правительства заявил об отсутствии намерений "экспортировать социальную революцию", а также "вызвать" отпадение Внешней Монголии от Китая. Ценой таких обещаний ему удалось получить согласие Гоминьдана на присутствие частей Красной Армии в Монголии и одновременно удовлетворить националистические амбиции реакционных северных генералов³. Дипломатические переговоры с центральным правительством в Пекине закончились в мае 1924 г. подписанием советско-китайского соглашения, в котором говорилось, что "Правительство Союза ССР признает, что Внешняя Монголия является составной частью Китайской Республики и уважает там суверенитет Китая"⁴. Однако стремительное развитие событий, связанных с провозглашением в июне 1924 г. независимой Монгольской Народной Республики, создало тупиковую ситуацию в советско-китайских отношениях и даже грозило подорвать революционные связи между Коминтерном и Гоминьданом⁵.

В желании придать этим связям более устойчивый характер и вывести их на новый уровень, Советское правительство стало широко использовать МНР как важную базу для оказания помощи революционному Китаю⁶. Вследствие этого заметно изменился и тон заявлений СССР относительно Монголии. В конце 1924 г. советский нарком иностранных дел Г.И.Чичерин твердо заявил: "Советский Союз признает МНР частью Китайской Республики. Вместе с тем СССР исходит из того, что автономия Монголии достигла такой стадии, когда она, как независимое государство, может решать не только свои внутренние проблемы в отрыве от Китая, но способна проводить свою независимую политику и в сфере внешних сношений"⁷. Как свидетельствуют последующие события, эта внешнеполитическая линия МНР получила известное развитие. Так, 8 февраля 1927 г. по сообщению представителя Гоминьдана в Москве, к нему явился полпред Монголии в Москве Б.Боянчуулган и предложил от имени своего правительства официально признать Национальное правительство Китая, а последнему - правительству Монголии, опубликовать совместный манифест о задачах национального движения и о взаимной помощи, а также обменяться представительствами и, наконец, подписать политический и военный договор о взаимной защите в случае нападения третьей стороны⁸. Однако предложения МНР не были приняты руководством Гоминьдана.

В конце 20-х - первой половине 30-х гг. номинально автономная, а на деле независимая Монгольская Народная Республика твердо следовала в русле внешнеполитической стратегии Советского Союза.

С середины 30-х гг., когда угроза войны нависла над всем миром, Коминтерн и его руководящая секция ВКП(б) берут курс на создание единых фронтов коммунистических партий с партиями и организациями, готовыми противостоять силам агрессии - фашистской Германии на Западе и милитаристской Японии на Дальнем Востоке. В условиях, когда Япония начала свою агрессию в Китае, советское правительство, опасаясь большой концентрации японских войск вблизи своих дальневосточных границ, предписало полпреду СССР в Китае Д.Богомолову вступить летом 1935 г. в переговоры с китайским правительством о заключении пакта о ненападении, преследуя таким образом цель не дать Гоминьдану втянуться в блок антикоммунистических сил и по возможности толкнуть его на путь решительной борьбы с японскими экспансионистами. В свою очередь и Чан Кайши, понимавший общность национальных интересов Советского Союза и Китая, искал повод встретиться с Богомоловым. На устроенной ему встрече с полпредом СССР Чан Кайши живо реагировал на заявление Богомолова, выразив желание "иметь такое существенное соглашение, которое действительно способствовало бы сердечным отношениям между Китаем и СССР и могло бы гарантировать мир на Дальнем Востоке"⁹, добавив к тому же, что "если имеется угроза обеим странам, то из одного источника"¹⁰. Дав добро на соглашение, Чан Кайши заметил: "В основу этих отношений он хотел бы положить декларацию Сунь Ятсена - Иоффе, сделанную ими в январе 1923 г."¹¹ Тем самым он как бы призывал руководство СССР более решительно отмежеваться от курса односторонней поддержки КПК, борющейся за установление власти Советов в Китае, выразив также сожаление по поводу разрыва с КПК, поставившей своей целью свержение центрального правительства. Он также добавил, что "рад слышать"¹² что "СССР сочувствует установлению единства в Китае... Без единства Китай всегда будет слабым", на что последовал ответ советского полпреда: "...без политического единства Китай не может оказать сопротивление иностранной агрессии"¹².

Шло время и советское правительство, крайне озабоченное японскими вылазками против Монголии, заключило в 1936 г. с правительством МНР "Протокол о взаимной помощи", смысл которого предельно четко выразил заместитель наркома индел Б.Стомоняков 2 марта 1936 г. в письме полпреду СССР в Японии: "Улан-Баторский протокол является новым звеном в той цепи последовательных действий, которыми мы обуздываем японскую агрессию против МНР. Теперь Япония уже конечно не сомневается в том, что завоевание ею Монголии привело бы к войне с Советским Союзом"¹³. Угрожающе прозвучало и заявление от 1 марта 1936 г., сделанное Сталиным: "В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике... Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 г."¹⁴ В ответ на подобного рода решительные демарши, министр иностранных дел Китая Чжан Цюн 7 апреля 1936 г. выступил с категорическим протестом, сославшись на статью советско-китайского соглашения 1924 г., в котором зафиксировано положение о том, что "СССР признает Внешнюю Монголию интегральной частью Китая и уважает суверенитет Китая над нею" и де потому иностранные государства не могут заключать с ней договоры или соглашения¹⁵. Нарком иностранных дел М.Литвинов 8 апреля 1936 г. отвел этот протест в силу его "необоснованности", поскольку ни факт подписания Протоко-

ла, ни отдельные его статьи не допускают и не заключают в себе каких бы то ни было территориальных притязаний СССР в отношении Китая или МНР. Подтвердив, что советско-китайское соглашение 1924 г. сохраняет свою силу и в дальнейшем, Литвинов заявил: "Что касается вопроса о формальном праве заключения Соглашения с автономными частями Китая, то достаточно напомнить заключение Советским правительством с правительством трех восточных провинций в Мукдене Соглашения от 20 сентября 1924 г., каковой акт не вызвал никаких протестов со стороны Правительства Китайской Республики"¹⁶.

Признавая на словах автономию Монголии, советские и монгольские руководители вместе с тем постоянно говорили о "независимой Монголии". Руководители МНР, недовольные тезисом о "двойном статусе" страны, высказались по этому поводу однозначно. В 1936 г. председатель Малого Хурала МНР А.Амор в ноте советскому послу в Улан-Баторе сделал официальное заявление: "Несмотря на то, что в договоре..., заключенном между Советским Союзом и Китаем в 1924 г., имеется статья, связанная с Монголией, этот договор касается договоренностей между СССР и Китаем, и МНР никогда не сможет признать его... Поэтому, если в дальнейшем со стороны какого-либо государства возникнет какой-нибудь вопрос, связанный с данным договором, она оставляет за собой право не признавать его"¹⁷.

Тем временем медленно, но неуклонно продвигалось дело с подписанием советско-китайского пакта о ненападении. Сталин, демонстрируя свое дружественное отношение к Нанкинскому правительству, принял меры для мирного разрешения Сианьского инцидента в декабре 1936 г., когда жизнь Чан Кайши оказалась на волоске от смерти, и затем содействовал отъезду в Китай после многолетнего пребывания в СССР Цзян Цзинго - сына Чан Кайши. Высоко оценив столь великодушные жесты Сталина, Чан Кайши дал своим дипломатам прямое поручение довести до конца советско-китайские переговоры. Китайская сторона предложила советской представить свой проект договора, указав при этом на необходимость учета в проекте китайской позиции в отношении Внешней Монголии и фиксации положения об отказе СССР от пропаганды коммунизма в Китае¹⁸. Условие Гоминьдана, касавшееся Монголии, заключалось в том, что "в Пакте не будет ничего, что влекло бы за собой нарушение китайского суверенитета"¹⁹. Советский Союз удовлетворил просьбу Китая в отношении Монголии, подтвердив в соответствующей статье договора 1937 г.: "Обязательства настоящего договора не будут истолкованы таким образом, чтобы нарушить или изменить права и обязательства, вытекающие для Высоких договаривающихся Сторон из двусторонних или многосторонних договоров или соглашений, подписанных Высокими сторонами и заключенных до вступления в силу настоящего договора"²⁰. За подписанием договора последовали шаги советского правительства для оказания помощи Китаю, ставшему жертвой агрессии японского милитаризма.

Советско-китайские отношения резко ухудшились в связи с подписанием СССР в апреле 1941 г. пакта о ненападении с Японией, дополненного Декларацией о взаимном уважении, территориальной целостности и неприкосновенности границ МНР и Маньчжоу-го²¹ - марионетчного государства, созданного Японией на территории Северо-Восточного Китая. Этот акт Советский Союз предпринял с целью обеспечения безопасности своих дальневосточных границ накануне нападения на страну фашистской Германии.

Китайская общественность, квалифицировала советскую политику как "национал-эгоистическую", как "измену" союзническим обязательствам²². Министр иностранных дел Китая Ван Чунхуэй 15 апреля 1941 г. заявил советскому правительству протест: "Китайское правительство и китайский народ

ни в коем случае не могут признать какое-либо соглашение, в соответствии с которым третья сторона нарушает территориальную и административную целостность Китая. Совместная декларация Советского Союза и Японии не имеет силы для Китая"²³.

В начале 1942 г. у китайского правительства появились планы ликвидации независимости Монголии и предоставления ей широкой автономии в составе Китая²⁴. Позднее в обоснование этого намерения Чан Кайши выступил с пространными рассуждениями, в соответствии с которыми монголы характеризовались как народ, якобы давно "поглощенный ханьцами (собственно китайцами) в результате многовековой культурной ассимиляции"²⁵.

Ходом последующих событий на фронтах мировой войны монгольский вопрос в советско-китайских отношениях несколько отодвинулся на задний план. Однако он вновь в полном своем объеме встал по мере окончания войны на западном фронте, когда Соединенные Штаты готовились к высадке американских войск в Японии. В этой связи США и Великобритания просили Советский Союз принять участие в разгроме японских войск на Дальнем Востоке, понимая, что помощь СССР сократит потери американцев и англичан. Перед СССР открывалась возможность предъявить в случае войны с Японией определенные претензии к ней, надеясь на понимание и принятие их англо-американскими союзниками. Первоначально некоторые конкретные предложения о послевоенных изменениях в регионе Дальнего Востока Сталин перечислил в беседе с американским послом Гарриманом 15 октября 1944 г. Среди них был затронут вопрос о независимости с МНР. Сталин высказался совершенно определенно - "сохранение статус-кво означает сохранение Внешней Монголии в качестве независимого субъекта"²⁶.

8 февраля 1945 г. в Ялте во время обсуждения этих вопросов Сталин совершенно отчетливо дал понять Рузвельту: "Если эти условия не будут удовлетворены, тогда ему и Молотову трудно будет объяснить советскому народу, почему Россия должна принять участие в войне против Японии. Если же эти условия будут удовлетворены, народ поймет, что речь идет о государственных интересах их страны и будет очень просто такое решение разъяснить на Верховном Совете"²⁷. По настоянию Сталина в окончательном тексте ялтинского Соглашения были зафиксированы политические условия советского участия в войне на Дальнем Востоке. 11 февраля 1945 г. участники антигитлеровской коалиции подписали в строго конфиденциальном порядке ялтинское Соглашение, в первом пункте которого было четко зафиксировано: "Сохранение статус-кво Внешней Монголии (Монгольская Народная Республика)"²⁸. Понимая, что решение по Монголии потребует согласия Чан Кайши, Рузвельт, по совету Сталина, взял на себя миссию уговорить китайского правителя.

В конце июня 1945 г. правительство Китая в связи с предстоящим участием СССР в войне против Японии направило в Москву представительную делегацию для решения вопросов, связанных с заключением Советско-китайского договора 1945 г., и в частности, с выполнением условий ялтинского Соглашения по Монголии, подписанного без участия Китая как великой державы. Предстояло также рассмотреть некоторые проблемы советско-китайских отношений, осложненных наличием в Китае мощной антиправительственной вооруженной оппозиции, возглавляемой КПК. Делегацию возглавил Сун Цзывэнь - шурина Чан Кайши, председатель исполнительной палаты, он же министр иностранных дел. В ее состав вошли сменивший в ходе переговоров Суна на посту министра иностранных дел Ван Шицзе, Цзян Цзинго - сын Чан Кайши, китайский посол в Москве Фу Бинчан, видные гоминьдановские эксперты по России - Пу Даомин, Лю Цзэжун и др., всего де-

вять человек. В течение полутора месяцев она провела несколько встреч с советской делегацией - И.В.Сталин, В.М.Молотов, С.А.Лозовский, посол СССР в Китае А.А.Петров. На этих встречах предметом острых дебатов, грозивших провалом переговоров, стал вопрос о том, как понимать положение о "статус-кво Внешней Монголии", зафиксированное в ялтинском Соглашении.

Еще в марте 1945 г. китайский посол в США Вэй Даоин обратился по просьбе Чан Кайши к американскому президенту высказаться по вопросу о том, как он понимает "статус-кво" МНР. 12 марта Вэй Даоин сообщил Чан Кайши о результатах своей беседы с президентом США: "мнение Рузвельта состоит в том, что статус-кво в отношении Внешней Монголии означает, что суверенитет над нею принадлежит Китаю. Похоже, здесь нет проблемы"²⁹.

Выявившиеся разногласия по вопросу о "статус-кво" отражали реальное положение дел, связанное с неразрешенной проблемой двойного статуса МНР: с одной стороны, МНР как территориальная часть Китая, признанная Советским Союзом по соглашениям 1924 и 1937 гг., с другой стороны, - МНР, согласно заявлениям советских и монгольских руководителей, независимый субъект международного права. Принципиальные разночтения такого рода сразу же проявились в ходе советско-китайского переговорного процесса. В самом начале переговоров, как следует из записи Цзян Цзинго, сохранившейся в президентском архиве на Тайване, "Сталин надменно и грубо что-то бросил в сторону Сун Цзывэня, добавив "видели ли вы это или нет?" Сун понял, что это ялтинское Соглашение: "Я знаком с ним лишь в общих чертах". Повысив голос, Сталин заявил ему: "Обсуждать проблемы Вы можете, но при переговорах необходимо в качестве аргумента принять за основу этот документ. Его подписал Рузвельт"³⁰ Наткнувшись на твердую позицию Сталина в монгольском вопросе, китайская делегация стала настойчиво просить американского посла в Москве Гарримана о том, чтобы Соединенные Штаты разъяснили свою позицию. На запрос Гарримана государственный секретарь США Бирнс ответил 4 июля телеграммой следующего содержания: "Как Вам известно, американское правительство не обсуждало статьи ялтинского Соглашения о том, как толковать статус-кво применительно к Монголии"³⁰. Сообщив далее, что правительство Соединенных Штатов не вправе давать официальную интерпретацию текста ялтинского Соглашения, Бирнс лично для сведения американского посла сообщил свое понимание вопроса: "Я понимаю этот пункт так: с "правовой" точки зрения суверенитет над Внешней Монголией принадлежит Китаю, а "фактически" он не может быть осуществлен"³¹. Через день, 6 июля 1945 г., посол США в Китае Хэрли сообщил госсекретарю о своей беседе с Чан Кайши, в ходе которой Чан высказал свое мнение по вопросу о "статус-кво": "Китайское правительство считает, что "статус-кво" означает, как это записано в советско-китайском соглашении от 31 мая 1924 г., что "Советский Союз признает Внешнюю Монголию частью Китая и уважает суверенитет Китая во Внешней Монголии"³².

Все попытки Сун Цзывэня уговорить Сталина пойти на уступки по монгольскому вопросу оказались безрезультатными, несмотря на то, что 2 июля 1945г. он прямо заявил Сталину, что "любое правительство в Китае, которое признает независимость Внешней Монголии, не сумеет удержаться у власти... Если же по вопросу о Внешней Монголии не удастся заключить соглашение, то это приведет к срыву переговоров"³³. Когда переговоры, из-за разной трактовки монгольского вопроса в тексте ялтинского Соглашения, зашли в тупик, Цзян Цзинго получил телеграмму от отца с поручением переговорить со Сталиным в качестве частного лица и разъяснить ему причины и

мотивы китайских властей, не признающих независимости Внешней Монголии. Выполняя волю отца, от встретился со Сталиным.

В самом начале беседы Сталин его спросил: "Почему Вы упорно не идете на уступки по вопросу о предоставлении Внешней Монголии независимости".

"Цзян Цзинго: "Вы должны понять, что в течение семи лет Китай ведет войну сопротивления во имя возвращения утерянных территорий. Сегодня Япония еще не изгнана, Северо-Восток и Тайвань мы еще не вернули. Все утерянные нами территории находятся в руках наших врагов. Отдать столь значительную территорию - не будет ли это означать утерю смысла войны сопротивления. Нам этого, конечно, не простит наш народ, который будет называть нас "торговцами государственной территорией". В таких условиях нация обязательно поднимется против правительства и тогда мы не сможем вести войну сопротивления. Поэтому мы не согласны на передачу России Внешней Монголии".

"Сталин: "В Ваших словах есть большой резон и это я могу понять. Однако и Вы должны понять, что сегодня не я прошу Вас о помощи, моей помощи просите Вы. Если у Вашей страны есть силы и Вы можете сами разгромить Японию, то я, конечно, не вправе выставлять требования. Сегодня у вас нет таких сил и то, что Вы говорите, есть вздор".

"Цзян Цзинго: "Почему Вы обязательно настаиваете на предоставлении независимости Внешней Монголии. Хотя ее территория и большая, но населения мало, неудобны пути сообщения, ничего особенного там не производится".

"Сталин: "Скажу Вам по правде. Я хочу Монголию, исходя целиком из военно-стратегических соображений". Вытащив затем карту и указывая на нее, он продолжал: "Если какая-либо военная сила нападет на Советский Союз из Монголии и сибирская магистраль будет перерезана, то России конец".

"Цзян Цзинго: "Сейчас Вам не стоит особенно беспокоиться по военным вопросам. Если Вы примете участие в войне против Японии, то после ее поражения она не сможет вновь возродиться и у нее не будет сил захватить Внешнюю Монголию и превратить ее в плацдарм для нападения на Советский Союз. Проявляя беспокойство о нападении на СССР из Монголии, кроме угрозы со стороны Японии, остается лишь угроза Китая, который заключает с Вами Договор о дружбе. Вы говорите о 25 годах (действия Договора. - Авт.), мы прибавим еще пять лет. За 30 лет Китай не сможет напасть на вас. И совершенно очевидно также, что если даже Китай захочет напасть на вас, то у него пока нет для этого сил".

"Сталин: "Вы не правы. Во-первых, Вы говорите, что после того как Япония будет разгромлена, она не сможет вновь захватить Внешнюю Монголию для нападения на Россию. Какое-то время возможно так оно и будет, но не всегда. Если Япония потерпит поражение, то японская нация вновь возродится".

"Цзян Цзинго: "Почему?"

"Сталин: "В мире можно уничтожить любую силу. Лишь силу нации, особенно такую как японскую, не уничтожить".

"Цзян Цзинго: "Германия капитулировала. Вы захватили ее часть. Возродится ли Германия снова?"

"Сталин: "Конечно, возродится".

"Цзян Цзинго: "Если даже Япония и возродится, то это не может произойти так быстро. В течение нескольких лет Вы можете не вести военных приготовлений против Японии".

"Сталин: "Рано или поздно, но в конечном счете она вновь возродится. Если же Япония будет передана под управление США, то она возродится через пять лет".

“Цзян Цзинго: “Передать США, то через пять лет произойдет возрождение. А если передать вам, что тогда?”.

“Сталин: “Если мы будем управлять, то не более пяти лет”. В конце концов не выдержав, Сталин прямо бросил: “Возврат Монголии невозможен”. И далее по мере продолжения беседы, он заявил Цзян Цзинго: “Я с Вами говорю не как с дипломатом и могу Вам сказать - договор - вещь ненадежная. Вы допускаете ошибку, когда заявляете, что Китай не имеет сил для агрессии против России. Сегодня еще можно рассуждать подобным образом. Но стоит вам, Китаю, объединиться, то прогресс в делах государственных у вас пойдет быстрее всех”.

В этом месте Цзян Цзинго показалось, что Сталин выдал “самое сокровенное”: СССР, боясь усиления Китая, хочет захватить Монголию, при этом, по оценке Цзян Цзинго, руководитель советского государства, думая о цели, проявляет неразборчивость в средствах ее достижения. В заключение Сталин заявил Цзян Цзинго: “Вы говорите, Китай и Япония не имеют сил для захвата Внешней Монголии и последующей войны с Россией. Однако, из этого не следует, что нет третьей силы, которая будет стремиться к такому повороту событий”. На вопрос Цзян Цзинго не идет ли речь о Соединенных Штатах, Сталин ответил: “Конечно”.³⁴

Содержание столь откровенного разговора Цзян Цзинго довел до сведения Чан Кайши. Информация о позиции Сталина - Молотова в монгольском вопросе поступала к Чан Кайши и от Сун Цзывэня, в ходе переговоров подерживавшего самые тесные связи через Гарримана с государственными деятелями США и направлявшего им стенографические записи бесед с советскими руководителями. Из телеграммы, направленной 3 июля 1945 г. из Москвы американским послом Трумэну и Бирнсу, известно, что Сун согласился с требованием Сталина о предоставлении СССР права на передвижение советских войск в Монголии. Он заявил, что Китай даже готов увеличить объем полномочий МНР в рамках автономии: право иметь собственную армию и предпринимать с Советским Союзом любые военные акции³⁵. Сун Цзывэнь тогда же высказался в том духе, что Китай согласится на независимость Внешней Монголии лишь после демаркации китайско-монгольской границы специальной тибетско-монгольской комиссией³⁶. Как следует из посланий Суна и Ван Шицзе Чан Кайши, предложение о демаркации якобы было продиктовано стремлением избежать дальнейших китайско-монгольских конфликтов, а отказ советской стороны от приложения к тексту предстоящего договора китайской карты объясняли тем, что в предложенной СССР карте часть Синьцзяна включена в состав Монголии, а также Танну-Урянхай³⁷. В ответ Сталин, запугивая Сун Цзывэня, заявил, что если Китай не примет советского предложения, “то границы Внешней Монголии могут охватить и Внутреннюю Монголию и привести к образованию более крупной по размерам Монгольской Республики”.

При этом, по словам Суна, “Сталин совершенно очевидно считал, что он говорит от имени монгольского народа”³⁸. Ни о какой-либо демаркации границы Сталин и слышать не хотел, настаивая на отделении Монголии “в существующих границах”. Как только через Гарримана в Вашингтоне стало известно высказывание о возможности поглощения Внешней Монголией Внутренней, госсекретарь Бирнс поспешил отбить Гарриману в Москву телеграмму следующего содержания: “По вопросу о том, нужно ли обсуждать вопрос о Внутренней Монголии, Вы конечно понимаете, что этот вопрос выходит за рамки ялтинского Соглашения”³⁹.

Поскольку переговоры должны были завершиться подписанием полномасштабного советско-китайского Договора о дружбе и союзе, оставалось широкое поле для маневрирования, своеобразных дипломатических "торгов" по всему комплексу взаимоотношений между двумя соседними государствами. Советское правительство, как записано в окончательном тексте Договора, заявило, что "не имеет намерений вмешиваться во внутренние дела Китая" и вновь "подтвердило уважение полного суверенитета Китая над Маньчжурией", выразив свою готовность "оказывать Китаю моральную поддержку и помощь военным снаряжением и другими материальными ресурсами", специально оговорив, что эта помощь и поддержка будут полностью идти Национальному правительству, как Центральному правительству Китая⁴⁰. Восприняв это заявление как отказ СССР от политики односторонней поддержки КПК, китайская делегация признала право Монголии на государственное отделение. В день подписания Договора о дружбе и союзе 14 августа 1945 г. министр иностранных дел Китая Ван Шицзе огласил в специальной ноте: "Китайское правительство заявляет, что после поражения Японии, если плебисцит народа Внешней Монголии подтвердит это стремление, Китайское правительство признает независимость Внешней Монголии в ее существующих границах"⁴¹.

На плебисците, проведенном 20 октября 1945 г., за государственную независимость единодушно высказался весь монгольский народ (100%). 5 января 1946 г. Законодательная палата Китая признала независимость Монголии. 13 февраля 1946 г. состоялось подписание протокола об установлении дипломатических отношений между МНР и Китаем. Казалось бы, на этом закончилась более чем двадцатилетняя борьба за оформление государственного отделения Монголии, хотя в официальных кругах и среди китайской общественности еще долго мусировался вопрос о Монголии, якобы отторгнутой путем тайного сговора держав в Ялте за спиной Китая или путем выхода за рамки ялтинского Соглашения.

Тайваньский Гоминьдан и до сих пор считает, что не только МНР, но и Тувинская область (Танну-Урянхай) являются частью Китая. Заявки на такого рода территориальные претензии впервые прозвучали в 1953 г., когда в Законодательной палате проходило бурное обсуждение вопроса об аннулировании советско-китайского договора 1945 г., в одностороннем порядке объявленного СССР в 1949 г. как утратившего свою силу. Дело в том, что Гоминьдан причину своего поражения на материке усматривает в том, что СССР, грубо нарушив свои партнерские обязательства по договору 1945 г., сыграл главную роль в установлении власти китайских коммунистов на материке. В этой связи гоминьдановское правительство осенью 1949 г. подало в ООН "Жалобу на СССР", обвинив СССР в использовании территории МНР "в качестве опорного пункта агрессии в Синьцзяне и Северо-Восточном Китае"⁴². а факт включения Тувинской области в состав СССР квалифицировало как проявление экспансионистских намерений в отношении Китая⁴³. Считая договор "прямым порождением Ялты" - "этой самой позорной страницы в истории цивилизованного человечества", оно предлагало как можно скорее "перечеркнуть его". Настойчиво проводилась мысль, что Гоминьдан, свободный в этом случае от ялтинского Соглашения, сумеет по возвращении на материк сохранить МНР в лоне Китая. Эту же аргументацию приводил в своем послании Эйзенхауэру и Чан Кайши, предлагая чтобы Соединенные Штаты приложили максимум усилий в ООН для недопущения туда МНР⁴⁴. Отсюда и закрепленное в Конституции Китайской Республики на Тайване право монго-

лов участвовать в выборах национальной ассамблеи, законодательной и контрольной палат, а также в местные органы власти.

Монгольский вопрос всплыл в июле 1949 г. в контексте отношений советского руководства с КПК, когда делегация Компартии Китая во главе с Лю Шаоци обсуждала со Сталиным в Москве вопрос о подписании советско-китайского договора после установления новой власти в Китае. Лю Шаоци заявил тогда: "Советско-китайский Договор о дружбе и союзе в прошлом уже принес большую пользу китайскому народу. Новое правительство Китая примет этот договор и это будет еще большим вкладом для народов Китая и СССР и особенно для Китайского народа"⁴⁵. Вместе с тем он подчеркнул, что особенно важно для понимания монгольского вопроса: "мы готовы признать и принять к дальнейшему выполнению все договора, которые в интересах китайского народа, мира и демократии во всем мире, например, статус ООН, Каирскую декларацию, Договор о дружбе и союзе между Китаем и СССР"⁴⁶. Вместе с тем, он предложил три возможных варианта будущего союзнического соглашения - новое правительство Китая заявит о своем полном принятии этого договора (1945 г. - Авт.), в духе первоначального текста договора обе стороны подпишут новый договор о дружбе и союзе, чтобы на основе новой обстановки были внесены некоторые стилистические изменения и изменения по содержанию и, наконец, представители сторон обменяются нотами о том, что "данный договор временно остается таким, каким он и есть, но они готовы в соответствующий момент вновь его пересмотреть"⁴⁷. При этом Лю Шаоци, как можно предположить, имел в виду вероятность корректировки статуса МНР.

Напомнив Сталину о том, что некоторые лица из демократических партий, студентов и рабочих вновь поднимают вопрос о независимости Монголии, Лю Шаоци далее разъяснил: "По вопросу о МНР мы говорили, что монгольский народ в соответствии с принципом самоопределения наций потребовал независимости и мы должны признать независимость Монголии. Однако, если МНР пожелает соединиться с Китаем, то мы приветствовали бы это"⁴⁸. Обращает здесь также внимание, что Лю Шаоци не говорит о "признании МНР", а лишь в неопределенной форме - "должны признать", и дал понять, что Китай не возражал бы против возвращения Монголии в лоно Китая. Окончательное решение этих вопросов он оставляет за Мао Цзэдуном, визит которого в Москву намечался на конец 1949 г.

Уже в Москве Мао Цзэдун решил подписать новый советско-китайский договор взамен договора 1945 г. 3 января 1950 г. он телеграфировал Чжоу Эньлаю в Пекин: "Отпор возможной агрессии со стороны Японии и ее союзников, а также признание Монголии - таков основной дух нового договора"⁴⁹. В самом тексте документа нет статьи о том, что Китай признает независимость Монголии. Но в советско-китайском коммюнике о подписании договора зафиксировано, что Чжоу Эньлай и А.Я.Вышинский обменялись нотами о том, что оба правительства констатируют полную обеспеченность независимого положения Монгольской Народной Республики в результате референдума 1945 г. и установления с ней дипломатических отношений Китайской Народной Республики"⁵⁰. Как видно, несколько иной вариант заключительного коммюнике представлял себе Мао Цзэдун. 2 января, т.е. в самом начале переговоров, сообщая о своей беседе с Молотовым и Микояном в Пекин, он писал, что предложил ограничиться кратким коммюнике следующего содержания: "Стороны лишь обменялись мнениями о старом китайско-советском договоре, придя по важнейшим вопросам к единодушному мнению. В ходе состоявшегося обмена мнениями стороны касались и подробного его содержания, отложив фактически рассмотрение этих вопросов на несколько лет"⁵¹. К числу

отложенных вопросов, видимо, относился и монгольский вопрос, свидетельством чему является следующий фрагмент из беседы Мао Цзэдуна с деятелями Социалистической партии Японии 10 июля 1964 г.: "На Ялтинской конференции Внешней Монголии предоставили номинальную независимость, однако ее только отделили от Китая, а в действительности она оказалась под контролем Советского Союза... Мы в свое время ставили вопрос, нельзя ли вернуть Внешнюю Монголию Китая. Они сказали, что нет. Мы высказали это Хрущеву и Булганину в 1954 году, когда они нанесли визит в Китай"⁵². Точку в этом вопросе поставил Дэн Сяопин в беседе с Горбачевым 16 мая 1989 г. Напомнив, что с приближением окончания второй мировой войны, США, Англия и Советский Союз заключили секретное соглашение в Ялте о разделе сфер влияния, нанеся непоправимый ущерб интересам Китая, он в то же время подчеркнул, что говорит об этом факте, чтобы довести "до сведения советских товарищей наше понимание "прошлого", что в "прошлом" нас беспокоит" и тем самым как бы подвести черту под "историческое прошлое"⁵³. Касаясь китайско-монгольских отношений, Дэн подчеркнул, что между двумя странами давно установились нормальные дипломатические отношения, заключены разного рода соглашения, демаркирована государственная граница Между КНР и МНР⁵⁴.

Полная нормализация советско-китайских отношений, вывод советских войск из МНР, развитие сотрудничества и добрососедства между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой после распада СССР, успешное разрешение пограничных вопросов между Россией и Китаем - создали для Монголии международные условия осуществления подлинной государственной независимости. Вместе с тем, отношения Монголии со своими великими соседями - Россией и Китаем, по-видимому, будут и впредь иметь для нее первостепенное значение.

- 1 См. Советско-монгольские отношения. 1921-1974. Документы и материалы. - М., 1975. - Т. 1, 1921-1940. - С. 58.
- 2 В.И. Ленин. Полн. собр. соч. - Т. 44. - С. 232.
- 3 См. Советско-китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. - М., 1959. - С. 65.
- 4 Там же. - С. 83.
- 5 См. Научно-информационный бюллетень РЦХИДНИ. Вып. 8 (специальный). - М., 1966. - С. 55-57.
- 6 Подробнее см. ВКП(б), Коминтерн и Китай. - М., 1994. - Т. 1; М., 1996. - Т. 2. - ч. I-II; Советско-монгольские отношения. Документы и материалы. - Т. 1. - С. 340.
- 7 Чжунхуа миньго чжуняо шиляо чубянь. Дуй жи канчжан // Важнейшие исторические документы Китайской Республики. Период войны сопротивления с Японией. - Тайбэй, 1981. - Т. 7. - Вып. 1. - С. 693. Далее в тексте - Важнейшие исторические документы Китайской Республики. - Т. 7. - Вып. 1.
- 8 См. ВКП(б), Коминтерн и Китай. - Т. 2. - Ч. I. - С. 616.
- 9 Документы внешней политики СССР. - М., 1973. - Т. Восемнадцатый. - С. 599.
- 10 Там же. - С. 537.
- 11 Там же. - С. 599.
- 12 Там же.
- 13 Документы внешней политики СССР. - М., 1974. - Т. Девятнадцатый. - С. 197.
- 14 Советско-монгольские отношения. Документы и материалы. - Т. 1. - С. 337.
- 15 См. там же. - С. 342.
- 16 Там же. - С. 65.
- 17 Цит. по статье Т.Лхагва. Что думал Сталин о монголах? // Проблемы Дальнего Востока. - 1991. - № 3. - С. 84.
- 18 Ли Юньхань. Чжунго Гоминьдан шишу // История Китайского Гоминьдана. - Тайбэй, 1994. - Т. 3. - С. 400.

- 19 Документы внешней политики СССР. - М., 1976. - Т. Двадцатый. - С. 438.
- 20 Советско-китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. - С. 162.
- 21 Важнейшие исторические документы Китайской Республики. Тайбэй, 1984. - Т. 3. - Вып. 2. - С. 390-391.
- 22 Цит. по статье Чжу Минянь. К вопросу о политике Советского Союза в отношении Китая в период антияпонской войны // Миньго данань. - 1990. - № 4. - С. 101.
- 23 См. там же.
- 24 См. С.Г.Лузянин. Ялта и Монгольский вопрос. // Пятидесятилетие Великой победы и Восток. - М., 1995. - М. 78.
- 25 См. Собрание сочинений Президента Чан Кайши по идеологии. - Тайбэй, 1984. - Т. 4. - С. 5 (на кит. яз.).
- 26 Важнейшие исторические документы Китайской Республики. - Т. 3. - Вып. 3. - С. 568.
- 27 Цит. по: В.М.Бережков. Страницы дипломатической истории. - М., 1984. - С. 524.
- 28 Советско-монгольские отношения. 1921-1974. Документы и материалы. - М., 1979. - Т. 2. - 1941-1974. - Ч. 1. - С. 110.
- 29 Важнейшие исторические документы Китайской Республики. - Т. 7. - Вып. 1. - С. 687.
- 30 American Diplomatic Documents. Vol. VII - Washington, 1945. - P.154.
- 31 Ibid - P. 202.
- 32 Ibid - P. 156
- 33 Важнейшие исторические документы Китайской Республики. - Т. 3. - Вып. 2. - С. 579, 586.
- 34 Важнейшие исторические документы Китайской Республики. - Т. 7 - Вып. 1. - С. 698-704.
- 35 Важнейшие исторические документы Китайской Республики. - Т. 3. - Вып. 2. - С. 592.
- 36 Важнейшие исторические документы Китайской Республики. - Т. 7. - Вып. 1. - С. 704.
- 37 Важнейшие исторические документы Китайской Республики. - Т. 3. - Вып. 2. - С. 606-607.
- 38 Важнейшие исторические документы Китайской Республики. - Т. 7. - Вып. 1. - С. 705.
- 39 American Diplomatic Documents. Vol. VII. - P. 202.
- 40 Советско-китайские отношения. 1917-1957. Сборник документов. - С. 197.
- 41 Там же. - С. 206.
- 42 Важнейшие исторические документы Китайской Республики. - Т. 7. - Вып. 1. - С. 879-880, 884.
- 43 Там же. - С. 879-880, 884.
- 44 Там же. - С. 852, 1012.
- 45 А.Ледовский. Визит в Москву делегации Коммунистической партии Китая в июне-августе 1949 г. // Проблемы Дальнего Востока. - 1996. - № 4. - С. 80-81.
- 46 Там же. - С. 80.
- 47 Там же. - С. 80-81.
- 48 Там же.
- 49 Цзянго илай Мао Цзэдун вэньгао // Неопубликованные документы Мао Цзэдуна со времени образования Китайской Народной Республики. - Пекин, 1987. - Т. 1. - С. 213.
- 50 Советско-китайские отношения. 1917-1957. Сб. документов. - С. 218.
- 51 Неопубликованные документы Мао Цзэдуна... Т. 1. - С. 211-212.
- 52 Выступления и статьи Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в печати. Сборник. - М.: Прогресс, 1976. - Вып. 6. - С. 181-182.
- 53 Дэн Сяопин сюаньцзи // Собрание сочинений Дэн Сяопина. - Пекин, 1993. - Т. 3. - С. 293.
- 54 Там же. - С. 295.

Русские в Китае

Синологи и краеведы Харбина

© 1997

Е.Таскина

В большинстве отечественных и зарубежных публикаций о КВЖД, выпшедших за последние годы, акцент делается на экономическом факторе, на роли КВЖД в освоении и последующем развитии некогда пустынного района Северо-Востока Китая. Хотелось бы остановиться на остающейся в тени краеведческой деятельности русских ученых - синологов, краеведов, этнографов - работавших в административном и культурном центре края Харбине. Фактически они были пионерами в исследованиях Маньчжурии. "Русские краеведы первыми обследовали эту страну и положили краеугольный камень ее дальнейшего изучения", пишет А.И.Баранов. "Они же первые ознакомили научный мир в России и за границей с природой, географией, этнографией, историей и археологией Маньчжурии."¹ Автор отмечает, что в работах русских исследователей сохранились свидетельства о многих интересных особенностях природы и жизни в Маньчжурии, которые были впоследствии утрачены².

В своей работе А.И.Баранов отмечает три периода в истории изучения Маньчжурии. Два из них всецело принадлежат русским: первый период, исследовательский, связан с прокладкой дороги (начиная с 1886 г.). Второй охватывает время с 1903 г. по 1932 г. Третий период, в течение которого край изучался японцами после оккупации Маньчжурии Японией, продолжался вплоть до окончания второй мировой войны, после чего изучением края стали заниматься китайские исследователи.

Первый из упомянутых периодов связан прежде всего с именами ботаника В.Л.Комарова и геолога Э.Э.Анерта³, путешествовавшими по Маньчжурии по поручению Русского географического общества.

После окончания строительства дороги и города Харбина исследовательская работа приобрела постоянный характер. Она протекала по двум направлениям: при Управлении КВЖД (этими вопросами занимались Экономическое бюро, Тарифно-показательный музей, Метеорологическая станция и вся система сельскохозяйственных лабораторий и опытных полей), а также по линии научно-общественных организаций (ОРО, ОИМК и др.)⁴

В рамках одной журнальной статьи невозможно даже кратко осветить все стороны многообразной деятельности русских ученых в Маньчжурии по изучению края. Этот очерк расскажет лишь о наиболее известных синологах и краеведах, чья деятельность способствовала не только развитию отдельных

отраслей знаний, но и знакомила широкий круг общественности Харбина с обычаями, традициями и литературными памятниками китайского народа.

Следует отметить, что специфика жизни в отдаленном, еще неисследованном тогда крае определяла многоплановость, отсутствие узкой специализации научной деятельности ученых. Так, некоторые синологи занимались не только переводами правовых и литературных источников, но и изучением этнографических особенностей народов, населявших этот регион, принимали участие в различных экспедициях. Результаты их деятельности публиковались на страницах Ученых записок Юридического факультета, журналов "Вестник Азии" и "Вестник Маньчжурии", а также выходили отдельными изданиями.

Так, например, профессора Юридического факультета В.А.Рязановский⁵ и В.В.Энгельфельд⁶ были авторами научных очерков о земельном, горном и лесном праве Китая, о правонарушениях по недвижимости, о местной полиции и др., опубликованных на страницах "Известий Юридического факультета"⁷. Целый ряд статей по этническим проблемам Китая и Востока в целом опубликовал известный специалист в области международного права профессор Г.К.Гинс⁸.

Знакомство с такими материалами было безусловно необходимо для совместной деятельности русских и китайцев на КВЖД, как в первый период существования дороги в начале века, так и впоследствии в условиях советско-китайского паритета на ее эксплуатацию (1924-1935).

Старейшим крупным синологом "русского Харбина" 20-40-х гг. был профессор А.П.Хионин⁹. Работая в Китае, главным образом, в Харбине, на разных должностях почти 30 лет (экономистом, переводчиком, лектором) он оставил заметный след в общественной жизни Харбина и установлении русско-китайских культурных контактов. За годы своей педагогической деятельности А.П.Хионин воспитал несколько поколений студентов-китаеведов. Он состоял в научных обществах (ОРО, ОИМК и др.), некоторое время был редактором журнала "Вестник Азии". Кроме многочисленных переводов, А.П.Хионин занимался составлением словарей, заполнивших пробел тех лет в русской синологии и столь необходимых в условиях эксплуатации КВЖД в Маньчжурии. Им изданы: "Русско-китайский словарь юридических, экономических, политических и других терминов" (Харбин, 1927); "Новейший китайско-русский словарь" (по графической системе), (Харбин, 1928, 1930). В соавторстве с К.Исида ученый составил "Монгольско-русско-японский словарь", вышедший в Токио в 1941 г. По свидетельству его биографа В.Жернакова, уже находясь в Австралии, где и закончился его жизненный путь, А.П.Хионин подготовил к изданию еще один словарь "Новейший китайско-английский словарь" (по графической системе)¹⁰.

Другим известным синологом, отдавшим десятилетия своей жизни плодотворной работе в Китае, был И.Г.Баранов¹¹. Он прожил в Харбине 47 лет, работая на КВЖД в качестве переводчика и занимаясь педагогической деятельностью в средних и высших учебных заведениях Харбина, преподавал китайский язык и экономическую географию Маньчжурии. В течение многих лет состоял членом Маньчжурского педагогического общества, ОРО, ОИМК и др.

Главной областью исследований ученого была этнография - религия и быт Китая. Им опубликовано свыше 100 работ, в том числе учебные пособия по китайскому языку. Его статьи печатались в харбинских журналах "Вестник Азии", "Железнодорожник", "Вестник Маньчжурии" и др. Наиболее известные его работы: "Очерк торгового быта в Китае" (Харбин, 1924);

“Административное устройство Северной Маньчжурии” (Харбин, 1926); “Китайский Новый год” (Харбин, 1927) и др.

И.Г.Баранов занимался и вопросами китайской художественной литературы: был составителем большого числа библиографий по новейшей литературе Китая и китайскому языку; переводил художественную литературу с китайского языка, писал статьи, знакомя европейское население Китая с культурой этой древней страны. Примером может служить его работа “Современная китайская художественная литература”, Харбин, 1934, что в те времена было значительным вкладом в распространение знаний о Китае и его литературе.

Авторитетным знатоком китайской литературы и культуры был и другой синолог старшего поколения П.В.Шкуркин¹². В Харбин он приехал в начале века и до конца 20-х годов занимался педагогической деятельностью и переводами в т.ч. - произведений китайской литературы. Так, за годы жизни в Харбине он опубликовал произведения: “Китайская быль” (Харбин, 1926), “Путешествие восьми бессмертных за море (“Вестник Маньчжурии”, 1926, №№ 8,9) и др.

Из сиологов более молодого поколения, получивших специальное образование уже в Харбине на Юридическом факультете или в Институте ориентальных и коммерческих наук, следует прежде всего выделить имена таких китаеведов, как А.Г.Малявкин¹³ и В.С.Таскин¹⁴. Их работа в Харбине и приобретенный там опыт были своего рода прелюдией к плодотворной деятельности на Родине, куда они прибыли в 1954 г.

Так, А.Г.Малявкин по своей специальности опубликовал десятки научных работ. Им написаны и изданы в Новосибирске монографии: “Материалы по истории уйгуров в IX-XII веках” (1974); “Танские хроники о государствах Центральной Азии” (1989); “Историческая география Центральной Азии” (1981); “Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию” (1992) и др.

В.С.Таскин также опубликовал в России целый ряд научных трудов по Китаю. В совершенстве владея китайским языком, делал переводы научных текстов, редактировал многие издания. Его основные работы: “Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху” (М., 1984), “Го-юй” (Речи царств. М., 1987) и др.)

Опыт и знания, полученные в Харбине, обеспечивали глубину и фундаментальность работам представителя молодого поколения харбинских ученых В.С.Старикову¹⁵. Специалистам, работающим по этнографии народов Востока, известна его фундаментальная работа “Материальная культура китайцев” (Л., 1964), а также статьи по расшифровке киданьских надписей.

Будучи активным членом харбинской организации исследователей - пржевальцев, В.С.Стариков принимал участие в археологических экспедициях в окрестностях Харбина. Кроме того, он сделал ряд археологических открытий в результате самостоятельных поисков на восточной линии КВЖД; широко публиковал в местной харбинской печати 40-х гг. статьи краеведческого характера, например, о полезных диких растениях Маньчжурии и др.

Многие харбинцы, изучив китайский язык, продолжали свою деятельность в области китаеведения в других странах. Так, выпускник Института ориентальных и коммерческих наук Ю.К.Граузе, уехав из Харбина в Израиль в 50-х гг., преподавал китайский язык в Университете и занимался переводами произведений древней китайской литературы. Издал ряд книг. В 1994 г. в Иерусалиме вышел его перевод на иврит “Книги Перемен. И-Цзин”.

Следует отметить и такую деятельность русских сиологов, как высококвалифицированное преподавание русского языка китайцам в 40-50-е гг.

Например, автор популярного "Курса китайского языка" С.Н.Усов, был также организатором и руководителем харбинских курсов, где преподавался русский язык китайцам.

В обзорной статье нельзя не отметить роль харбинских научных обществ в деятельности русских специалистов в разные годы существования "русского Харбина". Помимо упоминавшихся уже ОРО, ОИМК и Клуба естествознания и географии ХСМЛ (существовал в период с 1929 по 1946 г.), объединявших в краеведческой деятельности ученых старшего поколения, в Харбине действовали кружки молодых синологов и краеведов: Кружок востоковедения при Институте ориентальных и коммерческих наук (1927-1937), а также упоминавшаяся выше популярная среди молодежи Организация исследователей-пржевальцев (1934-1945).

Кроме упомянутых специалистов во всех этих объединениях на общественных началах активно работали такие ученые, как: почвовед и педагог Т.П.Гордеев, писатель-натуралист Н.А.Байков¹, археологи В.В.Поносов и В.Я.Толмачев, зоолог А.С.Лукашкин, ботаники Б.В.Скворцов и А.И.Баранов, экономист В.Н.Жернаков и многие другие. На протяжении многих лет они занимались исследованиями быта населения и природы Маньчжурии, по возможности публикуя свои труды в периодической печати или ученых записках, выходящих в Харбине.

После продажи КВЖД в 1935 г. регулярной научной деятельностью имели возможность заниматься лишь немногие русские специалисты, в частности, поступившие на службу в Харбинский краеведческий музей: Т.П.Гордеев, В.В.Поносов, В.С.Стариков, В.Н.Жернаков, Л.М.Яковлев и др.

После окончания второй мировой войны В.Н.Жернаков написал и опубликовал в Австралии и США ряд ценных статей и монографий о деятельности наиболее известных русских ученых, работавших в Китае. В них собраны ценные сведения о многих людях, чей зачастую совершенно бескорыстный, самоотверженный труд способствовал изучению и процветанию края, в который их забросила судьба.

Хотелось бы верить, что их деятельность не будет забыта - ни в России, ни в стране, где они жили и работали.

- 1 А.Баранов. Харбин как центр краеведческой работы русских в Маньчжурии. Часть 1 // Политехник - Сидней. - № 12. - С. 138.
- 2 Интересно ответить, что в последнее время к работам русских исследователей обратились и китайские специалисты. В частности, интерес проявляется к археологическим открытиям тех лет. См. сб. Хэйлунцзян каогу миньцзу цзыляо ивэнь цзи. - Харбин, 1991. - Вып. 1.
- 3 Впоследствии, после выполнения поручения Эдуард Эдуардович Анерт (1865-1945) продолжил свою исследовательскую деятельность в Маньчжурии, посвятив ей всю оставшуюся жизнь. Автор более чем 130 научных работ в области природы и природных ресурсов Восточной Азии.
- 4 ОИМК - Общество изучения маньчжурского края (1922-1928), ОРО - Общество русских ориенталистов (1909-1927).
- 5 Рязановский Валентин Александрович (1884-1969), профессор, юрист. Окончил юридический факультет Московского университета, учился в Германии. В 1917 г. в Донском (б. Варшавском) университете, защитил диссертацию на соискание степени магистра гражданского права, получил звание профессора. С 1918 г. по 1922 г. работал профессором Томского университета, затем Иркутского и Дальневосточного университетов. По прибытии в Харбин стал работать на Юридическом факультете, где читал лекции, а также был деканом с 1924 г. по 1929 г. В 30-х годах выехал в США, где и умер.

- 6 Энгельфельд Владимир Викторович (1891-1937), профессор, юрист. Окончил юридический факультет Петербургского университета и был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию. Слушал лекции в Берлинском университете. В 1918 г. получил в Томском университете звание приват-доцента. До 1921 г. состоял доцентом Омского политехнического института сельского хозяйства. С 1921 г. по 1922 г. был профессором Пекинского университета русского языка и юридических наук, а также советником Министерства юстиции в Пекине. В Харбине читал лекции на Юридическом факультете. В 1925 г. защитил в Париже диссертацию на соискание степени магистра государственного права на тему: "Очерки государственного права Китая". Был деканом и зам. декана Юридического факультета (1929, 1934-1936). Умер в Харбине.
- 7 Всего за годы существования Юридического факультета в Харбине (1922-1938) вышло 12 томов "Известий".
- 8 Гинс Георгий Константинович (1887-1972), профессор, юрист, издатель и редактор журнала "Русское обозрение". Окончил Петербургский университет в 1909 г. В Харбине читал лекции на Юридическом факультете, работал на КВЖД. В 1929 г. защитил в Париже диссертацию на соискание степени магистра по теме "Водное право". Автор многих научных статей и книг. В 1941 г. уехал в США, где продолжил свою научно-исследовательскую деятельность в области международного права.
- 9 Хионин Алексей Павлович (1879-1971), профессор, синолог, переводчик. Родился во Владимире. В 1903 г. окончил Восточный институт во Владивостоке по китайско-монгольскому отделению и сразу был утвержден в должности ассистента профессора по кафедре монголоведения. В последующие годы работает на разных должностях по дипломатическому ведомству России. С 1921 г. А.П.Хионин жил в Харбине, где работал экономистом в Управлении КВЖД, директором Института и лектором по курсу экономики и китайского языка в Институте ориентальных и коммерческих наук. С 1928 г. по 1936 г. состоял профессором монголоведения в Японо-Русском институте в Харбине, позже преобразованном в Институт Св. Владимира, где он работал деканом до 1940 г. В последующие годы работал в Правлении ЮМЖД в Дайрене (Дальнем). После августа 1945 г. был переводчиком в главной военной комендатуре Советской Армии и юрисконсультom по вопросам китайского права на КЧЖД в Дальнем. В 1950 г. с семьей переселился в Австралию, где и умер.
- 10 В.Н.Жернаков. Алексей Павлович Хионин. - Мельбурн, 1973.
- 11 Баранов Ипполит Гаврилович (1886-1972), приват-доцент, синолог, преподаватель китайского языка, переводчик. Родился в Тобольской губернии. В 1911 г. окончил китайско-маньчжурское отделение Владивостокского Восточного института и переехал в Харбин, где поступил работать переводчиком на КВЖД. Вскоре стал заниматься и педагогической деятельностью. С 1946 г. по 1955 г. заведовал кафедрой китайского языка в Харбинском политехническом институте. В 1958 г. выехал из Китая в Алма-Ату, где преподавал китайский язык группе аспирантов в Академии наук Казахстана.
- 12 Шкуркин Павел Васильевич (1868-1943), синолог, переводчик художественной литературы. Родился в Харьковской губ. Закончив Александровское училище, получил назначение во Владивосток. В 1903 г. окончил там Восточный институт, после чего уехал в маньчжурию. Участвовал в русско-японской войне 1904-1905 гг. В дальнейшем работал переводчиком в Управлении КВЖД и преподавателем китайского языка в различных учебных заведениях Харбина. В 1927 г. уехал в США к сыну, где и скончался.
- 13 Малявкин Анатолий Гаврилович (1917-1994), доктор исторических наук, синолог. Родился в Харбине. В 1937 г. окончил восточно-экономическое отделение Харбинского Юридического факультета, после чего работал в Харбинском краеведческом музее, занимаясь и научно-исследовательской работой по истории Китая. Принимал участие в Организации исследователей-пржевальцев и др. научных объединениях. После 1945 г., владея тремя иностранными языками (китайским, японским, английским), работал переводчиком в Торгпредстве СССР, Генконсульстве СССР и др. учреждениях. В 1954 г. с семьей уехал в Алма-Ату. В 1963 г. переехал в Ново-

- сибирск. В 1969 г. поступил на работу в Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, где и смог полностью реализовать свой научный потенциал. В 1971 г. А.Г.Малявкин защитил кандидатскую диссертацию, в 1983 г. докторскую.
- 14 Таскин Всеволод Сергеевич (1917-1995), кандидат исторических наук, синолог. Родился в Забайкальской области, в Харбин был привезен родителями в детском возрасте. В 1937 г. окончил экономическое отделение Юридического факультета (восточно-экономический подотдел). Работал переводчиком в Пошлинном бюро, после 1945 г. в Торгпредставах СССР в Харбине и Мукдене. В 1954 г. выехал в Казахстан. Вскоре был приглашен на работу в Институт Азии и Африки Академии наук СССР. В 1968 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.
- 15 Стариков Владимир Сергеевич (1919-1987), доктор исторических наук, этнограф. Родился в Омске, в Харбин был привезен в детском возрасте. В 1940 г. окончил восточно-экономическое отделение Института Св. Владимира. Работал в Харбинском краеведческом музее, занимаясь широким кругом вопросов, связанных с археологией, флорой и фауной Маньчжурии. Состоял активным членом харбинских краеведческих обществ. Результаты его деятельности в Китае, а также и иных, уже новых исследований легли в основу его научных работ на Родине, куда он прибыл в 50-х гг. Работал в Институте этнографии им. Миклухо-Маклая в Ленинграде, выезжал два раза в Китай для сбора дополнительного материала по темам кандидатской и докторской диссертации.

16

Феномен синкретических религий в Китае

© 1997

В.Малявин

(Окончание. Начало в № 1, 1997 г.)

Новейшая история синкретических религий

Второй этап развития синкретических религий соответствует периоду от Синьхайской революции до установления КНР. Крушение традиционной идеологии, политическая и экономическая нестабильность, резко усилившееся иностранное влияние, быстрый процесс модернизации благоприятствовали распространению секуляризированных форм религии, дающих жизнь сектантских движениям. В новых условиях секты теряют присущий им прежде локальный характер, многие из них приобретают характер массовых религиозно-политических движений. В сущности, синкретические религии становятся одним из важных форм отклика на потребность выработки нового национального самосознания китайцев. Недаром большинство их последователей были представителями буржуазных слоев, желавшими укрепить "национальный дух" китайцев. Это обстоятельство, впрочем, не мешало новым религиям в силу своего врожденного синкретизма охотно апеллировать к западным религиям, выступая в этом качестве одним из факторов обновления и модернизации китайской культуры. В то же время новым синкретическим сектам, еще недавно находившимся в оппозиции к существующему политическому режиму, свойственна всевозрастающая претензия на роль носителей национальной идеологии Китая. Тем не менее в реальных политических условиях того времени — в обстановке сепаратизма, гражданских войны и японской агрессии — синкретические религии по-прежнему не признавались официальной властью.

Третий этап истории синкретических религий начался с 50-х годов и продолжается до настоящего времени. В КНР синкретические секты по-прежнему находятся вне закона, хотя их растущее влияние в обществе вынудило власти КНР в последние годы сделать некоторые уступки их приверженцам и во всяком случае избрать различную тактику в отношении разных сектантских движений.

Что же касается китайских обществ, переживших процесс модернизации и включение в мировое капиталистическое хозяйство (Тайвань, Гонконг, Сингапур), то в этих странах синкретические религии приобретают консервативный, порою реакционный характер и действительно начинают играть роль хранителей традиционных культурных ценностей. При этом религии такого

типа способны играть и роль посредников между ценностями китайской культурной традиции и цивилизаций Запада. Последние несколько десятилетий отмечены бурным ростом числа синкретических сект на Тайване, в Гонконге и, насколько можно судить по имеющимся материалам, также в КНР.

Пример современной секты: Дэцзяо

Датой рождения секты Дэцзяо (букв. Учение Добродетели) можно считать 1939 г., когда три жителя уезда Чаоян области Чаочжоу (пров. Гуандун) Ян Жуйдэ, Ма Дэсань и Ван Дэцан выступили в роли медиумов двух благонравных мужей древностей: знаменитого ученого танской эпохи Лю Чуньфана и не менее знаменитого врача-ветеринара и подвижника Ян Цзюньсуна. Души Лю Чуньфана и Ян Цзюньсуна повелели возвестить о новом учении, которое “повернет вспять круговорот мировых эр и спасет весь свет”. В качестве первого шага приверженцам новой религии предлагалось оказывать помощь всем нуждающимся и больным в округе. В обстановке ужасов и страданий войны, развязанной на Дальнем Востоке Японией моральной проповедь и благотворительность основателей Дэцзяо не замедлила вызвать сочувственный отклик среди жителей окрестных деревень, и уже на следующий год при доме Ян Жуйдэ был воздвигнут первый храм Дэцзяо, получивший название “Кабинет Пурпурного Аромата” (Цзысянзэ). С тех пор слова “пурпурный кабинет” входят в название почти всех храмов Дэцзяо (в китайской религии определение “пурпурный” традиционно считается атрибутом божественной силы). Полное же название новой религии — Даодэцзяо (“Учение Пути и Добродетели”) — восходит к названию главного канона даосизма — Даодэцзин.

Даосская религия, особенно в ее южнокитайской простонародной форме, действительно оказала решающее влияние на доктрину и обрядовую практику Дэцзяо.

В последующие годы, особенно после окончания американо-японской войны, численность последователей Дэцзяо быстро росла. В одной области Чаочжоу к 1948 г. насчитывалось 26 “пурпурных кабинетов” секты. В 1945 г. руководители секты получили от богов повеление распространить свою религию среди китайцев Юго-Восточной Азии, и в течение 50-60-ых годов общины приверженцев Дэцзяо появились в Сингапуре, Малайзии, Таиланде, Индонезии, Сараваке и других странах этого региона. В одной Малайзии к середине 70-х годов насчитывалось 43 храма Дэцзяо. В настоящее время Дэцзяо является одной из самых влиятельных “новых религий” среди китайского населения Юго-Восточной Азии. С 1957 г. общины Дэцзяо в странах ЮВА объединены в единую ассоциацию — “Общее Собрание Дэцзяо в Южных морях”.

Роль божественного откровения в Дэцзяо играют особые медиумные сеансы, которые, надо заметить, являлись традиционным способом общения с богами в Южном Китае. В каждом храме Дэцзяо имеется специальный зал, так называемый “Зал Добра” (шань тан), где проводятся медиумные сеансы. В этих сеансах участвуют два человека: главный медиум и его помощник. Орудием воли богов, как издавна повелось в Чаочжоу, служит ивовая ветка в форме латинской буквы Y. Медиумы держат ветку за расщепленный конец и, войдя в транс, когда на них “нисходят боги”, пишут ее концом по песку, насыпанному в особый ящик. Специально уполномоченный толкователь “знаков богов” переводит эти божественные послания на человеческий язык (нередко излагая их в ритмизированной форме), после чего их тексты публикуются для сведения всех членов секты. Подобные издания именуются в общинах Дэцзяо “Книгами

Добра" (шань шу). Заметим, что понятие "шань шу" зародилось еще в XVI в. в русле народного даосизма и обозначало популярные правоучительные сочинения. Пантеон Дэцзяо включает в себя популярные персонажи местного народного пантеона, к которым, по обыкновению "новых религий", добавлены основоположники крупнейших мировых религий. В каждом храме Дэцзяо можно увидеть портреты "пяти величайших святых мира": Лао-цзы, Конфуция, Будды Шакьямуни, Иисуса и Магомета. В документах Дэцзяо неизменно подчеркивается, что двери храмов этой религии открыты для всех людей "независимо от их национальности и пола". Впрочем, в литературе Дэцзяо почти нет явных заимствований из иностранных религий — христианства и ислама. Возджи секты исповедуют традиционную китайскую идею о том, что их "совершенствование в праведности внутри подобно буддийскому, а вовне даже превосходит конфуцианское".

Отдельные храмовые общины в Дэцзяо обладают большой степенью самостоятельности. Во главе их стоят создаваемые при храмах комитеты, в которых имеются несколько отделов: "отдел благополучия", ведающий материальной помощью членам общины (например, в случае стихийных бедствий, для организации похорон и прочих семейных обрядов и т.д.); "отдел врачевания и лекарств", поскольку бесплатная рассылка лекарств и оказание медицинской помощи считается очень важной стороной общественной "добродетели" последователей Дэцзяо. В Гонконге, например, в храмах Дэцзяо ежедневно ведут бесплатный прием один или даже два врача. Кроме того, имеются "отдел образования" (при каждом храме учреждены школы для детей членов общины), "отдел увеселений", ведающий устройством празднеств и театральных представлений, и другие административные органы. С течением времени благотворительная и прочая общественная деятельность Дэцзяо приобретала в глазах ее приверженцев все большее значение. В пропагандистских материалах секты на английском языке само название Дэцзяо переводится как "Общество морального совершенствования" (Moral Uplifting Society). В брошюре, адресованной китайским читателям, сообщается, что Дэцзяо следует считать религией (цзун цзяо) потому, что она имеет своей "высшей целью" (цзун) "моральное воспитание" (дэ цзяо) и "воспитанием способна обратить к добру весь мир"².

По сути дела, храмовые общины Дэцзяо выполняют функции столь нужных в китайском обществе организаций взаимопомощи на деревенском или земляческом уровне. Не удивительно; что, например, в Гонконге, где принадлежность к той или иной этнической группе южных китайцев имеет такое большое значение, приверженцами Дэцзяо являются почти исключительно выходцы из Чаочжоу. В Сараванге, где переселенцы из Чаочжоу составляют лишь немногим более 9% китайского населения, свыше 70% последователей Дэцзяо являются чаочжоускими иммигрантами. Там же для подношений богам приверженцы Дэцзяо используют только чай, привозимый из Чаочжоу, а на праздники обязательно приглашается труппа чаочжоуской оперы³.

Совершенно очевидно, что Дэцзяо, помимо прочего, служит для уроженцев Чаочжоу средством сохранения своей этнической идентичности. В целом лишенная явно выраженных метафизических постулатов, целиком ориентированная на удовлетворение насущных жизненных потребностей людей религия Дэцзяо обнаружила большую способность адаптироваться к меняющимся социальным, политическим и культурным условиям своего существования за пределами Китая.

Идеологическая характеристика синкретических религий

Традиция синкретических религий в Китае впитала в себя важнейшие ценности всех трех идеологических систем китайской цивилизации. В ней мирно уживались акцент конфуцианства на первостепенной значимости морального поведения, буддийский идеал духовного освобождения через “великую смерть” души и даосский идеал блаженства в опыте полноте жизни. Само по себе такое сочетание — явление чисто китайское, практически неспособное привиться к другим цивилизациям. Его общая основа — фундаментальная для китайской мысли идея глубинной преемственности человека и мироздания, совпадения “человеческого сердца” и “небесного принципа” (согласно неконфуцианской философии), “природы” и “жизни” (в даосских понятиях): “сердца” и “природы Будды” (в категориях буддизма). Более того, тенденция свести религиозное спасение к духовному самосовершенствованию посредством медитации или даже соблюдению моральных норм в обществе настолько сильна в китайских “посттрадиционных” религиях, что сама религиозная природа этих движений порой может вызывать сомнения. Нельзя не признать вместе с тем, что синкретические религии в Китае представляют собой необычайно устойчивую идеологическую систему, обеспечивающую взаимодополнение и в конечном счете равновесие ценностей религиозных и светских.

Еще одним важным источником синкретических религий была народная религиозность, и именно последняя ответственна за присутствие в доктрине и обрядности синкретических сект ряда особенностей: характеризующих собственно религиозное поведение: экстатическое общение с божествами во время медиумных сеансов и праздников, страх вечной гибели, вера в спасение и т.д.

Развитие синкретических религий Китая в XX в. в целом соответствует закономерностям процесса модернизации религиозных традиций: эти религии представляют собой продукт секуляризаторских тенденций (которые в данном случае имели свое специфическое обоснование в наследии традиционных религий и свои специфические исторические формы). Исход эволюции синкретических религий — практически полное совпадение религии и морали, а во многих случаях — религии и политики, что делает возможным требование безусловного подчинения общества религиозному авторитету. Такое подчинение и составляет особенность так называемых “тоталитарных сект”, широко распространенных в современном мире, в том числе в современном китайском обществе. Все это, по мнению авторов, дает основания употреблять по отношению к синкретическим религиям такое широко употребительное понятие, как “обновленческие секты”. Данный термин удачно характеризует также “посттрадиционную” природу религий нового типа, которые стремились оправдать и воссоздать заново именно традиционные ценности.

На слитность религиозных и этических ценностей в доктринах синкретических религий указывает уже то обстоятельство, что приверженцы последних обычно именовали себя просто “творцами добрых дел” (син хао чжэ), “товарищами по благим делам” (шань ю) и т.п. В XX в. тенденция к морализации религии в идеологии синкретических сект предопределила необыкновенную важность благотворительности в подобных сектах. Нередко благотворительная деятельность — строительство школ и больниц, помощь голодающим и безработным и проч. — приобретает самодовлеющее значение для приверженцев синкретических сект, становится отличительным признаком их религии.

Важной гранью процесса обмирщения (обновления) традиционных религий в Китае стал акцент новых сект на важности физического, телесного вопло-

щения божественной реальности. Не случайно в традиции синкретических сект столь важное место занимал принцип передачи истины (“секрета”) в рамках одного рода: телесное воспроизведение отца в его сыне каким-то образом не просто уподоблялось, но и отождествлялось в сектах с духовным порождением личности через учительство и учение. Нельзя не отметить, что вожди сект, как правило, объявляли себя не только посланцами или представителями верховного божества, но и “подлинной Буддой” во плоти. Традиционная идея “передачи духовной правды” (дао) подчас получала наглядную иллюстрацию в виде вполне материального полового сношения вождя секты с его последовательницами, а святость в сектантской среде порою определялась вместимостью желудка: например, в секте “Цзайлицзю” глава общины удостоверял свою святость тем, что на общем пиру членов общины съедал больше всех, а потом медитировал в течение трех суток, не отправляя естественных надобностей⁴.

Вместе с тем, как показывают литературные свидетельства и данных полевых исследований разных лет (в том числе проведенных авторами настоящей работы), синкретические религии впитали в себя и различные элементы архаического религиозного субстрата, сохранившегося в толще крестьянского быта, и в целом играли значительно более важную роль в повседневной жизни китайской деревни, чем можно предположить на основании официальных источников. В частности, члены сект во многих деревнях выполняли обязанности местных знахарей, предсказателей и ясновидцев, обладавших способностью общаться с душами мертвых и отправлявших заупокойные службы по усопшим односельчанам. Тем самым синкретические религии на свой лад поддерживали культ предков — основу основ традиционной религии и социальных институтов Китая, хотя поддерживали они культ предков в его квазишаманистских формах, которые, скорее, дополняли его классические, освященные конфуцианством формы. Следует признать также, что в случае с элементами народной религиозности речь идет большей частью о спонтанном, несистематическом воспроизведении форм религиозной жизни адекватных традиционному общественному укладу. Мы должны говорить, таким образом, о естественном влиянии на синкретические религии общественной среды, что в немалой степени усложняет природу самого феномена синкретической религии в китайском обществе. Поэтому авторы предлагают различать в доктрине и практике синкретических сект Китая XX в. два культурных измерения, два аспекта: традиционное и посттрадиционное.

Синкретические религии, однако, не были косным, пассивным продуктом общественной эволюции. Они были рождены стремлением осознать и осуществить в собственной жизни традиционный религиозный идеал, и в этом смысле они представляли собой аутентичную форму собственно народной религиозности. Эта религиозность предъявляла к широким слоям китайского общества простые и понятные требования и пропагандировала столь же общепонятные обряды. Ее оппозиционный характер есть в значительной мере показатель внутренних противоречий этого общества и в первую очередь противоречий между общегосударственной и региональной элитами, правящим классом и низшими слоями общества. В рамках местного общества (деревенской общины, городского квартала) новые религии выделялись прежде всего благодаря моменту типизации отдельных элементов традиционной обрядности. Иными словами, в практике синкретических сект вполне традиционные, всем знакомые обряды нередко видоизменялись и приобретали новую значимость и новое качество. Это касается таких черт обрядности, как возжигание благовоний, поклонение божествам, декламация священных текстов, вегетарианская диета, подношение жертвенной пищи божествам, сидя-

чая медитация, совместные пиршества и т. д. Как правило, новые религиозные общины даже опознавались окружающим обществом по той или иной особенности их обрядовой практики, которая давала название сектам. (ср. такие наименования синкретических религий, как "Учение о возжигании благовоний", "Общество рисовых лепешек", "Учение о принесении зерна на пир" и т.п.)

Обычно ритуалы синкретических сект не отличались сложностью и воспроизводили общеизвестные элементы религиозной обрядности. Первостепенное значение в сектах придавалось все-таки не ритуалу, а вере. Церемония вступления в секту обычно сводилась к денежному пожертвованию и сожжению бумажки с именем свежее испеченного члена для того, чтобы оно было занесено в "небесный реестр" секты. Вступавший также клялся в верности своему духовному наставнику и единоверцам и давал обещание не разглашать тайные формулы, которые открывались ему в момент вступления в секту. Сами по себе эти формулы, впрочем, не содержали никаких особенных сведений и чаще всего ограничивались общеизвестным именем какого-нибудь традиционного, но особо чтимого в секте божества, например, "бодхисаттва Гуаньинь". Член секты имел право в любое время выйти из нее. В ритуальной практике синкретических религий сохранилось и получило дальнейшее развитие традиционное для китайской культуры разделение на ее "внешнее" (зримые, институционализованные обряды) и "внутреннее" (медитация, внутреннее подвижничество) измерения, причем последнему отдавался безусловный приоритет.

Изучение конкретных форм бытования синкретических сект в старом Китае позволяет выделить два основных типа сект, различающихся по своей социальной значимости: первый тип, более связанный с элитой местного общества, являет собой своеобразный синтез миллениаристской религии и традиционной морали. К числу таких религий относятся так называемые "вегетарианские" секты, религиозные общины последователей известного проповедника ХУ1 в. Ло Цина и др. Второй тип представлен весьма аморфными и эфемерными сектами, популярными среди простонародья. Нередко такие секты практиковали оргиастические культы, кровавые (в том числе человеческие) жертвоприношения и носили ярко выраженный миллениаристский характер. Правда, изучение подобных сект крайне затруднено вследствие их откровенно оппозиционного характера, и доступные источники позволяют говорить, скорее, об элементах данного типа сектанства в синкретических религиях XX в.

Можно принять и другой вариант типологии синкретических религий китайцев, а именно: "буддийский" тип сект, воспринявший основные элементы обрядности и религиозной литературы китайского буддизма (декламация сутр, знаки религиозной иерархии, вегетарианские пиршества, убранство молельных домов и проч.) и "даосский" тип, организационное единство которых основывалось почти исключительно лишь на генеалогических книгах секты при отсутствии прочих устойчивых символов общности ее приверженцев⁵. Подобный тип сект в наибольшей степени характерен для северных областей Китая.

С доктринальной точки зрения отличительной чертой вероучений традиционных синкретических религий являлась вера в верховное женское божество, именовавшееся обычно Нерожденная Праматерь (Ушэн лаому). Правда, в сектантской литературе эта вера переплетается с традиционными мотивами древней китайской космологии. Вот как описывается творение мира в одном из главных памятников сектантской литературы — "Драгоценный канон Драконьего Цветка, выправленный Небесным Бессмертным Старым Буддой":

“Прежде самого Начала не было ни Неба, ни Земли, ни Солнца, ни Луны, ни людей, ни животных, ни растений. Потом из Истинной Пустоты возник Беспредельный Божественный Старый Будда... Возникнув, Старый Будда установил Небо и Землю. Нерожденная Праматерь установила Первичное Небо...”

О деятельности Нерожденной Праматери в той же книге рассказывается следующим образом:

“Нерожденная Праматерь породила инь и ян и двух младенцев: мальчика и девочку. Она назвала мальчика Фуси, а девочку — Нюйва... Фуси имел фамилию Ли, а Нюйва — Чжан, и они породили человечество... В конце эры первозданного хаоса они породили девятьсот шестьдесят миллионов сыновей и дочерей, а также множество счастливых звезд... Вечная Мать послала своих детей в Восточную Землю, чтобы они жили на этом свете. ... Но после того, как ее дети попали в Восточную Землю, они потерялись в мире красной пыли, и тогда Мать послала им послание, призывающее их сойтись опять на Собрании Драконьего Цветка...”⁶

Миф об отпадении человечества от Нерожденной Праматери (или первозданных Отца-Матери) и грядущем возвращении в лоно “истинных родителей” лежал в основе всей традиции синкретических религий со времен Ло Цина. Вместе с тем учениям синкретических сект обычно свойственна идея иерархии, посредством которой верховное божество управляло земным миром, хотя человечество могло иметь и непосредственную связь с Нерожденной Праматерью, подобно тому, как ребенок может иметь интимное общение со своей матерью. В качестве посредников между Нерожденной Праматерью и человечеством обычно фигурируют будды-правители трех эр мировой истории, легендарный патриарх чань-буддизма Бодхидхарма (кит. Дамо) и другие популярные святые буддизма, патриарх даосской традиции Лад-цзы, прославленные даосские подвижники, Конфуций и др.

Факт “надстройки” женского божества над традиционным пантеоном китайских богов лишней раз свидетельствует о маргинальной и двойственной природе синкретических религий в Китае, соединявший преодоление традиционной религии с ее воспроизведением. Аналогичный характер носит и трактовка центрального в космологии синкретических религий понятий “пустоты”: речь нередко шла о пустоте как символической реальности, присутствующей в традиционной идее Пустоты. Подобное осмысление ключевых понятий китайской философско-религиозной традиции характерно для “посттрадиционной” фазы культурного самосознания. О том же свидетельствует, наконец, и традиционная эсхатология синкретических сект, которая трактовала религиозное спасение как “возвращение в облачный град” или “родную деревню”, где люди будут вечно пребывать в божественном сиянии всепасающих будд и своей Праматери. Популярнейшая среди сектантов “мантра из восьми слов”, представлявшая собой самую краткую формулу посттрадиционных религий в Китае, гласила: “Родная деревня истинной пустоты, никем не рожденная праматерь” (чжэнькун цзясян, уцэн лаому). В цитированном выше “Драгоценном каноне Драконьего Цветка” идеал “истинной пустоты” описывается в следующих словах:

“В священных чертогах Родной Деревни есть Собрания Драконьего Цветка, которые проводятся в августейшем дворца созвездия Небесного Ковша. Там восседают на троне Старый Будда и Вечная Мать. Там имеются семь драгоценных прудов и восемь потоков. Земля там вся из золота, а дороги огорожены золотыми цепями. Все здания, башни, залы и комнаты не похожи друг на друга. Первое собрание Драконьего цветка было созвано Буддой Све-

тильника, второе — Буддой Шакьямуни, а третье собрание будет созвано Буддой Майтрейей...”

Как напоминает эта цитата, еще одним существенным элементом синкретических религий являлась вера в скорый или уже состоявшийся приход мессии, — некоего “грядущего Будды” или мудрого царя — который установит на земле царство райского блаженства. С этой верой традиционно были тесно связаны предсказания о грядущей мировой катастрофе и всемирной резне, в которых должны погибнуть все кроме последователей данной секты. Такая катастрофа обычно рисовалась приверженцами новой веры в виде грандиозного стихийного бедствия, знаменующего окончание мировой эры — кальпы. Считалось обычно, что малая космическая эра насчитывает 10800 лет, а большая — 129600 лет.

Независимо от того, являлись ли вероучения синкретических сект формой секуляризации религиозных ценностей китайцев или, напротив, перетолкования светской (в частности, конфуцианской) морали в религиозных понятиях, сектантские движения создавали некий отвлеченный, объективированный образ традиционного мирозерцания. В итоге то, что прежде служило оправданием разнообразия верований в рамках синкретического комплекса, теперь, в силу отождествления реальности с конкретным понятием и обрядом, стало служить оправданием религиозной нетерпимости. Таким образом, претензия на ортодоксальность сочеталась в новых религиях с допущением свободы переоценки ценностей.

Идеология синкретических религий на втором этапе их истории (1911-1949) отличается особой двойственностью и противоречивостью: с одной стороны, она во многих случаях становится знаменем крестьянских масс, вырванных из традиционного уклада процессом глубокой ломки и модернизации китайского общества, отчего эта идеология в лице наиболее массовых синкретических религий того времени (в частности, “Игуаньдао”, “Цзайлицзю” и др.) приобретает оппозиционный и даже экстремистский характер; с другой стороны, синкретические религии во все большей мере начинают выражать мировоззрение и ценности национальной буржуазии. В этот период доктрины синкретических сект усваивают многие элементы западных религий. Типичным в своем роде примером может служить секта, основанная около 1920 г. неким Тан Хуанчжанем, бывшим чиновником. Тан Хуанчжань основал в своем родном городе Чэнду (пров. Сычуань) религию, которая носила название “Всемирный союз шести святых” и была призвана, по мысли ее основателя, объединить три традиционные китайские религии (буддизм, даосизм, конфуцианство) и три западные религии (христианство, ислам, иудаизм). Себя же Тан Хуанчжань объявил последним и величайшим пророком и предрек скорое наступление конца света. В обрядности Тан Хуанчжань придавал наибольшее значение заимствованному из христианства сорокодневному посту. Когда в предсказанные сроки светопреставление не состоялось, власти казнили неудачливого пророка⁷.

Третья стадия развития идеологии синкретических сект в Китае (начиная с 1949 г.) характеризуется практически полным ее слиянием с мировоззрением и ценностями китайской национальной буржуазии. На этой стадии синкретические религии Китая немало заимствуют из религий Запада — христианства и ислама в первую очередь — и при этом усваивают себе роль хранителей “традиционной духовности” китайцев. Одновременно резко ослабевают или исчезают вовсе эсхатологические мотивы традиции синкретических сект (впрочем, эти мотивы все еще очень сильны в крестьянских массах КНР). Привлекательность синкретических религий в модернизированных ки-

тайских обществах — в первую очередь в Гонконге, Сингапуре, на Тайване — заключается в том, что они позволяют перебросить мост между цивилизациями Китая и Запада, не отказываясь от самобытности и даже идеи превосходства традиционной китайской культуры. Данный вывод убеждает в том, что синкретические религии являются на настоящий день наиболее адекватной действительности формой религиозного сознания китайцев. Это означает, что в будущем их влияние в обществе, в том числе — по мере либерализации существующего режима — и в КНР будет заметно возрастать.

Несмотря на секретность сведений, касающихся положения синкретических религий в КНР, можно с уверенностью сказать, что процесс модернизации континентального Китая повлек за собой и распространение дотоле запретных религий в широких слоях общества и в первую очередь среди мелкой и средней буржуазии.

Социальная природа синкретических сект

Китайские синкретические религии, будучи явлением весьма сложным и многогранным, отобразили в своей доктрине и практике и сложность общественной жизни позднейимператорского Китая. Чрезвычайно затруднительно дать какую-либо однозначную оценку социальной природы этих религий. Они могут отражать мировоззрение и интересы самых разных слоев китайского общества: образованной элиты и безграмотного простонародья, горожан и крестьян, состоятельных хозяев и люмпенов. Широкий диапазон идей, составивших традицию синкретических религий позволял последним с легкостью изменять формы своего общественного бытия и приспосабливаться к новой политической и общественной обстановке. Но если говорить в целом, то в традиционном Китае (XУП- началоXX вв.) чрезвычайно активную роль в сектантских движениях играли именно маргинальные элементы как деревенского, так и городского общества: возчики и лодочники (в частности, на Императорском канале), бродячие торговцы и разорившиеся крестьяне, монахи и воины, бедные учителя и низшие служащие в государственных управах. Известны случаи, когда сектантские общины почти целиком совпадали с профессиональными корпорациями таких работников, которые потеряли связи с деревенской общиной — например, собирателей хвороста или косарей. Маргинальный характер синкретических религий подтверждается и данными о современных сектах в городах Тайваня или Юго-Восточной Азии, где основную массу членов составляют бедные горожане, не имеющие семьи и даже дома. Что же касается руководителей сект, которые были, как правило, людьми грамотными, то они в подавляющем большинстве случаев принадлежали к низовым, маргинальным слоям образованного сословия, имевшим причины быть недовольными существующей властью.

Нельзя думать, что синкретические секты обязательно находились в оппозиции к властям. Напротив, в истории известны и последовательно лояльные секты — например, Саньицзяо или Люмэньцзяо. Так, в общины Саньицзяо принимали только тех, кто не был замешан в каких-либо бунтах притом имел постоянное и законное занятие. И все же преимущественно мирная ориентация сектантских религий не мешала последним при благоприятных условиях (например, в моменты обострения кризиса и внутренних противоречий в государстве) находить широкую поддержку среди широких масс горожан и крестьянства. Рост напряженности в обществе мог с молниеносной быстротой превратить вполне мирную общину в ядро мятежного войска. Решающую роль в такой метаморфозе играла отмеченная выше презумпция

секретности и, так сказать, альтернативного характера, принципиальной "инаковости" истины.

Альтернативная природа "посттрадиционных" сект выражалась в предъявлявшемся к вновь обращенным требовании крупного денежного взноса в казну сектантской общины или даже отказа от личного имущества, свойственной этим сектам тенденции отрицать все различия между людьми, — социальные, имущественные и даже половые — а до некоторой степени и институт семьи: в некоторых сектах поощрялся отказ от браков и традиционного культа предков.

Разумеется, синкретические секты на свой лад также освящали и закрепляли многие черты традиционного уклада. Очень часто они служили средством выражения и закрепления определенной корпоративной, локальной или этнической идентичности. Известны случаи, когда жители деревень поголовно принимали какое-нибудь новое вероучение, чтобы отличить себя от окрестных (и часто враждебных) деревенских общин. Такие случаи были особенно часты в гоминьдановский период, когда контроль центральной власти заметно ослабел. Еще большее значение имело самоотождествление сектантов с семейными и родовыми добродетелями. Очень часто право быть вождем секты было потомственно закреплено за представителями строго определенного клана или, по крайней мере, обладателями определенной фамилии — еще одно свидетельство квазипатриархальной организации "посттрадиционных" сект в императорском Китае.

В широком смысле в традиции синкретических религий различимы как два организационных фокуса, предполагающих и два разных типа социума: один фокус — институт "патриархов": которые, как правило, ведут монашеский образ жизни и назначают своих преемников из числа учеников; другой фокус — собственно семья, где руководство сектой передается просто по наследству. Чем сильнее и полноценнее проявляется в деятельности секты семейно-клановое начало, тем лояльнее секта по отношению к властям. (Наиболее лояльные сектантские религии вроде Саньицзяо или Люмэньцзяо вообще не знали института патриаршества.) Надо сказать, что в XIX в. правительственные репрессии в конце концов вынудили некоторые секты перейти от института патриархов к парасемейному или семейному типу организации; соответственно, последователям сект приходилось отказываться от своих традиционных храмов — "вегетарианских залов" — и проводить совместные молебны в частных домах.

Внутри большинства сект существовало глубокое различие между руководителями, посвященными в ее таинства, и рядовыми членами, которым было достаточно знать несколько священных формул, участвовать в сходках своей общины и вносить в ее казну денежные взносы. Наблюдения над жизнью сектантов показывают, что и сегодня большинство из них довольно плохо разбирается в учении своей религии и полагается больше на обычай и мудрость своих вождей. Сказанное не опровергает высказанное ранее предположение о том, что синкретические религии были, по существу, формой интериоризации традиционных религиозных ценностей широкими народными массами. Обостренное внимание к декоруму и исполнительской технике являлось характерной чертой всего китайского быта, и религиозная жизнь китайцев не была исключением из этого правила. Не следует забывать, что религиозный идеал китайцев был предметом не отвлеченного понимания и не слепой веры, а непосредственного постижения в жизненном опыте.

Здесь мы касаемся некоей общей подосновы, глубинного фокуса всех форм бытования синкретических сект в обществе старого Китая. Этот фокус

можно было бы определить как презумпция секретности истины, что требует и соответствующих форм социальной организации. Нельзя не отметить в этой связи, что традиционная китайская цивилизация практически не знала форм публичного и гражданского общежития, и практически вся общественная жизнь в Китае концентрировалась в замкнутых и даже принципиально изолированных общностях: в семье, локальной общине, корпорации, школе, понимаемой как сообщество учителей и учеников, связанных личными узами. Каждая из этих общностей культивировали личностный и даже интимный характер отношений между ее членами, а потому поддерживала всеобщую убежденность в том, что истина обязательно держится в секрете и может быть открыта только тому, кто войдет в круг посвященных и свяжет себя личными узами с хранителями истины. Секты, порождаемые синкретическими религиями, естественно, поддерживали и даже на свой лад укрепляли этой всеобщей принцип общественной жизни китайцев. Оттого же при всем универсализме и открытости их религиозных доктрин они были именно *сектами*, старательно культивировавшими секретность истины и бдительно охранявшими непреступаемую грань между посвященными и посторонними. Именно в этом смысле оправданна тенденция, присущая особенно китайским исследователям, определить синкретические религии как “тайные религии”.

На практике синкретические секты вобрали в себя едва ли не все традиционные формы изоляционистского социума в Китае: несмотря на смутные мечты их приверженцев о создании на Земле новой “общины равных” они имитировали семейный уклад, освящали локальные и региональные различия между отдельными группами населения, всячески подчеркивали принцип непосредственной, в глубине сердечного опыта сверхъестественной, непостижимой для посторонних передаче “праведного Пути” (новые религии в особенности переняли чань-буддийский мотив передачи истины от Будды позднейшим патриархам секты). Нельзя забывать также, что в деревнях члены новых религиозных общин, как правило, выполняли целый ряд очень важных в деревенском обществе функций: исцеление больных посредством “духовного воздействия” или обычных лекарств, проведение медиумных сеансов, совершенные заупокойных обрядов и т.п.

В результате синкретические религии закрепляли и возводили на новую высоту всеобщий принцип социальной жизни китайцев, но именно в силу того, что это был принцип всеобщего разделения и изоляции они оказывались как бы в стороне от всего общества, выступали хранителями неведомого для всех остальных - одновременно манящего к себе и пугающего - секрета. Можно сказать, что посттрадиционные религии создали в Китае новый и парадоксальный по своей природе тип “асоциального социума”, своеобразный гипостаз традиционного общества, разрушавший самое общественность.

Вполне естественно, что синкретические, или посттрадиционные, религии сыграли особенно видную роль на втором этапе их эволюции - в период распада и резкой трансформации традиционного общественного уклада. На этой стадии ведущая роль в организации движений отошла по большей части к представителям традиционного образованного слоя, которые в обстановке социальной неустойчивости и хаоса тоже приобрели в значительной мере маргинальную природу. Синкретические секты нового (условно именуемого “тоталитарным”) типа насчитывают в своих рядах и большое число разорившихся, вырванных из традиционного быта крестьян. Вместе с тем в новых условиях синкретические религии и по особенностям своего вероучения, и по формам организации приобретают все более явственный городской характер становятся более открытыми, доступными для масс верующих и в этом смыс-

ле — более респектабельными. Их влияние в обществе заметно усиливается. Теперь для них открывается возможность быть причастными и к политической власти.

Образование КНР нарушило целостность общественной эволюции синкретических религий. В континентальном Китае они вновь переходят в ряд оппозиционных и альтернативных организаций, тогда как за пределами КНР линия на легализацию традиционных сект и их переход на положение официальных организаций получила дальнейшее развитие. Особенно показательна в этом отношении история “новых религий” на Тайване после 1949 г., которая характеризуется постепенным признанием этих религий властями. Бесспорно, что в последние несколько десятилетий опорой синкретических религий в китайских общинах за пределами КНР стала национальная буржуазия, а питательной средой этих религий — современная городская культура. Что же касается КНР, то там социальная база синкретических сект все еще остается довольно размытой и неопределенной; в значительной степени она сохраняет свою традиционную природу. Наконец, в разных районах страны социальная опора сектантства может быть неодинаковой.

Несмотря на эволюцию синкретических, или новых, религий в сторону большей респектабельности и консервативности, остается весьма сомнительным, что вероучения “тоталитарных” сект в Китае (в указанном выше специфическом смысле тоталитарности как совпадения религии и политики) смогут стать основой подлинно национальной идеологии. Самой серьезной помехой тому будет родовое открытое всему обществу изоляционизма, которое несут на себе эти по виду открытые всему обществу организации. Нет оснований полагать также, что новые религии Китая смогут добиться успеха за пределами собственно китайского социума. Слишком заметны в них родовые черты китайской традиционной культуры. Однако можно не сомневаться в том, что их роль в китайских обществах, и особенно в КНР по мере неизбежной либерализации существующего режима, будет в ближайшие десятилетия неуклонно возрастать. Синкретические религии — это, поистине, самые жизненные религии современного Китая. Этим определяется и их значимость для современного мира.

1. Т.Ногути. Тонан Адзия-ни рюдэнсита фтацу-но туюкудзин сюкё (Две религии китайцев, распространившиеся в Юго-Восточной Азии). - Тонан Адзия-но кадзин бунка то бунка мокутою. Токио, 1983. С.288.
2. Дэцзяо цзяньши (Краткая история Дэцзяо). Тайбэй, 1975, С. 81.
3. К.Ёсикава. Сараваку кадзинсякай-но минсю кётэн (Народная секта в китайской общине Саравака). — Камигами-но сококу. Токио, 1982. С.91.
4. R.Shek. The Revolt of the Zaili, Jindan Sects in Rehe. 1891 — Modern China, 1980, vol. 6. # 2, P. 165.
5. Контуры данной типологии намечены в работе С.Накин: S.Naquin. The Transmission of White Lotus Sectarianism in Late Imperial China. — Popular Culture in Late Imperial China. Ed. D. Johnson. Berkeley-London, 1985. P. 425 и сл.
6. Цит. по: D.L. Overmeyer. Folk Buddhist Religion: Dissenting Sects in Late Traditional China. Cambridge, Mass. 1976. P. 167.
7. Graham D. Folk-Religion in Southwest China. Wash., 1961. P.158.

Научная жизнь

Перспективы объединения Кореи: взгляд из России

В декабре 1996 г. в Москве произошло примечательное событие, которое привлекло внимание российской научной общественности. По инициативе Института Дальнего Востока РАН была проведена расширенная научно-практическая конференция, посвященная политическим, экономическим и культурным аспектам объединения Кореи. Конференция стала наиболее представительным из всех ранее проводившихся подобных форумов. Ее участниками были ученые, стоявшие у истоков отечественного корееведения и много сделавшие для становления исследований в этой области в качестве одного из развитых направлений российской востоковедческой науки. С самостоятельными сообщениями в ходе развернувшейся дискуссии выступили молодые исследователи, совсем недавно начавшие свой путь в науке.

Представителей на конференцию направили российское Министерство иностранных дел, думский Комитет по геополитике, ведущие академические политологические институты, Московский университет, Институт международных отношений, московские деловые круги, имеющие международные связи.

Конференцию открыл директор Института Дальнего Востока проф. М.Л.Титаренко, который отметил, что корейская ситуация выпадает из общей тенденции мирового развития и продолжает оставаться в атмосфере, когда "холодная война" уже ушла в прошлое. Именно поэтому современное осмысление корейских проблем актуально наряду с анализом исторических традиций и национальных идей и их влиянием на нынешнюю ситуацию на полуострове.

Свои пожелания плодотворной работы российским ученым передал посол Республики Корея в Москве г-н Ли Чон Бин.

Доклады и развернутые сообщения, которые прозвучали на конференции, затрагивали широкий спектр вопросов. Отмечалось, что Корейский полуостров остается средоточием факторов нестабильности, тормозящим становление системы безопасности и международной уравниваемости в Северо-Восточной Азии. Жесткое противостояние Севера и Юга, переходящее подчас грань возможного, характерно для самостоятельных субъектов международных отношений, каковыми себя провозгласили Республика Корея и КНДР. Естественно объяснимым источником напряженности и даже враждебности между ними является раскол корейской нации, длящийся не одно десятилетие.

Имеются внутренние и внешние источники нестабильности и разобщенности нации. Достаточно подробно о них было сказано в выступлениях Ю.В.Ванина, Г.Д.Тягай, М.Н.Хана, некоторых других дискуссионтов. В докладе Ю.В.Ванина, в частности, указывалось, что политологи и историки Северной и Южной Кореи занимают противоположные позиции по основным вопросам новейшей истории сво-

ей страны, но сходятся в одном, возлагая достаточно часто вину за раскол Кореи на "внешние силы", имея ввиду СССР и США. При этом вольно или невольно избавляют от исторической ответственности влиятельные круги самой Кореи, также внесшие немалый "вклад" в то, что произошло с их страной во второй половине 1940-х годов. Напомнив некоторые традиции корейской политической культуры и характерные черты предшествующей истории, повлиявшие на ход событий в Корее после ее освобождения, докладчик проанализировал суть внутривнутриполитических противоречий, обострившихся в то время и расколовших корейское общество в ответственный для него период. Возвратившиеся на родину из эмиграции группировки различных политических оттенков не только не смогли найти общую платформу деятельности за демократическую Корею, но и основной своей целью считали борьбу за захват власти в стране, только что освободившейся от иностранного господства.

Как отмечали другие выступавшие, на разобщенности корейской нации не могло не сказаться историческое прошлое страны, когда низкопоклонство компрадорских кругов вначале перед маньчжурской династией, а затем перед колониальными властями Японии тормозило раскрепощение национального самосознания других слоев населения. С усилением американского влияния после освобождения интеллигенция, нарождающееся чиновничество и военные связывали надежды о своем преобладающем самоутверждении в будущем самостоятельном корейском государстве.

Другим разобщающим элементом уже после освобождения стала полемика вокруг решений Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (декабрь 1945 г.) и разрозненное сопротивление патриотических сил курсу на создание сепаратистского государства на Юге, взятому праворадикальной группировкой Ли Сын Мана и активно поддержанному американской администрацией. В итоге образование двух государств завершило раскол полуострова, а война между ними в 1950-1953 гг. закрепила и углубила его. Исторические уроки разделенной Кореи, по мнению докладчиков, следует учесть мировому сообществу и особенно современным корейским политикам, которые могли бы не повторять трагических ошибок прошлого и, самое главное, категорически исключить силовые методы из арсенала средств воссоединения Кореи.

Как указывалось на конференции, раздел страны имеет свои разительные негативные последствия не только в политической сфере, но и в вопросах государственного строительства и воссоздания единого государства. Корейская нация еще сохраняет единые духовно-нравственные традиции, культурные ценности, пришедшие из прошлого. Но и здесь заметны негативные явления, которые, коснувшись культурной и языковой среды, могут в дальнейшем затормозить налаживание взаимопонимания между населением Севера и Юга. Российские лингвисты, выступившие в прениях (В.И. Дмитриева, И.Д. Скоробатюк) констатировали, что в Корее и до освобождения имелись различные языковые провинциальные диалекты, местные говоры, язык "простолюдинов", литературный язык "верхов" и т.п. С появлением двух корейских государств этот фон стал более заметным. Под влиянием политиков на Юге и Севере в средствах массовой информации и научных изданиях стали применяться несходные лексика и терминология, разводя по различным направлениям развитие даже языковой среды. Этот процесс, имея сиюминутную политическую выгоду, явно негативно сказывается на сохранении самобытности нации и восстановлении понимания, когда к этому будут складываться необходимые предпосылки.

Высказывались и другие суждения. Подчеркивалось, что корейская нация как таковая еще сохраняет свою ментальность и самобытность. Однако молодое поколение, особенно на Юге, приобретает новые, ранее не свойствен-

ные корейцам черты. В сообщениях А.Л.Подъельшева и Д.В.Минаева указывалось, что в Южной Корее за последние тридцать лет в ходе модернизации произошли изменения, оказавшие влияние на формирование нового стереотипа поведения именно молодежи и усугубившие конфликт поколений. В этих условиях старшее поколение остро ощущает утрату детьми и внуками корейских национальных традиций и свою несостоятельность в передаче по наследству прежних обычаев, культурного наследия и ментальных особенностей.

За это же время на Севере появился слой населения, не знающий иного образа жизни, кроме "чуждого", который отчасти находится в русле традиций восточной модели общественно-государственного устройства. Нормы поведения северокорейской молодежи меньше отличаются от стереотипа поведения старшего поколения. Если для южнокорейской молодежи свойственна поликультурная вариативность, для Севера в этом смысле более характерна однородность населения.

Таким образом, согласно выводам дискуссионтов, при естественной схожести национально-психологических характеристик нынешнее поколение Севера и Юга представляют собой общности людей, с формирующейся различной ментальностью, что не будет способствовать взаимному сближению в случае возможного воссоздания единой страны. Сложившуюся ситуацию, как неоднократно подчеркивалось на конференции, осознают на Севере и Юге. Идет поиск путей для возможного решения общенациональных проблем. Российские ученые - участники конференции со своей стороны высказали целый ряд суждений и оценок результативности этого поиска. Так, по словам В.П.Ткаченко, в Корее длительное время господствовало упрощенное представление об объединении страны. Оно отталкивалось от мессианских идей "освобождения" Севера или Юга, соответственно - от "коммунизма" или от "капитализма" и предполагало использование не всегда юридически обоснованных методов для достижения поставленных целей. Соответственно воссоединение воспринималось как поглощение Юга или Севера за счет всеобщих выборов или в итоге обретения каких-либо преимуществ в соревновании за симпатии большей части населения. Не исключалось применение насильственных методов, в том числе вооруженных сил, в случае дестабилизации внутренней обстановки у противоположной стороны.

По мнению участников дискуссии, среди современных концепций объединения Кореи привлекает внимание идея конфедерации, предлагаемая Севером, и идея содружества, разработанная на Юге. В принципе обе идеи довольно близки, что само по себе подтверждает наличие идентичных мотивов, формирующих взгляды сторон на проблему объединения. Если сопоставить их содержание, то обнаруживается высокая степень совпадения целей и подходов сторон как в принципиальных вопросах, так и в деталях. Южнокорейские исследователи вслед за российскими признают, что программа Корейского содружества несет в себе некоторые черты программы конфедерации, разработанной в Пхеньяне, особенно в тех разделах, где речь идет о существе межкорейских отношений в т.н. переходный период. Таким образом, в концептуальном видении путей урегулирования межкорейских отношений Север и Юг продвинулись вперед, хотя на практике они все еще далеки друг от друга. Отсюда напрашивается вывод о том, что при обоюдном желании стороны могли бы постепенно сблизить оба подхода, выработать общий курс и приступить к его поэтапной реализации. Отсутствие прогресса в диалоге видится в стремлении обеих режимов, утвердившихся у власти в Северной и Южной Корее, с одной стороны, обеспечить видимость движения к единству, и, с другой, найти легитимный компромисс сосуществования двух антагонистических систем. Из этой констатации следует, что объединение Кореи, как подчеркивалось выступавшими, в ближайшей перспективе мало вероятно в силу от-

чужденности сторон и сомнительной мотивации к сотрудничеству. Спонтанное объединение Кореи также не реально, поскольку создает угрозу серьезного конфликта в регионе. Формирование процесса объединения в этих условиях равноценно устремлениям решать проблему объединения силовыми методами.

Сопоставление современных концепций в межкорейском диалоге выявляет вполне очевидную по своей сути тенденцию, смысл которой для противоборствующих сторон состоит в том, чтобы отодвинуть осуществление наиболее ответственного этапа национального объединения на более отдаленный исторический отрезок. Завершая дискуссию по этой теме, выступившие тем не менее отмечали, что имеющиеся точки зрения по кардинальной для Кореи проблеме не являются бесспорными, но дают представление о сложности существующей на полуострове ситуации и желательности поиска дополнительных альтернативных решений. В увязке с этим суждением прозвучало мнение о том, что подобные решения давно перестали быть "личным" делом только самих северных и южных корейцев. Страны, которые интересуются положением дел в этом регионе, по просьбе тех же корейцев или по своей инициативе, вынужденно подключаются к разрядке серьезных конфликтов, которые периодически здесь возникают. Если РК и КНДР хотят, чтобы международная поддержка была результативной, им придется выслушивать не всегда лицепрятное, но основанное на реалиях мнение международных партнеров. Пока же и Сеул, и Пхеньян склонны слышать заявления о безоговорочной поддержке только их односторонней позиции в межкорейском диалоге, что явно не созвучно с изменениями, которые происходят в геополитической обстановке в мире.

Особое место на конференции занял блок экономических вопросов. Рассматривались направленность и состояние межкорейской торговли (В.Д.Андрианов), экономическое развитие Севера и Юга (Л.А.Аносова), перспективы трехсторонних связей России с КНДР и РК (М.Е.Тригубенко, И.И.Богдан), социально-экономические аспекты объединения Кореи (В.В.Михеев, Б.В.Синицын). Большинство выступавших докладчиков не ограничилось освещением только нынешней ситуации, сложившейся на полуострове. Во многих выступлениях проанализированы возможности и средства, используя которые предстоит искать развязки имеющихся на Севере и Юге социально-экономических проблем. В сравнительном плане исследованы основополагающие составные части механизма социальной защиты в каждом корейском государстве и основы, которые могут стать фундаментом для создания общей системы в будущей воссоединенной стране (С.С.Суслина).

В процессе дискуссии участники конференции не обошли вниманием такие важные вопросы, как формирование властных элит и политических режимов на Севере и Юге, место и роль военных в этом процессе, особенности правоохранительной системы в КНДР (А.З.Жебин, А.Т.Иргебаев, Н.Н.Кобзев, Р.В.Савельев).

Всего на конференции было заслушано 28 докладов и развернутых сообщений, что уже само по себе свидетельствует о несомненной актуальности и значимости обсуждавшихся вопросов. Интерес к ней проявили иностранные научные центры, изъявив желание получить подробные материалы, освещающие работу этого научного форума. Конференцию, согласно пожеланиям ее участников, предполагается в дальнейшем проводить ежегодно.

Рецензии

По страницам книги А.Д.Барнетта "Китайский Дальний Запад: четыре десятилетия перемен". (Doak Barnett. China's Far West. Four decades of change, Colorado, USA, 1993).

Изданный в 1993 г. в США объемистый труд известного американского китаеведа Д.Барнетта привлечет, несомненно, внимание специалистов во многих странах, включая, разумеется, Китай. "Завязка" книги сама по себе достаточно интригующая: автор в середине 80-х годов задумал и успешно осуществил поездку по тем же местам, где он побывал четыре десятилетия назад в качестве молодого тогда еще иностранного журналиста. Разделы книги почти полностью совпадают с маршрутом, пройденным автором в те далекие годы: Внутренняя Монголия, Нинся-хуэйский автономный район, Ганьсу, Цинхай, Синьцзян, западная часть провинции Сычуань (населенная в основном тибетцами) и провинция Юньнань. Вся поездка на этот раз была организована и проходила под патронажем Академии общественных наук КНР.

Представляется полезным вначале сказать несколько слов о самом авторе книги. А.Д.Барнетт родился в 1921 г. в Шанхае, где он жил и учился до 1936 г. Здесь произошло его знакомство с Китаем, здесь он изучил китайский язык, ставший впоследствии для него важнейшим творческим "оружием". Его научные занятия проблемами Китая продолжились в США и материализовались в целом ряде капитальных работ, вышедших там в 60-80-х годах. Д.Барнетт вновь приезжает в Китай в качестве корреспондента газеты "Чикаго дейли ньюз" в конце 40-х годов, на завершающем этапе национально-освободительной китайской революции. Именно в те годы он посетил отдаленные западные провинции Китая; результатом этой поездки стала книга "Китай накануне коммунистического переворота", изданная в США в 1963 г. В последующие годы из-под его пера выходит добрый десяток крупных работ, посвя-

щенных актуальным проблемам Китая. Он работает на профессорских должностях как виднейший специалист по китайским вопросам в ряде престижных учебных заведений США.

Со времени начала экономической реформы в КНР и объявления ею политики "открытости" внешнему миру, перед исследователем появилась возможность вновь побывать в этой стране, посетить ее уже в качестве ученого-китаеведа с мировым именем. В предисловии к рассматриваемой книге он объясняет причины, побудившие повторить, спустя 40 лет, уже известный ему маршрут. Во-первых, говорит ученый, было крайне интересно увидеть, какие изменения произошли в жизни этих краев за прошедшие четыре десятилетия. Во-вторых, на материалах западных провинций и автономных районов он рассчитывал глубже и обстоятельнее разобраться в том, как осуществляются в Китае экономические реформы, в том числе, в специфических условиях западных "окраин" страны.

Было бы бессмысленным пересказывать даже кратко все то, что вместила в себя книга объемом в 700 крупноформатных страниц. Следует заметить, что Д.Барнетт описывает свою поездку не как экскурсанта, туриста, даже не как журналиста, способный видеть, как правило, лишь поверхностные проявления встреченных им реалий. Чтобы понять, насколько серьезно, глубоко отнесся автор к задуманному им труду, бесполезно коснуться "технологии" работы автора над изучаемым материалом.

С приездом в очередной новый пункт намеченного маршрута, ученый подробно обговаривает с местными представителями АОН КНР свою программу. При этом главный акцент он делает не на визуальные наблюдения (хотя они тоже

представляли большим интерес), а на обстоятельные беседы с самыми различными местными работниками: правительственными чиновниками, преподавателями учебных заведений, научными работниками, хозяйственными руководителями, представителями духовенства и т.д. Как правило, ему удавалось (не всегда "с первого захода") получить возможность беседовать с первыми или вторыми лицами провинций, автономных районов, городов, уездов, предприятий.

В ходе этих бесед со стороны хозяев приводилось множество фактов, конкретных данных (некоторые из них впоследствии перепроверялись автором, дополнялись по официальным статистическим справочникам). Судя по книге, автору удавалось в большинстве случаев находить общий язык с собеседниками (чему немало способствовало свободное владение китайским языком), получать от них обстоятельные и достаточно откровенные ответы, в том числе и на многие острые, подчас деликатные, вопросы. Полученные ответы автором нередко перепроверялись (с соблюдением необходимого такта) во встречах с другими многочисленными собеседниками различных рангов. В результате складывалась многоплановая и довольно полная картина о положении в различных областях жизни общества - политической, экономической, культурной - в западных районах Китая.

Придерживаясь последовательности изложения, предложенной автором, приводя собранные им данные, можно составить весьма исчерпывающее представление о положении дел в промышленности, сельском хозяйстве, культуре того или иного района на западе Китая. Однако приведение даже части собранного им огромного по объему фактического материала чересчур перегрузило бы настоящий обзор. К тому же, следует заметить, что содержащиеся в книге данные, как правило, ограничиваются по времени 1987-1988 гг., т.е. имеют почти десятилетнюю давность. Учитывая высокие темпы развития Китая, большинство из этих данных выглядят заметно устаревшими. Представляется целесообразным, с учетом этого, остановиться в основном лишь на тех обобщениях, к которым пришел американский исследователь.

Если попытаться в самых общих чертах сформулировать впечатления Д.Барнетта от того, что он видел и слы-

шал в ходе своего путешествия, то их можно было бы свести к нескольким основным положениям. Что, кстати, и делает сам автор в последнем разделе книги, озаглавленном "Размышления" (Reflections). Здесь, спустя некоторое время после поездки, когда "осела пыль дальних дорог", автор обобщает главные из своих наблюдений, высказывается по ряду важных вопросов не только положения на дальнем западе Китая, но и о положении в стране в целом.

Итак, самым большим обобщенным впечатлением, почерпнутым Д.Барнеттом из своей поездки, стал вывод об огромных, временами изумлявших автора изменениях, которые произошли во всех западных районах КНР за прошедшие 40 лет. Эти изменения коснулись всех сторон жизни этих отдаленных, "богом забытых" окраин государства. Поразили автора большие и малые города, которые он посетил. "При посещении Иньчуани, Синина, Урумчи, Куньмина, - пишет он, - я был поражен большим числом современных промышленных предприятий, которые там появились, насколько современным стал внешний облик этих и ряда других городов" (с. 585). Автор с трудом узнает места, где прежде царили средневековая отсталость, бедность, нищета. Огромные изменения отмечает он и в сельской местности, где сплошь и рядом на месте дряхлых лачуг выросли каменные дома в 2-3 этажа, проложены асфальтированные дороги, проведено электрическое освещение.

Неизгладимое впечатление, судя по словам Д.Барнетта, произвел на него внешний вид населяющих эти города и поселки людей. Он отмечает, что в подавляющем большинстве у них добротная одежда, причем у части горожан, особенно у молодого поколения, преобладает одежда европейского типа, нарядно выглядят молодые женщины, щеголяющие в туфлях на высоких каблуках. Внушительное впечатление производят магазины, рынки, переполненные разнообразными товарами (не всегда, правда, высокого качества).

Автора буквально поразило повсеместное распространение телевидения. Практически повсюду, во всех, даже самых отдаленных, уголках страны, он видел "лес" телевизионных антенн. (О почти полном охвате телевизионным вещанием всех без исключения районов говорили и

собеседники американского ученого). В наиболее пустынных местах, где нет электроснабжения, телевизионные приемники работают на местном питании, которое дают небольшие ветряные генераторы. В труднодоступные горные районы телевизионные передачи доходят благодаря системе ретрансляционных станций. В крупных городах сооружены свои радиотелевизионные узлы, транслирующие передачи центральных станций, а также ведущие свои собственные местные программы.

Не без основания Д.Барнетт считает, что повсеместное распространение телевидения играет исключительную роль в развитии культуры, образования, в изменении самого образа мышления местного населения. Автор довольно подробно описывает содержание телепередач, из которых зритель может регулярно получать информацию о политической жизни в стране и регионе, о положении дел в экономике, о ходе реформы. Большое место занимают образовательные программы, ознакомление с лучшими образцами отечественного и зарубежного искусства, классического и современного. Передачи, как правило, ведутся как на китайском, так и на местных языках. Немалое место занимает показ иностранных (западных) фильмов, несущих информацию об образе жизни людей, населяющих далекие от Китая страны.

Здесь уместно будет сказать еще об одном выводе автора: в Китае (в немалой степени и под воздействием телевидения) идет, как он считает, процесс постепенной деидеологизации во всех сферах жизни. В стране почти исчезли лозунговые формы пропаганды и агитации. Основные темы всех серьезных радио и телевизионных передач - экономическое строительство, модернизация, вопросы повышения экономической эффективности, улучшение условий жизни. Об этом же пишут центральные и местные газеты.

Все это, считает автор, не могло не способствовать изменению менталитета людей, расширению их кругозора. "Большинство людей, с которыми пришлось встречаться, - отмечает он, - были раскованны, свободны в высказывании своего мнения; похоже, они все дальше отходят от политики и идеологии. Особенно это касается молодого поколения" (с. 634).

С большим уважением отзывается Д.Барнетт о многих из своих собеседни-

ков. Особенно его интересуют фигуры руководящих деятелей - крупных администраторов, партийных работников, руководителей учреждений. К своему удивлению (по контрасту с тем, что он видел в прежние времена) автор встречает в большинстве из них людей образованных, широко мыслящих, компетентных в своем деле. Собеседники, как правило, отличаются открытостью, способностью критически оценивать обстановку. Важно при этом, что среди интересных собеседников были отнюдь не только "выходцы с востока" ханьцы; чаще это были кадры из местных жителей, в том числе представители соответствующих национальных меньшинств, получивших гуманитарное или техническое образование в учебных заведениях Пекина, Шанхая, либо ставшие специалистами на месте.

И все же нехватка квалифицированных кадров остается, по мнению Д.Барнетта, одной из острых проблем для западных районов. Не говоря о том, что общий уровень грамотности среди населения здесь в целом ниже, чем в других провинциях (например, в Ганьсу доля грамотных среди взрослого населения не превышает половины, тогда как в среднем по стране она значительно выше трех четвертей). В этих условиях важное значение имеет направление на работу в западные провинции (с предоставлением льготных условий) специалистов из развитых областей на востоке страны, в основном из Маньчжурии, Пекина, Тяньцзиня, городов, расположенных в низовьях р.Янцзы (с. 198). Характерно, что в ряде случаев переселение специалистов производится вместе с предприятиями, переводимыми в провинцию Ганьсу, в СУАР, другие районы на западе.

В беседах с местными работниками Д.Барнетт постоянно интересуется экономическими проблемами: ростом производства в данной провинции, городе, уезде, новыми предприятиями, их экономической эффективностью, формами и методами государственного управления, ролью рыночного регулирования, отношениями с центром и соседними регионами и т.д. Как явствует из ответов, полученных на местах, сохраняется сильная зависимость последних от центральных организаций. Особенно это касается финансовых вопросов. Несмотря на богатые ресурсы, довольно развитое промышленное и сельскохозяйственное производство, все за-

падные регионы продолжают оставаться дотационными единицами; их финансовая независимость - недостижимая мечта местных руководителей. Такое положение не может не сказываться и на общем уровне материального положения основной массы населения: в целом он продолжает отставать от "процветающих" провинций приморского пояса Китая. При посещении отдельных районов (особенно горных, пустынных) автор имел возможность убедиться в том, что там сохраняются места, население которых живет крайне бедно. Такие районы находятся в поле зрения властей; они включены в общегосударственную программу "ликвидации бедности" (с. 591).

Согласно выводам Д.Барнетта, в западных районах КНР ход экономической реформы в целом заметен от аналогичных процессов на востоке страны. Это проявляется, в частности, в более медленном темпе разгосударствления собственности, в относительно слабом развитии коллективного и частного секторов. В Синьцзяне, например, в 1988 г. на государственный сектор приходилось 86% валовой промышленной продукции, на коллективный - 14%; частный сектор в этой сфере практически отсутствовал (с. 403). Особенно заметно отстает запад по развитию волостно-поселковых предприятий, которые в восточных провинциях уже к тому времени (т.е., к концу 80-х гг.) стали важной самостоятельной частью экономики, серьезно изменившей социально-экономическую и демографическую ситуацию на селе.

Явно задерживается запад и в части налаживания экономических связей с зарубежными странами. Как отмечали собеседники Д.Барнетта, сотрудничество с иностранным капиталом носит эпизодический характер, а масштабы его крайне незначительны (совместные предприятия, например, исчисляются единицами). Правда, этому есть объективное объяснение - большинство западных провинций (Ганьсу, Цинхай, Сычуань) не имеют прямого соприкосновения с зарубежными странами. Ограниченными были и экономические отношения Синьцзяна со среднеазиатскими республиками бывшего Советского Союза. Автор книги резонно полагает, что по мере развития транспортной инфраструктуры освоение богатых ресурсных возможностей этих районов станет более доступным и привлекатель-

ным для иностранных инвесторов. Пока же, как подчеркивали собеседники Д.Барнетта, усилия больше направлены на то, чтобы активнее налаживать "горизонтальные связи", т.е. экономические отношения с другими провинциями Китая, прежде всего в пределах Северо-Западного региона. В то же время, замечает автор, в беседах с руководящими работниками автономных районов, провинций, городов нередко проявлялись элементы местничества, провинциального эгоизма (с. 600).

Во многих местах своей книги автор подчеркивает важность для Западного Китая развития современных транспортных средств. "Одно из главных убеждений почти всех лидеров на западе, - пишет он, - это невозможность обеспечить в дальнейшем быстрый рост экономики этих районов, эксплуатации их богатых природных ресурсов без сооружения широкой сети новых железных дорог" (с. 526).

Надо заметить, что ко времени написания книги транскитайская железнодорожная магистраль (повторяющая маршрут Великого шелкового пути) была доведена только до г. Урумчи. (С завершением ее сооружения и соединения с ж/д сетью СНГ положение существенно изменилось после 1992 г. - Г.Г.). В целом дальнейшее транспортное строительство, включая сеть современных автодорог, рассматривается как одно из ключевых условий модернизации, всестороннего развития западных районов Китая.

С транспортной проблемой прямо связана судьба индустриальной базы, созданной на западе после 1949 г. Перечисляя сооруженные там заводы, рудники, фабрики, автор замечает, что часто они строились без должного экономического обоснования (в частности, в связи с созданием "третьей линии обороны"). В результате в настоящее время их включение в процесс формирования единого национального рынка на основе рыночных принципов крайне затруднителен. Положение может измениться, подчеркивает автор, если войдут в строй и заработают в полную силу объекты топливно-энергетического комплекса в Синьцзяне и Цинхэе, проектируемые транспортные магистрали (включая газо- и нефтепроводы) (с. 393).

В значительной мере сказанное относится и к отраслям сельской экономики. Как отмечает не один раз Д.Барнетт, сельскохозяйственный потенциал запада,

особенно таких его отраслей, как скотоводство, хлопок, сахар, могут существенно увеличить экономический вес региона на общекитайском рынке по мере расширения транспортной инфраструктуры, а также усиления материально-технической поддержки со стороны государства сельских товаропроизводителей.

Отдельная, весьма важная тема, проходящая через всю книгу Д.Барнетта, касается национальной политики, проводимой в КНР, положения национальных меньшинств, их участия в общественно-политической и экономической жизни запада и страны в целом. При этом постоянно имеется в виду, что во всех западных районах нацменьшинства составляют значительную, а в некоторых из них, например, в Синьцзяне, - большую часть населения.

Если говорить в самом обобщенном плане, автор в значительной мере рассеивает весьма распространенные в зарубежном китаеведении "теории" о "китаизации" национальных районов, о дискриминации якобы проживающих там неханьских народностей, их бесправии и т.д. Во всех главах книги с присущей ему скрупулезностью Д.Барнетт рассматривает конкретно положение национальных меньшинств в каждом из районов. "С фактами в руках" он показывает, что хотя китайцы (ханьцы) действительно занимают доминирующее положение в политической жизни (к примеру, практически повсюду на уровне провинций, автономных районов, городов первыми секретарями партийных комитетов являются китайцы), вместе с тем представители национальных меньшинств находятся на руководящих и весьма весомых должностях в правительственных, административных органах всех ступеней.

На конкретных примерах в книге показано, как власти (конечно, не без ведома и участия "центра") стремятся соблюдать рациональные пропорции в расстановке национальных кадров - в системе управления, на производстве, в сфере культуры и т.д. Так, "...почти все собеседники подчеркивали, что в кадровой политике на местах при подборе руководителей (не только политических, но и хозяйственных) проводится линия на то, чтобы лица различных национальностей были представлены, как правило, в той пропорции, что и в составе всего населения данного уезда, волости, города и т.д." (с. 360).

Подчас, однако, складывается впечатление, что в книге несколько идеализируется ситуация с нацменьшинствами. Автор в ряде мест оговаривается, что "на первый взгляд" межнациональные отношения ничем не омрачаются. Вместе с тем, признает он, ряд исторических и бытовых факторов неизбежно рождают определенные "трения" между ханьцами и представителями меньшинств. Он напоминает о ряде волнений, которые были в прошлом в Синьцзяне, в районах, населенных тибетцами в Сычуани, в провинции Юньнань. Упоминается и эпизод с "прорывом" в 1963 г. на территорию Казахстана из Синьцзяна до 60 тыс. уйгуров и т.д. (Об опасности рецидивов межнациональных конфликтов свидетельствуют сведения об имевших место случаях столкновений уйгуров с китайцами в начале 1997г. - Г.Г.) Особенно тяжелый след у местного населения оставили бесчинства хунвэйбинов в годы "культурной революции". Множество мечетей, храмов, других культурных объектов подверглись осквернению, были разрушены. Местные власти постарались устранить последствия этих варварских действий; многое было восстановлено, служителям культов были принесены извинения. Но, конечно, в памяти людей эти печальные эпизоды свой след оставили.

Вполне логичным можно считать вывод автора книги о том, что чем лучше будет обстоять дело с экономикой, чем быстрее будет расти жизненный уровень всех слоев населения всех национальностей, тем меньше будет оставаться места для каких-либо проявлений межэтнических "трений" и "национальной проблемы" в целом в этих районах.

В книге Д.Барнетта, хотя и не часто, затрагивается военная тема. Читатель узнает, что американскому профессору не удалось получить разрешения на посещение Тибета, а в Синьцзяне ему не дали возможности побывать в местах, где, как известно, расположены основные объекты ядерно-космического комплекса КНР. Не удалось ему посетить и районы, граничащие с государствами Средней Азии (бывшими республиками СССР). Судя по всему, автором это было воспринято с пониманием.

В то же время в ходе всей поездки он старался уяснить для себя, как он пишет, какова вообще роль военных в этом регионе Китая. К его удивлению, он лишь

изредка встречался с признаками присутствия там воинских частей. Редкие военные городки попадались в основном в отдаленных местах; в городах люди в военной форме встречались не часто (исключение составил лишь г.Урумчи, где присутствие военных было заметнее).

Д.Барнетт упоминает о том, что значительную роль, как ему известно, играет в Синьцзяне "Производственно-строительный корпус НОА". Действительно, это крупное воинское соединение выполняет в основном в этом автономном районе хозяйственные функции: сооружение ирригационных систем, прокладка дорог, работы по рекультивации земель и т.д. Вместе с тем, очевидно, что само присутствие этой влиятельной силы явилось, надо полагать, важным фактором политической стабильности в регионе.

В провинции Юньнань, в районе, граничащим с Вьетнамом, Д.Барнетт встретился, по его просьбе, с представителями военного командования (двумя полковниками). Они произвели впечатление грамотных, компетентных и тактичных офицеров. Последние не касались, разумеется, секретных тем; в то же время они рассказали американскому профессору кое-что о структуре, системе управления, кадровом составе воинских частей и учреждений, расположенных в этой провинции. Общий вывод, который делает автор, состоит в том, что в целом роль НОА в политической, социально-экономической, идеологической сферах жизни, по крайней мере в этой части страны, существенно снизилась и серьезного влияния на каждодневную жизнь не оказывает. Как неоднократно подчеркивали гражданские собеседники, армейские подразделения имеют прямую систему подчинения центру; их связи с местной администрацией поддерживаются лишь по конкретным вопросам, в основном экономического характера.

В заключение нельзя не отметить,

что вся книга Д.Барнетта, человека, отнюдь не симпатизирующего коммунистическим идеям, написана в спокойном, лояльном тоне. Говоря о трудностях, переживаемых Китаем, автор не злорадствует (в отличие от многих западных коллег). Напротив, он стремится найти этим трудностям объективное объяснение, относится к ним с пониманием. Многие обозреватели, замечает Д.Барнетт, предрекают Китаю бесславное будущее, исходя из опыта Советского Союза и стран Восточной Европы. Автор считает такие аргументы ошибочными, поскольку они игнорируют ряд "фундаментальных различий между Китаем и этими странами". "Экономический застой, - продолжает он, - породивший неразрешимые трудности, был главной причиной крушения политической системы в СССР и в Восточноевропейских странах. В отличие от них в Китае экономическое положение в 80-х годах было хорошим; по темпам экономического роста он находился в первых рядах среди развивающихся стран и возглавлял ход экономических реформ в коммунистическом мире" (с. 613).

О перспективах развития Китая, в том числе и его западной части, Д.Барнетт говорит с верой в их будущее. "Сейчас, когда Западный Китай интегрируется в экономическую и политическую жизнь страны в большей степени, чем когда-либо прежде, когда этот регион вступил на путь модернизации, помощь в осуществлении которой ему оказывает Пекин, другие провинции и города страны, его судьба будет в решающей степени зависеть от политики будущего китайского руководства и успехов модернизации страны в целом" (с. 660). Остается лишь добавить от себя, что многое из сказанного Д.Барнеттом уже реализуется в конкретных программах, заключенных в планах социально-экономического развития Китая на 9-ю пятилетку и на период до 2010 г.

Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. Японское общество: книга перемен. - М., Институт востоковедения РАН, 1996. - 256 с.

На обложке книги кратко сообщается, что это научное издание - "обобщающая работа о жизни японцев последних полутора столетий" двух авторов - доктора исторических наук Э.В.Молодяковой и доктора экономических наук С.Б.Маркарьян. Среди японоведов Э.Молодякова известна как специалист по проблемам рабочего движения, а С.Маркарьян - по сельскому хозяйству Японии. Но tandem этих авторов известен еще и тем, что их перу принадлежат несколько работ на социальные и культурные темы, в том числе часто цитируемая монография "Праздники в Японии". И вот новая крупная монография, посвященная анализу социальных и культурных перемен, произошедших в японском обществе за неполных полтора столетия. Можно предположить, что и это издание станет настольной книгой многих, кто интересуется Японией. Это в своем роде энциклопедия жизни японцев и очень жаль, что глоссарий японских терминов, которыми насыщен труд, не сопровождается указаниями страниц и не все использованные термины включены в него.

В целом работа представляет собой исторический обзор и анализ социально-экономического развития страны за годы новой и новейшей истории с более отдаленными историческими экскурсами.

Работа содержит десять глав, разбитых на два раздела. В первом дается панорама исторических условий формирования японского этноса, религиозно-философских взглядов, моральных норм жизни. Сразу подкупает системный подход к анализу развития общества. Авторы исходят из того, что формационный подход, который оперирует преимущественно производительными силами и производственными отношениями, несколько ограничен. Опираясь только базисными понятиями, такой подход недостаточно учитывал человека с его бытом и духовной жизнью - религией, наукой, психологией, ментальностью. Поэтому более целесообразно при изучении общества применять цивилизационный подход, ибо в центре его стоит человек, считают авто-

ры, раскрывая свои методологические подходы. При анализе процессов развития общества они призывают не замыкаться только на рассмотрении общих параметров, исходить из необходимости изучать "конкретные действия людей, их взаимоотношения в семье, общине, на предприятии, т.е. в малых группах". Оценить общество, считают авторы, "можно только исследуя все стороны жизнедеятельности - социально-экономические, социопсихологические, идеологические и культурные аспекты" (с. 36). Кроме этого, цивилизационный подход "охватывает более мощные, широкие и долговременные процессы, чем формационный и поэтому он более всеобъемлющ" (с. 37).

В главе "Размышления о процессе модернизации" большое внимание уделено рассмотрению методологических подходов и трактовке самого термина "модернизация", анализу особенностей процесса модернизации в Японии, который, как показывают авторы, представляет собой "яркий пример трансформации традиционного общества в западное, понимаемое как модернизированное" (с. 40). Модернизация как бы смыкается с процессом интернационализации. Однако как логично подводят к выводу читателей авторы, "каждое общество вырабатывает свой отклик на наблюдаемую экспансию чужого опыта", отсюда многообразие вариантов цивилизаций и модернизаций (С. 41). Поэтому развитие интернационализации "не будет означать образования единой мировой цивилизации". Идет процесс создания "целого ряда цивилизаций современного уровня со специфическими чертами". При таком подходе, считают авторы работы, "в значительной степени теряет силу один из аспектов теории конвергенции, касающийся потери восточным обществом своей индивидуальности по мере сближения с Западом" (с. 42).

Японский опыт свидетельствует, как показывают авторы на конкретных примерах, что ни одна культура, даже такая мощная как европейская, не может стать универсальным образцом для подражания, но ни одна культура в наши дни не

развивается абсолютно независимо. Вряд ли правомерно расценивать модернизацию Японии в послемейдзийский период как европеизацию, или послевоенную – как американизацию, считают авторы. По их мнению речь идет о процессе более сложном и деликатном, о взаимодействии культур. Ранее в работе удачно подмечено, что “интегрируя культуру других народов в свои традиции, Япония часто сохраняла то, что за рубежом оказывалось утерянным” (с. 45).

Модернизация в Японии и в период Мэйдзи, и в первые послевоенные годы расценивается в работе “как проводимый сверху крупномасштабный процесс”, что и “определяло ее быстрые темпы на каждом из этапов”. В нашей литературе наблюдается разногласия в трактовке преобразований Мэйдзи. События этого периода определяются и как “буржуазная революция”, и “как незавершенная буржуазная революция”, и как “реставрация Мэйдзи”. Авторы придерживаются других определений при оценке этих событий и рассматривают события Мэйдзи “как консервативную революцию”, отмечая, что содержание этого термина “сводится к тому, что революционные преобразования в традиционных обществах происходят на основе собственной традиции” (С. 49). При этом демократические принципы, заложенные в прежних структурах, развивались в новых условиях, а “появившиеся западные нововведения наполнялись национальным содержанием” (С. 62).

Рассматривая причины быстрого экономического взлета страны, авторы пытаются сопоставить роль в этом государства с частным предпринимательством, отдавая последнему “ведущую роль в модернизации”. Но важнее, видимо, было сделать акцент на том, что эти две силы в Японии действовали совместно. Да и сами авторы говорят “об исключительно важном значении государства в процессе модернизации”, отмечая, что “государство построило крупные промышленные предприятия, которые в большинстве своем затем отдало на откуп частному бизнесу”. Весьма доказателен и вывод о том, что “ведущую роль в осуществлении модернизации сыграла бюрократия”, государственные чиновники, воспитанные на конфуцианских принципах, признававших единство этики и политики в государственных делах и поэтому достаточно наде-

жных и малокорруптированных.

В сложившихся на рубеже веков условиях существовала прямая опасность того, что модернизация Японии пойдет по пути наращивания военного потенциала, такой ход развития “детерминировался агрессивной внешней политикой, которая отвечала интересам военных кругов и крупного капитала” (С. 69). Хотя в стране продолжался “естественный ход демократического развития – постепенно расширялось избирательное право, вводились социальные гарантии, сокращался рабочий день, создавались рабочие и крестьянские организации, политические партии левого толка, – однако уже вскоре он был полностью прерван милитаризацией страны, курс на нее стал основным на долгие годы, но вел к пропасти. “Поражение милитаристской Японии было не просто военным поражением, а крахом политической и социально-экономической системы” (С. 70). Население впало в состояние шока прежде всего потому, что рухнули идеологические устои, встала необходимость в новой модернизации на основе демократии.

Послевоенные преобразования проходили в условиях американской оккупации. Однако, как отмечается в работе, оккупационные власти “были более жестки в требованиях проводимых реформ”, например в антиинфляционных мерах, в положениях земельной реформы. И в данном случае авторы акцентируют внимание на том, что реформы должны носить комплексный характер, охватывать все стороны жизни. Быстрый подъем страны после окончания оккупации был обусловлен тем, что “на общем фоне разрухи в стране были проведены системные реформы в социально-экономической, политической, идеологической и культурной областях”.

В работе аргументировано показано, что экстенсивные факторы роста экономики имеют свои пределы. Поэтому с середины 70-х годов в Японии начался “энергичный переход на новую, интенсивную модель развития” (С. 81). В работе рассматривается выработанная на этой основе правительственная концепция создания соответствующей новым условиям социально-экономической системы, которая строится на трех главных принципах: активность и ответственность индивидуумов и корпораций на основе законов рыночной экономики; создание условий для

реализации всех возможностей, потребностей и желаний каждого члена общества; активное участие в международном сообществе. Эта концепция, как намечается, будет реализовываться в японском обществе XXI века (С. 83).

Сейчас в Японии формируется модель общественного развития, сутью которой является система "социального рыночного хозяйства", констатируют авторы. Она должна вписываться в систему международного разделения труда, где Япония уже играет важную роль. "Сохранив передовые позиции в ряде традиционных отраслей промышленности, она стала одним из ведущих поставщиков продукции с высокой добавленной стоимостью" (С. 82). Однако определенным препятствием на пути интернационализации остается "традиционная замкнутость японского общества и отсюда невысокий уровень интернационального сознания", считают авторы (С. 86).

В монографии, которая использует многочисленные источники, оценки как японцев, так и западных исследователей страны, что нельзя не отметить, делается попытка критически переосмыслить некоторые взгляды на Японию и японцев, понять причину "мироворчества изучающих Японию" (С. 89), и почему "большинство оценок Японии иностранцами шло со знаком минус" (С. 91). При этом даже положительные качества часто преподносятся как отрицательные: дисциплинированность рассматривается как регламентированность, стремление к познанию мира - как подражательство. Знак минус ставится даже там, где его трудно поставить, чего стоит, например характеристика Японии как "политического карлика с большим кошельком"! В таких оценках звучит зависть партнеров-соперников, считают авторы работы (с.94). Высказывается предположение, что критика со стороны западных исследователей "вызвана раздражением творцов модернизации и демократии по отношению к более преуспевающему сопернику".

Подводя итоги изложенному в первом разделе, авторами делается вывод: "Япония входит в мировое сообщество как равноправный партнер, импортируя иностранную культуру и одновременно распространяя свои материальные и духовные ценности на мировой арене". Подчеркивается, что новая модель развития стала возможной для Японии только в

уникальных в истории человечества условиях, "когда в течение более полувека не было мировых войн".

Второй раздел - "Основные черты современного общества" - построен на сравнениях взглядов на проблемы развития общества в Японии и других странах, на сравнении ценностных ориентаций народов. Отмечается, что в Японии "негативные стороны жизни не влекут серьезного обострения социальной напряженности" (С. 102). Но может быть не несут потому, что они незначительны, потому, что бедность носит "относительный характер", а разрыв в доходах "гораздо меньше чем в других странах". Проблемы "новой бедности", безработицы, по мнению авторов, "могут встать весьма остро". В этом "могут встать" не столько анализ уважаемых мной авторов, сколько отражение старых пропагандистских подходов, когда мы стремились найти "за буром" не положительное, что можно перенять, а только отрицательное.

Рассматривая современные процессы в Японии, авторы показывают как происходит приспособление традиционных ценностей к условиям высококоразвитого общества. Для молодого поколения японцев не существует противостояния между традиционно японским и европейским, но введение нового в трудовых отношениях, например, осуществляется "весьма осторожно и аккуратно" (С.140). Делается вывод, что ныне в японском обществе совмещается "функциональная рациональность с традициями, национальными духовными ценностями" и именно это "переплетение истории, культуры и современности придает устойчивость японскому обществу, формирует стабильный социальный климат, в котором каждая группа находит свою нишу" (С. 160).

Две последних главы посвящены рассмотрению "качества жизни" японцев. Можно отметить, что практически все главы монографии начинаются с разбора терминов и понятий. И здесь авторы отмечают, что социологи оперируют различными понятиями для характеристики бытия человека: качество жизни, уровень жизни, образ жизни, стиль жизни. Приводится перечень критериев, разработанных специалистами ООН для определения качества жизни, их более десятка. "Согласно данным ООН на 1993 год Япония вышла на первое место по индексу качества жизни" (С. 188).

В рецензиях не принято говорить о том, чего в работе нет. Но нельзя не указать, что в этом разделе хотелось бы видеть более развернутый анализ положительных высказываний японцев об их социальном положении, мнений иностранцев о комфортности жизни и быта в Японии. Просматривается неоднозначное сравнение с бытом учителей, врачей и других категорий лиц со скромным достатком в нашей стране, которые умели, да и в наше дни умеют жить насыщенной духовной жизнью. Такое умение показывают практически все японцы и не удивительно, что целая глава в монографии посвящена досугу в своеобразном понимании японцев. Умение организовать свое свободное время повышает качество жизни японцев.

В заключение можно сказать, что монография, хотя это научная работа, читается легко и будет интересна не только для японоведов, но и для широкого круга читателей. В большинстве популярных изданий Япония описывается прежде всего как экзотическая страна с непонятными для иноземцев обычаями, авторы же предприняли попытку понять ее подлинную историю. Вся работа подводит к выводу, что в Японии сохраняется консервативная ориентация при спокойной, планомерной адаптации общества к меняющимся условиям. Этот вывод в емкой концентрированной форме выражен в цитируемых в книге строках поэта Сергея Спасского: "Все вобрать/ Все чужое постичь, не извне/... И остаться собой/ При любой новизне."

В.П.Курбатов. Актуальные проблемы КНР: демография, агросфера, экология. - М., 1996 г. 195 с.

Автор книги предпринял попытку комплексного исследования наиболее острых проблем современного Китая: роста населения, поисков путей его занятости, демографической политики, обеспечения населения продовольствием, состояния аграрного сектора и среды обитания. Особое внимание в работе уделено социально-производственной организации китайской деревни, вопросам роста производства и доходов сельских жителей. Анализируется ухудшение окружающей среды, которая под давлением антропогенной нагрузки оказалась в состоянии тяжелого экологического кризиса.

Монография В.П.Курбатов, имеющая многоплановый характер, позволила рассмотреть взаимозависимость проблем демографии, агросферы и экологии и намечаемые пути их решения в условиях перехода к рынку, а также переплетение новых и традиционных экономических отношений. Наряду с позитивными сторонами и достигнутыми успехами, автор выявил существенные трудности и сложности на пути решения этих задач, имеющих глубокие исторические корни. Анализ исследуемых проблем дается на широком фоне богатого 15-летнего опыта китайской реформы, ее отдельных этапов.

Вопросы народонаселения и демографической политики в КНР в последнее время привлекают все большее внимание китайского руководства. Как отмечает автор, печать КНР бьет в "демографический набат". Планирование рождаемости возведено в статус фундаментальной государственной политики и поставлено на правовую основу. Контроль над ростом населения имеет прямое отношение к ограниченности природных ресурсов, экологии, к развитию народного хозяйства, осуществлению "четырех модернизаций", накоплению финансовых средств и повышению научно-технического потенциала страны.

В КНР считают, что быстрый рост численности населения произошел в незначительной степени за счет "нарастания серебряной волны" - увеличения продолжительности жизни мужчин до 67 лет и

женщин до 69,6 лет, вследствие улучшения медицинского контроля и резкого снижения детской смертности. Старение общества ставит перед государством сложные проблемы финансового характера. В 1983 г. выплачиваемые пенсии составляли 9,3% от выплат заработной платы, в 1985 г. - 10,7%. К 2000 г. эта цифра достигнет 15, а к 2030 г. - более 30%. К началу 90-х годов отношение работающих и пенсионеров выражалось как 6,5:1, предполагается, что в 2000 г. оно снизится до 4,1:1. Одновременно потребуются значительные расходы на медицинское обслуживание.

В Китае признают, что выдвинутая в конце 70-х годов задача добиться снижения естественного прироста населения до 0,5% к 1985 г. не была выполнена, поскольку курс на однодетную семью, как и следовало ожидать, оказался крайне непопулярным, особенно у крестьян. Более того, в начале 90-х годов естественный прирост населения составлял 14,7 млн. человек против 14,5 млн. человек в начале 80-х годов.

Озабоченность демографов КНР, как отмечает автор, вызывает возрастание средней плотности населения в восточных провинциях - в Цзянсу - 650 человек/км², в Шаньдуне и Хэнане - 500, в Аньхуэе и Чжэцзяне - 400 человек/км², тогда как в Цинхае - 6 человек/км². На восточную часть страны приходится 45% площади и 94% населения КНР.

Вхождение в рыночную экономику заставляет предприятия изыскивать возможности сокращения излишков рабочей силы, что влечет за собой рост безработицы.

Основной научный интерес В.Курбатов сосредоточен на исследовании путей решения проблем аграрного сектора, его модернизации, создания механизма рыночной экономики, повышения эффективности производства. Автор правомерно выделяет такие направления подъема сельского хозяйства, как укрупнение крестьянских наделов, решение проблем избытка рабочей силы, сокращение "ножниц цен", рост доходов сельского населения и инвестиций в деревню.

Позиция автора состоит в том, что мелкие дворы, обрабатывающие 5-10 му (0,3-0,6 га), не в состоянии обеспечить страну с постоянно растущим населением необходимым количеством сельхозпродукции, поскольку они не могут применять современную сельскохозяйственную технику и агротехнику, создавать и использовать накопления для модернизации производства. Поэтому реформа в деревне, по мнению автора, явилась большим шагом назад от крупных сельхозпредприятий, начисто уничтожившим все заложенные в 50-70-е годы предпосылки для его дальнейшей модернизации. В условиях перехода к рыночным отношениям настоятельно необходима коренная реорганизация аграрного сектора, однако модернизировать мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства практически невозможно по ряду причин (сопротивление огромной крестьянской массы, отсутствие подготовленных кадровых работников и др.). В связи с этим переход к рынку, к товарному хозяйству объективно затруднен и разрешить эту "квадратуру круга" в ближайшем будущем вряд ли удастся. Сельскохозяйственная основа национальной экономики КНР и дальше будет оставаться слабой и неустойчивой.

Представляется, что такая оценка перспектив развития китайской деревни является чрезмерно пессимистической. Автор недооценивает ряд позитивных факторов - активное воздействие аграрной политики государства на экономические отношения в деревне, возможности земельной реформы и укрупнения хозяйств, использование достижений современной науки и агротехники и т.п. В.Курбатов справедливо отмечает быстрый рост производства практически всех видов сельхозпродукции в первые годы реформы (1980-1984) как и тот факт, что лишь впоследствии развитие аграрного сектора застопорилось, вследствие стагнации трудовой активности земледельцев, недоинвестирования деревни, ухудшения экологической ситуации, недостатков макрорегулирования, трудностей в закупках продукции, противоречий между центром и регионами. В этих условиях все более настоятельной становилась необходимость перехода от экстенсивной к интенсивной модели развития аграрного сектора. Правда, такой путь не столь дешев, он требует больших затрат крестьян и государственных инвестиций, хотя и

сулит рост эффективности производства и доходов крестьян. При этом получить в нужном объеме средства из самой деревни представляется маловероятным: накопления средней крестьянской семьи невелики, поэтому необходимо перераспределение государственных финансовых средств в пользу сельского хозяйства, что и происходит с 1996 г.

В работе В.Курбатова показано, что в случае непринятия чрезвычайных мер со стороны государства с целью поддержки сельского хозяйства, ситуация в деревне неизбежно обострится. По расчетам автора, сбор зерна в размере 500 млн. т к 2000 г. не решит продовольственную проблему. В 2010 г. население КНР составит примерно 1.400 млн. человек, и на душу населения будет приходиться лишь 357 кг зерна, т.е. не больше чем в 80-е годы. Поскольку дальнейшее дробление обрабатываемой площади законодательством КНР запрещено (земельный надел, полученный двором по подряду не разрешается делить между отцом и сыновьями), то уже в начале XXI в. в стране может возникнуть новый многочисленный слой безземельных крестьян, которых не сможет пристроить местная промышленность, и часть этих крестьян будет вынуждена становиться батраками. По оценке автора, уже к концу нынешнего века реформа вытолкнет из аграрного сектора не менее 200 млн. человек, в итоге усилится расслоение крестьянства и социальная напряженность в деревне.

Вопрос о масштабах хозяйственных единиц в деревне - один из наиболее детально исследуемых в работе. Отметим, что минимальный размер земельной площади для ведения рационального хозяйства, по расчетам китайских специалистов, должен составлять примерно 1,5-2,0 га, автор указывает, что для обработки всех пахотных фондов страны вполне хватило бы 1/3, а то и 1/4 крестьянских дворов. Возникает вопрос, чем будет заниматься остальная масса сельского населения? Избыток рабочей силы обуславливает крайне мелкие размеры хозяйствования на земле, существование трудоинтенсивного, а не высокопроизводительного хозяйства, а также быстрое развитие мелких сельских предприятий, абсорбирующих часть излишних трудовых ресурсов. Однако количество излишней рабочей силы в деревне не убывает, что затрудняет создание экономически эффек-

тивных по масштабам крестьянских хозяйств. В 90-е гг. среднедушевое производство продовольственных культур практически не увеличилось.

Сложность проблем, стоящих перед Китаем, как показано в заключительном разделе книги, связана также с ускоренным разрушением среды обитания. Широкие масштабы приобрело сокращение и истощение земельного фонда, который после создания КНР уменьшился на 50 млн. га, или на 50% площади ранее обрабатываемого земельного фонда. Особенно большой вред нанесла установка "зерно - главное звено", под воздействием которой сводились леса, распахивались пастбища, осушались озера. Упор на производство зерна вызвал истощение пахотных земель. Поэтому в последнее время в Китае все более подчеркивают необходимость

решительного перевода сельского хозяйства на рельсы одновременного развития полеводства, животноводства и лесоводства, развития всех отраслей хозяйства с учетом благоприятных условий данного района.

Можно согласиться с заключительной оценкой В.Курбатова, что ухудшение экологической ситуации в КНР вызывает беспокойство мирового сообщества. Автор приводит заявление президента США Клинтона, высказанное Цзян Цзэминю при их встрече в октябре 1995 г., что величайшую угрозу для безопасности Америки представляют экологические проблемы Китая, а не военные. Более того, если Китай будет пытаться разбогатеть таким же путем, каким разбогатела Америка, то это нанесет непоправимый экологический ущерб всему человечеству.

© 1997

*И. Коркунов,
кандидат экономических наук*

Наши юбиляры

Григорию Алексеевичу Богданову - 70 лет

Г.А.Богданов родился 30 января 1927 г. в райцентре Матвеев Курган Ростовской области в семье служащего. Работать начал рано - с февраля 1942 г. - трактористом МТС в прифронтовой полосе. Так что его 70-летие совпадает с 55-летием трудовой деятельности.

С 1945 по 1956 г. служил в Советской Армии. В 1955 г. окончил Военный институт иностранных языков. С 1956 по 1960 годы работал научным сотрудником Института китаеведения и Института востоковедения АН СССР. С 1960 по 1963 годы был старшим переводчиком советско-монгольского Акционерного общества "Улан-Баторская железная дорога".

С 1963 г. Г.А.Богданов - на журналистской работе: десять лет в китайской редакции Гостелерадио в качестве заведующего - редактора отдела, а с осени 1973 г. до настоящего времени - заведующий отделом социально-экономических проблем журнала "Проблемы Дальнего Востока". Его большой жизненный опыт, широкий научно-политический кругозор, вкус к журналистской и редакторской работе, редкое умение работать с авторами - все это способствовало тому, что материалы по вопросам экономики были и остаются одними из лучших в журнале.

Участник трудового фронта в годы Великой Отечественной войны, награжденный медалью "За боевые заслуги" и другими медалями, он и сегодня трудится с полной отдачей сил, щедро делясь богатством своей души, опытом, знаниями с коллегами.

Редакция и редколлегия журнала горячо поздравляют Григория Алексеевича Богданова с юбилеем и искренне желают ему здоровья, долголетия, счастья и творческих успехов.

70 лет Роману Сергеевичу Белоусову

Роман Сергеевич родился 16 февраля 1927 г. в Москве. В 1950 г. окончил театральный институт (ГИТИС), а в 1955 г. - китайское отделение Московского института международных отношений (МГИМО). Это завидное сочетание знаний в области искусства и востоковедения оказало влияние на всю его творческую жизнь.

Более 15 лет он работал в "Литературной газете", где был заведующим отделом зарубежной культуры. Вот уже четверть века, с 1972 г., когда начал выходить журнал "Проблемы Дальнего Востока", он остается бессменным заведующим отдела культуры, радуя своих коллег и читателей интересными идеями и публикациями.

Редакционную работу Р.С.Белоусов успешно сочетает с большой и разносторонней творческой деятельностью. Он - автор более ста двадцати журнальных и газетных публикаций - очерков, статей, рецензий. Многие из них были опубликованы на страницах нашего журнала, в том числе исследования о жизни и творчестве Василия Ерошенко - русского писателя, жившего в Китае и Японии, друге Лу Синя, о творчестве драматурга Цао Юя, о китайской теме в творчестве Сергея Третьякова, о Лу Сине, Цао Цзинхуа, Мэй Ланьфане и других мастерах китайской культуры.

Р.С.Белоусов - член Союза писателей и Союза журналистов. Он является автором более двадцати книг. Кстати, первая его книга была посвящена советско-китайским литературным связям (1963 год). Широкий круг интересов, эрудиция, богатое воображение позволяют ему успешно заниматься зарубежной культурой не только Востока, прежде всего Китая, но и Запада.

Редакция и редколлегия журнала от души поздравляют юбиляра и желают ему здоровья, долгих лет жизни и новых творческих успехов.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 10.02.97 г. Подписано к печати 15.03.97 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл.печл. 13,0. Усл.кр.-отт. 15,0 тыс. Уч.-издл. 15,0 Бум. л. 5,0
Тираж 1135 экз. Зак. 1365.

Оригинал-макет © 1997 г. Дмитрий Славинский

Отпечатано в Московской типографии №2 РАН, 121099 Москва Г-99, Шубинский пер., 6.